ОГОНЁК

№ 38 СЕНТЯБРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Материал, защищенный авторским правом



Успехов, старшина!

Алексей Максимович Афанасьев.
Фото Е. Иванниковой.

Когда едешь из Краснодара в Ростов по новой автостраде, непременно увидишь его, этот небольшой городок в открытой степи. Расположен он неподалеку от станицы Платнировской, Кореновского района, и принадлежит богатому колхозу имени Кирова. В городке — свиноферма. Крупнейшая свиноферма. Не часто встречаются даже на юге такие огромные фабрики свиного мяса. Ферма хорошая, но не отличная, вот уже два года ей не везет: сперва не хватило кормов, точней, кукурузы, а в этом году весной не сумел колхоз подготовить помещения для поросят, а их тысячи!

Но что касается, так сказать, технологии производства свинины, то она тут отработана очень хорошо. Огромные корпуса механизированы, а летом платнировские свиноводы остроумно приспособили под откормочную площадку берег степной реки и избавились начисто и от «водоснабжения» и от чистки животных.

Но когда в Краснодарском крае заходит разговор об этой ферме, люди имеют в виду не столько зоотехническую сторону дела, сколько сторону человеческую. Очень все хвалят заведующего этой фермой Алексея Максимовича Афанасьева, хотя он вовсе не зоотехник, а с животноводством имеет дело совсем не так уж давно.

Хвалят Афанасьева как отменного воспитателя и настоящего вожака колхозников. И когда видишь, как привечают его и парни, и пожилые женщины, и девчата, когда замечаешь, как прислушиваются они к его меткой, образной, непременно с юморком речи, то понимаешь, что тут не просто уважение к «начальству», а подлинная любовь к коммунисту, который живет для людей.

Зовут его старшиной, да он и впрямь старшина запаса: не так уж давно отслужил в армии. Биография его началась трагически: на фронте погиб отец, а под Сталинградом, в тылу у немцев, в фашистском концлагере, умерла мать. И, может, именно потому, что сам он пережил много тяжкого, очень душевно относится Алексей Максимович к людям.

Рассказывают такую историю. На ферме были три хлопца крайне развязного поведения. Они нахулиганили и попали под суд, и Афанасьев — нет, не думайте, что он принялся их «спасать», «замазывать» их проступки, нет,— Афанасьев выступил на суде с суровой речью. Но, видно, столь справедлива была эта речь, столь человечной была эта суровость, что хлопцы не затаили злобы против своего заведующего. Вернувшись из заключения, они попросили:

— Пошлите нас работать к Афанасьеву!

— К Афанасьеву? — удивились в правлении.— Но он же вас...

— К Афанасьеву! — настойчиво подтвердили хлопцы.

И пришли. И работают. И не со злобой, а с благодарностью говорят о суровом уроке, который им дал старшина, дал от чистого сердца, уверенный, что хорошая встряска будет полезнейшей школой для молодых ребят.

Сейчас на Кубани, да и не только на Кубани, много разговоров о так называемом «среднем» звене: бригадирах, заведующих фермами. В крупных колхозах это столь же решающие фигуры, как и мастера на заводах. Алексей Афанасьев — один из таких мастеров колхозного дела. Душа коллектива, он ведет людей на штурм колхозной семилетки.

Успехов тебе, старшина!

Г. РАДОВ

На первой странице обложки: Турбинный завод имени Кирова в Харькове. Сварка конденсатора для паровой турбины мощностью 150 тысяч киловатт.
Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Перед дождем.
Фотоэтюд В. Тарасевича.

Материал, защищенный авторским правом

Счастливого пути, дорогой Никита Сергеевич!



В связи с поездкой в Соединенные Штаты Америки Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева корреспонденты «Огонька» обратились к представителям разных профессий с вопросом:

КАКИЕ НАДЕЖДЫ ВЫ ВОЗЛАГАЕТЕ НА ВСТРЕЧУ ГЛАВЫ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С ПРЕЗИДЕНТОМ США? КАКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОЖИДАЕТЕ ОТ ЭТОЙ ВСТРЕЧИ?

Так думают все рабочие

Ф. В. РЫХЛИК, слесарь (город Жуковский).

Прочитал я статью товарища Хрущева «О мирном сосуществовании». Никита Сергеевич словно подслушал мысли каждого рабочего. Все счастье человека в труде. А для труда нужен мир. Воевать надо не с людьми, а с природой, чтобы лучше, сытнее и красивей жизнь была. И если нельзя пока еще в полной дружбе жить, то хотя бы относиться друг к другу по-соседски. Я убежден, что так думают и американские и вообще все рабочие на свете.



С. А. КОЛЕСНИКОВ, доктор медицинских наук, директор Института грудной хирургии Академии медицинских наук СССР.

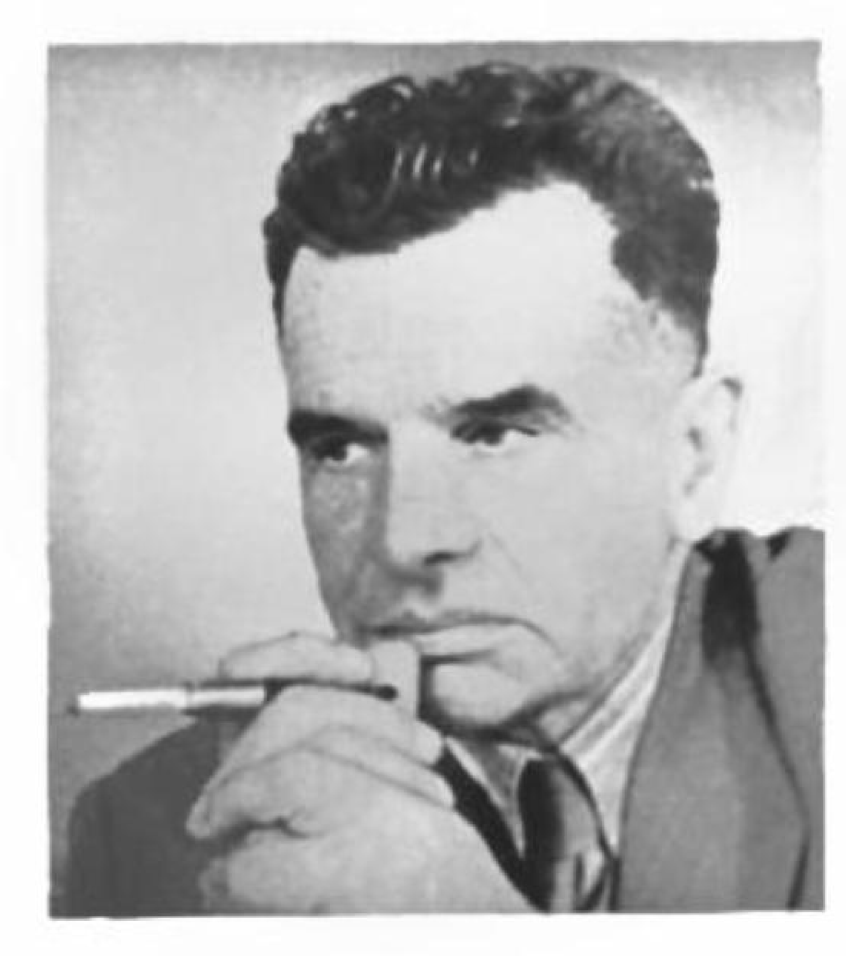
Благородная идея сосуществования

Товарищ Хрущев поставил перед общественностью мира важнейший вопрос современности: не только о взаимоотношениях между странами, но и о судьбе всего человечества.

Наш институт очень часто посещают врачи из Соединенных Штатов Америки, Англии, латиноамериканских и других стран. Так, недавно был видный хирург, профессор Колумбийского университета Джон Гарлок. Больше месяца работал у нас доктор Н. Н. Брейер из Бирмингема, штат Алабама. Сейчас практикуется на хирургии сердца чилийский врач профессор Хусто Ульоа...

Плодотворным оказалось сотрудничество советских и английских хирургов в сложных операциях на открытом сердце с использованием английской аппаратуры для искусственного кровообращения. Наши американские и английские коллеги, в свою очередь, очень заинтересовались нашими аппаратами для сшивания сосудов.

Я уверен в том, что деятели науки и техники могут привести множество примеров необычайной ценности сотрудничества в мирном труде между людьми всего мира. И в свете благородной идеи сосуществования стран с различными социальными системами активная деятельность проповедников «холодной войны», от которой недалеко и до «горячей», кажется особенно омерзительной.



Мы в это верим!

Федор ПАНФЕРОВ, писатель.

Я прочитал статью Н. С. Хрущева «О мирном сосуществовании», где Никита Сергеевич высказал самую насущную думу нашего народа. А наш народ, как и все честные люди на земле, не случайно сказал, что война — бедствие для народа. Все люди хотят одного — мирно трудиться,овладевать дарами природы, любить, растить детей, создавать большую человеческую науку.

Вот эти замечательные и глубокие думы и повезет с собой в Америку Никита Сергеевич Хрущев.

Будем мы рады, если президент Эйзенхауэр на встрече выскажется в этом же народном духе. Тогда безусловно войны не будет. Тогда народы отметят эту встречу как крупнейший перелом в истории человечества, который поставит новые вехи на пути к мирному соревнованию государств, к мирному сосуществованию.

Верим мы в это и хотим!

Потягаться в труде!

А. А. СУЧКОВ, бригадир тракторной бригады (колхоз имени Ленина, Клинского района, Московской области).



Я три раза ранен. Все трактористы из моей бригады защищали Родину в лихие годы навязанной нам войны и хорошо помнят, чего она нам стоила.

Теперь колхоз поставлен на ноги. Из года в год все больше доходов. Кукуруза наша нынче первая в районе — выше трех метров высотой. Неужели опять рушить все хозяйство?

Зачем кулаками перед нашим носом махать, тем более, что они и у нас увесистые! Куда лучше по-хорошему поучиться друг у друга и потягаться в мирном труде. Кто из нас для людей больше сделает, тот и победит.

На снимке: комбайнер Николай Николаевич Мальков, бригадир Алексей Алексеевич Сучков, тракторист-дизелист Егор Семенович Гаврилин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



№ 38 (1683)

13 СЕНТЯБРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Материал, защищенный авторским правом



На открытии Польской промышленной выставки в Москве.

Познакомимся с братской Польшей

Фото Галины Санько.



Карусельно-токарный станок с электрическим копировальным устройством.

С самого утра зарядил мелкий осенний дождик. Но к Центральному парку культуры и отдыха имени Горького шли и шли люди. У касс, где продаются билеты на Польскую промышленную выставку, длинные очереди. Протягивая мне билет, пожилая кассирша говорит: «Идут, дождика не боятся. Значит, хорошая выставка».

Эти слова «хорошая выставка» не перестаешь слышать все время, пока ходишь по павильонам и обширной открытой площадке на берегу Москвы-реки, где расположилась значительная часть экспонатов.

Каждый раздел выставки восхищает глубокой продуманностью, строгостью экспозиции и в то же время легкостью, я бы сказал, изяществом. Даже в том, как расставлены под открытым небом машины, чувствуется глаз и рука опытного, взыскательного художника.

Входим в один из павильонов. Переплетаются друг с другом государственные флаги Польской Народной Республики и Советского Союза, изготовленные из металла. В центре — большое фото, запечатлевшее братское объятие товарищей Владислава Гомулки и Никиты Сергеевича Хрущева. Зал посвящен нерушимой дружбе народов Польши и Советского Союза. Стенды красноречиво рассказывают об этом. За 15 лет в Польской Народной Республике построено 270 крупных промышленных предприятий, из них 31 — с помощью Советского Союза.

Многие отрасли польской промышленности представлены на выставке в моделях. Здесь заводы ячеистого бетона, океанские корабли, которых Польша за последние годы построила около трехсот, отлично выполненные модели танкеров, сухогрузных, спасательных и рыболовных судов. Польша уверенно входит в ряд крупных морских держав, становится ведущей страной судостроения.

Первый павильон сами устроители называют гордостью польской технической мысли и науки. Здесь показана продукция металлургической, химической, бумажной промышленности, научно-исследовательская аппаратура, медицинские инструменты. Вот тонкие стальные листы, прокатанные холодным методом на металлургическом комбинате имени Ленина, автомобильные покрышки, сделанные из польского искусственного каучука, кислотоупорная аппаратура и многое другое.

Второй павильон — царство машин. На первом этаже — металлообрабатывающие станки самого различного назначения, диспетчерское оборудование для угольной шахты, радио- и киноаппаратура, приборы. Сюда спешат в первую очередь инженеры, мастера, рабочие. Идут не просто посмотреть, идут узнать, увидеть новое, познакомиться с тем, что есть у польских друзей, обменяться опытом.

Изделия легкой промышленности занимают третий павильон. Посетители с интересом смотрят, как живет трудовой человек в народной Польше, как одевается, обставляет квартиру.

И надо сказать, что мебель, текстиль, галантерея, спортивный инвентарь, посуда могут удовлетворить самые взыскательные вкусы. С удовольствием рассматриваешь чайные сервизы, вазы и другую посуду. Эмалированные, они кажутся сделанными из фарфора. Красиво, прочно, недорого. Почему бы нам не поучиться у польских товарищей делать такую посуду?

На втором этаже павильона выставлены плетеные изделия: мебель, корзины, сумки, детские коляски. Из обыкновенных ивовых прутьев в Польше изготовляют удивительно удобные, современные по рисунку кресла, стулья, столики и много других красивых и полезных вещей.

На открытой площадке плотное людское кольцо окружило автомобили. Особым успехом пользуется «Микрус» — маленькая, удобная машина. Большой интерес вызывают автофургончики. Прицепи такой фургончик к автомобилю, и можешь ехать в путешествие хоть на месяц, хоть на все лето. Внутри удобные диванчики для сна, стол, стулья, даже маленькая газовая плитка и умывальник. Мотоциклы, мотороллеры, велосипеды, яхты, планеры, много сельскохозяйственных машин — все говорит о быстром и энергичном индустриальном развитии Польской Народной Республики.

Говоря об этих успехах, надо помнить, с чего начинала народная Польша строить свою промышленность. Военные разрушения сократили национальное богатство страны на 38 процентов по отношению к 1939 году. Гитлеровским нашествием было уничтожено около 20 тысяч промышленных предприятий, транспорт разрушен более чем наполовину, погибло свыше 6 миллионов человек.

А сейчас каждый, посмотрев выставку, в которой, как в капле воды, отражены достижения трудящихся Польши за последние 15 лет, может убедиться, что значит социализм для народа, свободно строящего свою жизнь.

В Парке культуры и отдыха от разных людей сегодня слышишь разговоры об американской выставке, которая недавно закрылась. Все единодушны в том, что польская выставка намного лучше, полнее, значительнее американской. Эта мысль повторяется на все лады в книге отзывов: да, польские товарищи сумели по-настоящему показать сегодняшний день страны, ее большую, кипучую жизнь.

Записи в книге отзывов, разные по форме и стилю, объединены одной общей чертой: москвичи, ленинградцы, бакинцы, посетители из Киева, Ташкента и многих других городов нашей страны тепло, от всего сердца, как и полагается настоящим друзьям, желают Польской Народной Республике счастья, процветания, еще больших успехов в великом деле построения социализма.

В открытии польской выставки участвовала правительственная делегация Польской Народной Республики во главе с Председателем Совета Министров ПНР Ю. Циранкевичем.

На открытии выставки присутствовали руководители Коммунистической партии и правительства Советского Союза.

П. ПРОНИН



В павильоне легкой промышленности.

Материал, защищенный авторским правом



5 сентября Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев посетил выставку «Чехословацкое стекло».

Фото Е. Халдея.

ДВИЖЕНИЕ СТОРОННИКОВ МИРА—ВЕЛИКАЯ СИЛА



Деннис Ноэль Притт.

Сейчас ему 72 года. Имя его, известного английского юриста, члена Всемирного Совета Мира, почетного президента Английского комитета защиты мира,— имя Денниса Ноэля Притта знают во всем мире. И с особенной теплотой произносится это имя в тех странах, где колонизаторы привыкли инсценировать массовые «судебные процессы» над руководителями или рядовыми борцами национально-освободительного движения в колониях. Д. Н. Притт неизменно и мужественно защищал обвиняемых на таких процессах.

Мы встретились с Д. Н. Приттом в Москве. Разговор сразу зашел о движении сторонников мира, в которое Д. Н. Притт вложил так много энергии, таланта и страсти.

Притт говорит, что в последнее время в ряде западных газет упорно проводится мысль, что движение сторонников мира будто бы себя «исчерпало», поскольку-де «наблюдается ослабление международной напряженности».

— Из этого я делаю три вывода,— говорит Притт.— Во-первых, тем самым наши враги признают, что мы, сторонники мира, добились несомненных успехов. Во-вторых, заявляя, что в мире сейчас якобы все уже в порядке, западная пропаганда преследует явную цель — разоружить наше движение. В-третьих, наше движение должно работать в этой обстановке еще упорнее, еще настойчивее, так как враги мира этими разговорами о необходимости свертывания нашей борьбы хотят нанести нам удар из-за угла.

Д. Н. Притт приводит примеры. В Англии не раз в последние месяцы случалось, что на следующий день после демонстрации или митинга сторонников мира с требованием созыва совещания в верхах газеты, близкие к официальным кругам, поднимали шум. «Зачем такое собрание? Ведь совещание в верхах уже близко»,— писали они. А через несколько дней англичане узнавали, что на деле для созыва такого совещания в правительственных кругах мало что делается.

Попытки усыпить общественное мнение — вообще излюбленный прием империалистической пропаганды, касается ли дело борьбы за мир, или национально-освободительного движения в колониях, или какого-либо другого прогрессивного движения нашей современности.

Д. Н. Притт приводит еще один пример из своей практики. На одном из процессов, сфабрикованных колонизаторами в Кении, он выступал в качестве защитника. Подсудимый, высокий, стройный негр, говорил, как европейцы обманули его доверчивый народ: «Много лет назад европейцы приехали в нашу страну. У них не было земли: она принадлежала нам. Но у них была библия. Они сказали нам: читайте библию и молитесь, молитесь с закрытыми глазами. Мы еще не привыкли тогда к обманам, мы были очень доверчивы, не знали еще, что такое европейская цивилизация. А когда мы открыли глаза, то увидели, что у нас в руках — библия, а у них — земля».

— Я говорю все это для того,— заключает свою мысль Д. Н. Притт,— чтоб показать, что и наше народное движение сторонников мира не должно давать себя успокаивать, усыплять.

Притт отмечает, что у него на родине, в Англии, движение сторонников мира сейчас сильнее и активнее, чем когда-либо раньше. Рядом с Английским комитетом защиты мира возникло несколько других организаций, тоже выступающих за мир. Одна из них — Комитет действий против атомной угрозы. Этот комитет организовал знаменитый четырехдневный поход англичан из Олдермастона в Лондон, закончившийся грандиозным митингом на Трафальгарской площади.

Другое важное событие этого года — «Марш за право на жизнь», состоявшийся по призыву Комитета защиты мира.

— И здесь,— замечает Д. Н. Притт,— следует сказать о некоторых особенностях движения за мир в Англии. Профсоюзы Великобритании тесно связаны с лейбористской партией. Лейбористская партия официально не признает Английского комитета защиты мира. Теоретически и профсоюзы должны стоять на такой же «позиции», но в этом году впервые на практике получилось не так: в «Марше за право на жизнь» приняли активное участие многие тред-юнионы.

Мне кажется,— размышляет вслух Д. Н. Притт,— что именно рост рядов нашего движения, ставшего крупнейшей международной общественной силой, заставил правящие круги западных держав сделать некоторые практические шаги к пересмотру своей внешней политики. В конце августа я смотрел по телевидению в Лондоне встречу президента Эйзенхауэра и премьера Макмиллана. Эйзенхауэр во время этой встречи сказал, что он иногда думает, что правительства должны свернуть со своего обычного пути и добиваться мира, потому что давление народов уж слишком велико. Красноречивое признание!

На минуту Д. Н. Притт замолчал, потом, улыбаясь, продолжал:

— Не смешно ли после этого говорить, что движение за мир исчерпало себя? А вот факты самых последних дней. Правительство Аденауэра потребовало приписки к призывным пунктам немцев, родившихся в 1922 году. По всей Западной Германии прокатились митинги протеста против обязательной воинской повинности. Во всем мире люди протестуют против намерения Франции провести испытания атомной бомбы в Сахаре. В Индии и Латинской Америке проходят митинги за запрещение испытаний атомного оружия, за созыв совещания на высшем уровне.

Подытоживая большой и славный путь, пройденный движением сторонников мира, Д. Н. Притт говорит:

— Прошло десять лет с тех пор, как родилось это великое движение нашей эпохи. Сейчас мы со смехом вспоминаем высказывания наших недругов о том, что движение за мир ничего не достигнет. Вот смотрите!

И он берет со стола газету.

— Советский премьер-министр Н. С. Хрущев едет в Соединенные Штаты, американский президент Д. Эйзенхауэр приедет к вам в страну. Запад ни за что не пошел бы на такой обмен визитами, если бы не давление народов, если бы не борьба миллионов и миллионов людей за мир. В этом обмене визитами, вселяющем большие надежды в сердца народов,— и наша заслуга, заслуга борцов за мир.

К. ПЛАХИТЬКОВ

Митинг сторонников мира в Лондоне.



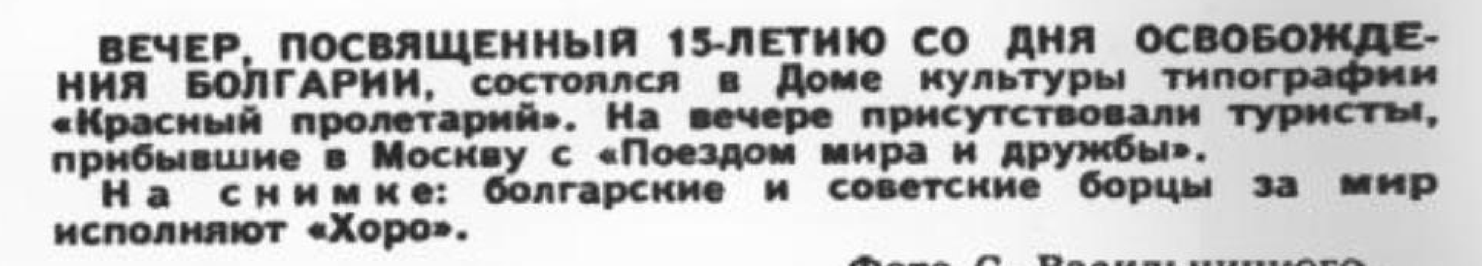
ериал, защищенный авторским правом



ПО ПРИГЛАШЕНИЮ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА СОЛИДАРНОСТИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ в Москве гостит делегация Индонезийского Совета солидарности во главе с видным общественным деятелем, членом парламента, председателем Комитета солидарности Индонезии Анваром Чокроаминато.

На снимке: индонезийские гости знакомятся с московскими школьниками.

Фото Н. Рясина.



ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ 15-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ, состоялся в Доме культуры типографии «Красный пролетарий». На вечере присутствовали туристы, прибывшие в Москву с «Поездом мира и дружбы».

На снимке: болгарские и советские борцы за мир исполняют «Хоро».

Фото С. Васильницкого.







ВО ВСЕСОЮЗНЫХ СОРЕВНОВАНИЯХ КОННИКОВ колхозов, совхозов и конных заводов приняли участие пятьсот двадцать человек на шестистах лошадях тридцати двух пород и породных групп. Кроме бегов, скачек и национальных игр, в программу были включены джигитовка, соревнования по перевозке тяжестей, по преодолению препятствий.

Двадцать из пятидесяти пяти именных призов завоевала команда РСФСР, девять призов — украинская команда.

350 ПРИЧЕСОК В ДЕНЬ делают мастера только что открывшегося в Москве парикмахерского женского салона на Кузнецком мосту. Салон этот — своеобразный дом моделей парикмахерского искусства. В просторном двухэтажном помещении будут устраиваться просмотры новых причесок, встречи мастеров.

Здесь не надо терять времени в ожидании очереди: введена предварительная запись.

Фото Р. Лихач.



ПОДМОСКОВНЫЕ МАСТЕРА-УМЕЛЬЦЫ делают занимательных матрешек, вызывающих восторг у зарубежных туристов. Двадцать четыре куклы-матрешки вкладываются одна в другую, причем меньшую впору рассматривать в лупу. Эти куклы были показаны на выставке изделий народно-художественных промыслов Московской области.

Артели из-под Подольска и Загорска выставили много красивых и затейливых изделий, сделанных в стиле традиционного загорского рисунка: ларцы, вазы, шкатулки. Особое внимание привлекают куклы, ведущие хоровод и изображающие прославленных танцовщиц ансамбля «Березка».

На снимке: кукольная «Березка».



Материал, защищенный авторским правом

ЭТОЙ ФОТОГРАФИИ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Многие годы своей жизни великий русский ученый и изобретатель Константин Эдуардович Циолковский жил в неизвестности. У него было лишь несколько друзей — представителей передовой интеллигенции.

Наиболее близкой ему была семья хранителя Калужского музея В. И. Ассонова. Два брата Ассоновы, Александр Васильевич и Владимир Васильевич, были его доброхотными помощниками в проведении многих опытов по аэродинамике и астрономических наблюдений, в сооружении моделей дирижаблей, подготовке и печатанию его произведений.

До самой смерти ученого братья Ассоновы оставались его самыми близкими друзьями.

В тот период, когда Циолковский публиковал свои первые работы, братья Ассоновы были студентами. Они старались, как могли, поддерживать своего учителя и друга.



Однажды Константин Эдуардович подарил старшему из братьев свою фотографию (публикуется впервые). На обороте ее он написал: «Многоуважаемому Александру Васильевичу Ассонову. 1909 г. 2 июль. От К. Циолковского».

Дети многих народов...

По классам школы с киноаппаратом прошел зарубежный гость — американский журналист Роберт Кондон. А члены школьного фотокружка, в свою очередь, снимали его. Позднее Роберт Кондон поделился своими впечатлениями:

— Я уверен, что такие школы, как эта, помогут установить лучшие взаимоотношения между Советским Союзом и моей страной.

...Не многие советские люди знают адрес этой обычной средней школы в Ленинградском районе Москвы. Но за рубежами нашей Родины этот адрес известен многим. Не только в школу, но и на улицы Октябрьского поля, в дома, где живут школьники, постоянно приходят письма и посылки от китайских пионеров, цейлонских юношей, от маленьких болгар, румын, немцев, чехов. Переписка эта началась в дни VI Всемирного фестиваля в Москве.

Марцелла Гангушева прислала Тане Черняковой виды города Теля (Морава). На одном из них, около домика с остроконечной крышей, она поставила крестик: «Там я живу».

Пуша Радулеску из Плоешти прислала Тане посылку с кедами — спортивной обувью, а Таня подарила маленькой румынке красный пионерский галстук.

Люба Кунина переписывается с юной болгарской учительницей Гункой Мариновой из Старой Загоры. Пишет Любе и родственница Гунки — Данка — и Дешка Цанева из Тырнова.

Миша Воробьев получил 25 писем от Фана Каминского из Чехословакии; мальчики не раз посылали друг другу книги. Галя Ледина, весело поблескивая темными глазами, выкладывает на стол корреспонденцию из ГДР, Дании, Голландии, Чехословакии. С Юргеном Хельбригелем из Лейпцига она переписывается уже почти три года. Юрген сообщает о своих товарищах, о спектаклях, которые видел.

Дружба ширится и растет. Школу посетили цейлонские учителя. И вот пришли письма с Цейлона, а затем ответные — на Цейлон... Ученик Ричмондского колледжа Нихал Раджванакос сам, через журнал, нашел адрес 702-й школы. Завязалось знакомство. Шестой класс послал цейлонским друзьям деда-мороза, елку и подробные инструкции, как ее украшать.

В коридорах школы висят стенды с конвертами и открытками, присланными из-за рубежа. Вот конверт, весь покрытый неровными строками. Очень трудно было китайскому мальчику написать длинный адрес: Москва, 5-я улица Октябрьского поля, и далее — номер дома, корпуса, квартиры. Но и адрес отправителя не короче: Китайская Народная Республика, Ухань, Ханьюу, улица Чокушаньдадо, Сы Ши-цай.

В большом школьном альбоме почетные посетители оставляют отзывы.

«На свете очень много детей, которые не так счастливы, как вы»,— записал Курс Капено из Японии. Об этом же пишет и представитель ООН по вопросам воспитания и благополучия детей г-н Бушен. Турист Джексон Уиллер из США, побывав в 702-й школе вместе со своей семьей, написал в альбоме: «Теперь я понимаю, почему ваша страна добилась таких больших достижений во всех областях... Я молю судьбу, чтобы были созданы еще лучшие условия для подобных визитов, чтобы мы могли еще больше понять друг друга и еще крепче дружить».

На стене в вестибюле школы висит большая карта мира. От красной звездочки — Москвы — протянулись тонкие нити в десятки стран, городов, сел, местечек, туда, где живут мальчики и девочки, учителя и рабочие, профессора и журналисты, связанные тесными узами с этой советской школой.

А. АРЕНШТЕЙН,
Т. ЯЗЫКОВА

Журналист Р. Кондон из США в 702-й школе.



СЕГОДНЯ—ДЕНЬ ТАНКИСТОВ

СОЛДАТ ПОМОГАЕТ СОЛДАТУ

Боевое взаимодействие...

Это, казалось бы, сугубо военное понятие претерпело значительные изменения, выйдя из рамок чисто армейской терминологии. Изменения подсказаны жизнью.

...В подразделении командира танковой роты Виктора Чистякова все началось после встречи воинов с Валентиной Гагановой. Она им долго рассказывала о себе, о своих подругах. И они в тот же вечер решили, что гагановцы могут быть не только на фабрике, но и в армии. Первым откликнулся механик-водитель старший сержант Анатолий Зотов:

— Если каждый из нас поможет одному или двум отстающим товарищам продвинуться в отличники, то у нас не будет отстающих вовсе!

И тут же взял личное обязательство: вывести в отличники рядовых Желмуханова, Тарасевича и Новикова. Зотова поддержал наводчик орудия Анатолий Цевелев. И вот уже решено: добьемся того, чтобы в нашей роте не было ни одного отстающего солдата.

Слово свое танкисты держат. И первое серьезное испытание — боевые стрельбы — выдержано. Отстающих не было.

В ближайшее время роту покинут те, кто увольняется в запас. На берега Ангары, на стройку Братской ГЭС, поедут «три танкиста, три веселых друга», как о них в шутку говорят товарищи по роте,— сержант Зайцев и ефрейторы Вычужанин и Евгенов. Добрую память оставляют они о себе: хорошую смену подготовили, потоварищески помогли отстающим.

Майор И. ПОЖИДАЕВ,
майор Д. АЗОВ.



Танкисты на учениях.
Фото Е. Удовиченко.

Заминированный склад уничтожен

В один из последних дней августа жители новой Строительной улицы в Днепропетровске, где коллективно строят для себя дома машиностроители, были взволнованы неожиданной находкой.

Токарь Валентин Донгаузер, роя котлован для очередного трехэтажного дома, почувствовал, что лопата скользнула по металлу. Донгаузер начал руками разгребать землю. Из-под земли появилась гладкая металлическая поверхность. Снаряд? Мина?

Работавший рядом бывший артиллерист Александр Платонович Шемигоненко быстро определил, что это мина с боевым запалом.

О находке сообщили в райвоенкомат. Прекратили работу, огородили опасный участок.

Группа саперов во главе с лейтенантом О. А. Сандлером обнаружила, что здесь зарыта не одна мина, а целый склад боеприпасов.

Необходимо было его немедленно обезвредить. Сейчас, когда боеприпасы оказались на поверхности, они представляли большую опасность. От одного неосторожного движения мог взлететь на воздух целый жилой район.

Саперы должны были определить границы склада, узнать, из каких боеприпасов он состоит, откопать весь склад и перевезти его.

Лейтенант О. Сандлер, старший сержант Анатолий Погребняк, рядовые Борис Лавута, Михаил Солер, Григорий Халияни, Владимир Возняк взялись за дело.

Надо было снять слой земли так, чтобы случайно не зацепить тоненького, почти незаметного провода, не задеть взрывника. Работа затруднялась тем, что фашисты, отступая, забросали яму цементом, который за шестнадцать лет слежался и стал каменным. Бойцы перочинными ножами и просто руками скребли цемент, рыхлили землю.

Склад был очень большой, работать надо было недели две, но саперы решили, не считаясь со временем, обезвредить боеприпасы за пять дней. Свою помощь саперам предложили машиностроители Александр Шемигоненко, Николай Перевозчиков, Григорий Сердечный, Валентин Михайличенко, Константин Графинов, Николай Трегубов.

Вместе с саперами рабочие поднимали на веревках освобожденные от земли и цемента мины, прячась за укрытия. Двигали их осторожно, чтобы не толкнуть соседние; переносили на грузовик.

Перевезти склад боеприпасов взялся шофер Петр Лукьяненко. Его машина шла впереди, а на некотором расстоянии за ней двигался прицеп со смертоносным грузом. «Состав» этот шел со скоростью пять — семь километров в час, но и это было опасно.

К концу пятого дня самоотверженной, мужественной работы склад не существовал. В далеком овраге саперы подорвали боеприпасы: 611 заряженных мин, 9 750 снарядов общим весом в десятки тонн.

...И снова на Строительной кипит работа. А на месте, где был склад боеприпасов, поднимется трехэтажный жилой дом.

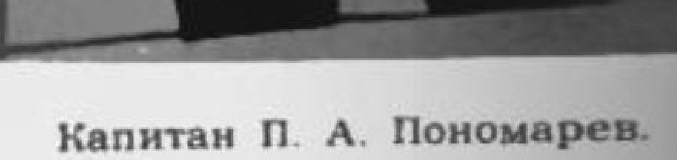
Ал. АХМАТОВ

Днепропетровск.

Лейтенант О. Сандлер и сержант А. Погребняк около извлеченных боеприпасов.
Фото Г. Шапошникова.



АТОМНЫЙ ЛЕДОКОЛ ГОТОВ К ПЛАВАНИЮ



Капитан П. А. Пономарев.

Ледокол «Ленин».

Материал, защищенный авторским правом

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

На то самое место, где в октябре 1917 года стояла изготовленная к историческому залпу легендарная «Аврора», выходит атомоход «Ленин»...

Флагман ледокольного флота, которому суждено открыть новую эру в мореплавании, прощается с Ленинградом — городом, породившим его для больших мирных дел.

И кто не желал бы быть на набережных Невы, у ее гранитных парапетов, чтобы вместе с ленинградцами любоваться кораблем и услышать его прощальные гудки!

Незадолго до отплытия ледокола на ходовые испытания мы вновь побывали на борту и увидели то, что создали адмиралтейцы по замыслу наших талантливых конструкторов.

С одним из строителей корабля, Василием Васильевичем Галаниным, идем по палубам.

На атомоходе более ста помещений. «Помещение» — слово, конечно, прозаическое. Но под ним разумеются вещи подчас грандиозные и волнующие. В одном из отсеков бьется атомное сердце корабля. Там находятся реакторы — источники его дивной могучей силы, способной безостановочно преодолевать любые океанские просторы и ломать самые толстые арктические льды.

Сердце корабля мерно бьется и наполняет жизнью все его отсеки. Как же работают реакторы? Сколько горючего нужно сжигать им, чтобы двигать корабль по арктическим путям? Наш спутник поясняет: обычно ледокол сжигает за сутки 70 тонн топлива и через каждые 30—40 дней должен заходить в порт, чтобы пополнить запасы горючего. Атомоход «Ленин» может более года плавать без пополнения своих запасов топлива.

Тепловая энергия, возникающая в реакторах, перерабатывается в силу пара, вращая мощнейшие турбогенераторы. Генераторы, вырабатывая электрическую энергию, отдают ее двигателям гребных валов.

Все «кнопки» управления реакторами находятся на ПЭЖе, куда мы заходим. Что такое ПЭЖ? Это пост энергетики и живучести корабля. Здесь мозг атомохода. К посту сходятся нити контроля и управления всеми жизненными центрами ледокола, и умные приборы командуют, управляют, предохраняют от ошибок, погрешностей и опасностей. Начиная с поддержания определенного режима работы реактора и кончая прокладкой курса корабля — все выполняется постом автоматически. Вахтенные инженеры наблюдают за работой сложной аппаратуры.

Корабль насыщен разнообразной техникой. Все перечислить невозможно. Скажем только, что ее доставили кораблю 500 заводов со всей страны.

Есть у моряков поговорка: «В море — до́ма». Она особенно верна для экипажа славного флагмана арктического флота. Каждый, кто поднимается на борт ледокола, убеждается в этом.

Словно входишь в большой обжитой город. Вот здесь «квартиры» моряков. Не общежитие, не общие кубрики, а одно- и двухместные каюты. Каждая каюта просторна и отлично меблирована. Удобная постель, кресла, письменные столики, шкафы, умывальники с горячей и холодной водой. Льют мягкий, спокойный свет люминесцентные лампы, приятное тепло поддерживается приборами для кондиционирования воздуха.

Пластмассовые дорожки, отделанные под мрамор, ведут нас вдоль кают по коридорному лабиринту. Вот курительный салон с шахматными столиками. Еще один роскошный салон — музыкальный: голубые кресла, электрический камин. И тут же рядом обеденный салон. Дальше клуб, кинолекторий.

Входим в «городок» с всевозможными бытовыми ателье, учреждениями коммунального обслуживания. Электрические кухни, бани, пекарня, склады, холодильники...

В одной из рубок мы видели книгу отзывов, оставленных гостями корабля из разных стран света. Они пишут по-французски: «Атомный ледокол «Ленин» — крупная победа человеческого разума»; по-немецки: «Мы видели рождение новой эпохи мореплавания, олицетворенной ледоколом «Ленин»; пишут гости из Индии: «Радостно видеть, что атомная энергия используется в мирных целях и для прогресса человечества»; по-китайски: «Ледокол «Ленин» — великое творение социализма».

Флагман арктического флота, могучий мирный атомный корабль «Ленин», готов к выходу в мирное море.

Его экипаж во главе с опытным ледовым капитаном Павлом Акимовичем Пономаревым занял свои посты.

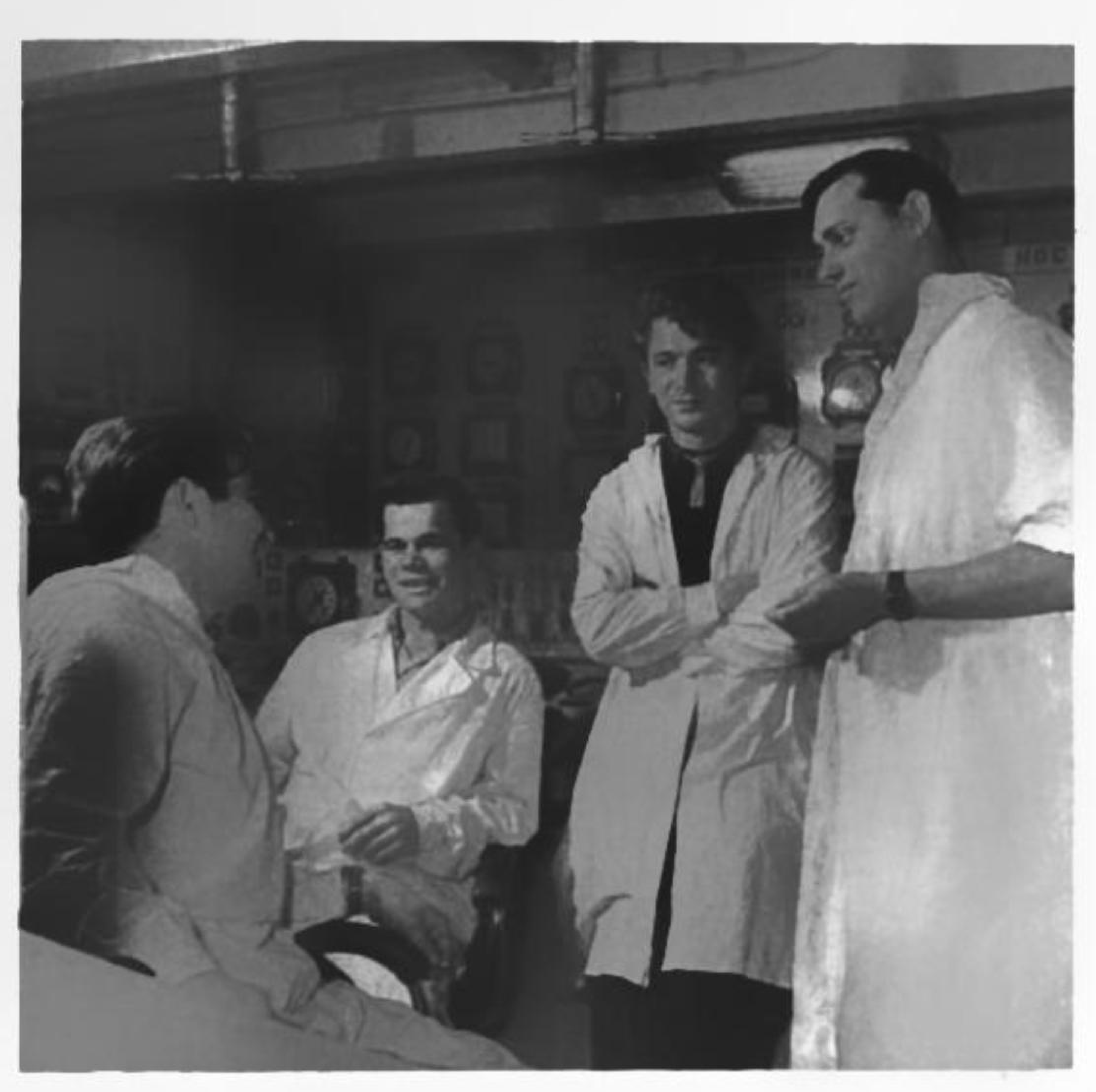
Скажем кораблю: «Добро! Счастливого плавания!»



Они строили ледокол.



В кают-компании.



Эти инженеры обслуживают пост управления: И. Истомин, М. Семин, А. Боровков, В. Редькин.

ПЭЖ — пост энергетики и живучести корабля.





— Молодец! Поздравляю!..— говорит Майкл Линдсей (слева) новому рекордсмену СССР Адольфусу Варанаускасу.

К ЧЕСТИ ДЛЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ, БЕЗ ОБИДЫ ДЛЯ ПОБЕЖДЕННЫХ...

Юр. ВАНЬЯТ

Фото А. Бочинина.

— На старт! — коротко и беспрекословно скомандовал в микрофон стартер Нимруд Томас и поднял пистолет. Повинуясь этому приказу спортивного судьи, замерли, впившись в легкие металлические колодки, не только бегуны. И на трибунах утихли десятки тысяч зрителей.

А бегунам было отчего волноваться: заканчивался первый день традиционного легкоатлетического матча сборных команд Великобритании и Северной Ирландии и СССР. Гости с Британских островов, одержав ряд побед, близко подошли к советской команде. И от эстафеты 4 × 100 метров зависело многое.

На первом этапе шли 20-летний английский студент Питер Рэдфорд, третий призер первенства Европы, и новичок из Молдавии Усман Косанов, показавший на II Спартакиаде народов СССР 10,5 секунды на стометровке.

Несколькими часами раньше Рэдфорд победил на самой короткой дистанции чемпиона СССР Эдвина Озолина, причем оба блеснули великолепным временем — 10,4 секунды. Трудно пришлось Косанову — одному из 12 дебютантов в советской команде.

Косанову рассказывали о необычном спортивном пути худощавого темноволосого лондонца: в раннем детстве Питер тяжело болел, не мог двигаться, и два года его возили в коляске. Но мальчик оказался целеустремленным и волевым. При помощи врачей он заново стал учиться... ходить. Затем Питер смог бегать, а в 18 лет стал чемпионом английских школьников. Спустя год последовали замечательные победы лучшего из английских спринтеров, которые длятся и по сей день.

...И вот старт. После захватывающей десятисекундной борьбы на этапе победил Рэдфорд. Но это была трудная победа «к чести для победителя, без обиды для побежденного». Можно сказать, что эти хорошие справедливые слова, произнесенные на открытии матча руководителем спортивной делегации гостей Джеком Крампом, стали девизом всего двухдневного матча.

Сорок одна памятная медаль работы палехских мастеров и три специальных приза издающейся в Лондоне газеты «Совьет Уикли» были разыграны в Лужниках. И надо сказать, что последнее крупное международное выступление наших атлетов в нынешнем году оказалось весьма «урожайным». Они установили один мировой, один европейский и один всесоюзный рекорды. Два национальных рекорда установлены гостями. Что ж, это неплохой баланс для любителей спортивной статистики. Наши атлеты победили как в раздельном зачете для мужчин и женщин, так и в суммарном (205 : 136).

У женщин гости получили два первых места из одиннадцати, а у мужчин они имели шесть побед из двадцати одной возможной. К сожалению, из-за болезни матери не смог прилететь чемпион Европы в толкании ядра английский кузнец Артур Роу. Жаль! Во-первых, потому, что москвичи не увидели этого отличного атлета. А во-вторых, в его отсутствие 25-летний студент Каунасского педагогического института Адольфус Варанаускас (его рост 192 сантиметра, а вес 99 килограммов) установил отличный рекорд СССР — 17 метров 99 сантиметров. Кто знает, может, в присутствии такого соперника, как Роу, литовец послал бы ядро еще дальше!

Еще мгновение, и из сильных рук Василия Руденкова тяжелый металлический шар взовьется в небо, чтобы упасть за отметкой европейского рекорда.

Англичане очень любят и тонко понимают легкую атлетику (не говоря уж, конечно, о футболе). За последние годы бег на длинные дистанции всегда привлекает их особое внимание. В этом отношении наш зритель полностью солидарен с английскими «болельщиками».

Вот почему, когда в первый день матча 23-летний Стенли Эдвард Элдон — полисмен из Беркшайра, настолько же высокий (180 сантиметров), насколько «невесомый» (64 килограмма), сумел победить «ленинградский дуэт» — Александра Артынюка и Евгения Жукова, наши английские коллеги в ложе прессы ликовали. Если учесть, что и второе место осталось за их командой, в лице 23-летнего шотландского студента Брюсса Таллоу (имеющего привычку бегать... босиком), станет ясным, что на сей раз наша команда после «эпохи Куца» упустила подобающее ей первое место.

Естественно, что бег на 10 тысяч метров, венчавший этот замечательный матч, приобрел особый характер. И надо отдать должное «Куцу № 2» — 29-летнему московскому спартаковцу Петру Болотникову. Смело, тактически продуманно, с хорошей спортивной хитростью опытного бойца он провел 25 кругов по беговой дорожке, измотав в конце концов упорных британских стайеров. Вот почему 26-й круг был сделан Болотниковым уже как «круг почета» по требованию 100 тысяч зрителей, восторженно рукоплескавших его заслуженной победе. Так москвич стал обладателем одного из трех призов «Совьет Уикли».

А два других приза увезены в Лондон, ибо их обладателями стали отличные английские атлеты: они имели по две победы. Речь идет о чемпионе Европы портном Брайане Хьюссоне, выигравшем дистанции 800 и 1 500 метров, и особенно о полюбившейся москвичам 19-летней стройной блондинке с задорной мальчишеской прической — Мэри Бигнэлл. Она победила в прыжках в длину и в барьерном беге на 80 метров двух чемпионок СССР — Валентину Шапрунову и Ирину Пресс — и была третьей в прыжках в высоту. Неплохо, что и говорить!

Без призов газеты остались два москвича, которым долго рукоплескал стадион. Но, право же, они вполне будут компенсированы большими золотыми медалями рекордсменов. Я говорю об атлетах из «Динамо» — ходоке Анатолии Ведякове и «молотобойце» в спорте и слесаре в жизни 28-летнем Василии Руденкове. В четвертой попытке, вложив в бросок все девяносто шесть килограммов своего веса, Василий послал снаряд на 67 метров 92 сантиметра. Есть новый рекорд Европы! Ведяков в ходьбе на дистанции 20 километров одержал блистательную победу над всеми, в том числе и над чемпионом Европы Стенли Виккерсом, установив новое мировое достижение — 1 час 25 минут 57,2 секунды.

Коль речь пошла о поражениях чемпионов и рекордсменов Европы и мира, надо еще отметить неудачу чемпионки Европы Хиззер Янг в беге на 100 метров, где ее опередили три спортсменки во главе с «владелицей косичек» Галиной Поповой, вновь показавшей свой высокий класс. Мировую рекордсменку в метании копья Бируте Каледене опередила другая советская атлетка, доселе малоизвестная Ольга Зуева. Мировой рекордсмен 27-летний офицер Британских ВВС Дерек Ибботсон в беге на 1 500 метров и чемпион Европы школьный учитель Майкл Роусон в беге на 800 метров тоже оказались вторыми и тоже проиграли соотечественнику. Рекордсмен Европы в эстафете 4×100 метров женская команда Англии была побеждена советским квартетом.

Но были в матче чемпионы и рекордсмены, оставшиеся верными себе и уверенно одержавшие победу. Это Владимир Булатов (прыжки с шестом), Игорь Тер-Ованесян (прыжки в длину), Тамара Пресс (толкание ядра) в команде СССР, чемпион Европы на 400 метров врач Джон Райтон в команде гостей. Последний запомнился всем зрителям своим «падающим бегом». Из-за того, что одна нога у него чуть короче другой, Райтон бежит в своеобразной манере, с большим наклоном корпуса вперед.

А победителю в барьерном беге на 110 метров ленинградцу Анатолию Михайлову было приятно получить памятную медаль из рук президента ИААФ (Международная любительская легкоатлетическая федерация) маркиза Д. Энсетера, и не столько как маркиза, сколько как выдающегося в прошлом спортсмена Д. Бэргли — олимпийского чемпиона 1928 года в барьерном беге. В делегации гостей был еще один прошлый олимпийский чемпион. Это Гарольд Абрахамс, выигравший в 1924 году стометровку. Ныне он почетный казначей Британского атлетического союза.

...В общем же и хозяева и гости остались весьма довольны результатами матча, друг другом и тем, что эта встреча еще раз показала крепнущие связи спортсменов обеих стран.



Вот она, лучшая атлетка британской команды Мэри Бигнэлл (слева). Рядом с ней преодолевают барьеры Римма Кошелева, Кэрол Куинтон и Ирина Пресс.

Материал, защищенный авторским правом



И. Родинов ШАХТЕРЫ.

ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ ВЫПУСКНИКОВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ В. И. СУРИКОВА

Материал, защищенный авторским правом



В. Кутилин. В МОСКВЕ.

...щищенный авторским правом



Алексас Рамашаускас на своем рабочем месте.
Фото В. Пономарева.

Исповедь ксендза

Алексас РАМАШАУСКАС

В Вильнюсе есть предприятие с красивым названием «Эльфа». Оно выпускает магнитофоны, проигрыватели граммофонных пластинок, электродвигатели. Здесь работают инициативные люди, постоянно совершенствующие технологию производства и конструкции изделий. Почти каждый рабочий вносит в производство что-то свое.

Несколько дельных предложений внес и настройщик магнитофонов Алексас Рамашаускас. На фабрике он появился около двух лет назад. Но успел уже зарекомендовать себя вдумчивым работником.

Судьба этого тридцатишестилетнего рабочего необычна. Совсем недавно он был ксендзом...

...Вечером мы отыскиваем 15-ю квартиру в доме № 28 по улице Тарибу. Дверь открывает сам Алексас. Высокий, плечистый, сильный. В руках у него пластины трансформатора: он собирает радиоприемник. На очереди — ремонт мотоцикла. Мы проходим в просторную комнату. Знакомимся. Усаживаемся на диван и слушаем рассказ Рамашаускаса. Вообще-то Алексас по-русски говорит не очень хорошо, но частые паузы в его речи, как нам кажется, вызваны отнюдь не этим: очень трудно, наверное, найти нужные слова, когда хочешь как можно точнее передать все пережитое.

Вот его рассказ, записанный почти дословно.

Вы, конечно, понимаете, что у человека с моей судьбой бывает такое, о чем не очень радостно не только говорить, но и вспоминать. Но я знаю, что это нужно, что тут дело, собственно, не во мне, и поэтому постараюсь рассказать, как все это произошло.

Родился я неподалеку от Вильнюса, в провинциальном городке Кайшядорис. Отец сначала был рабочим лесничества, потом лесником, и детство мое прошло в местах глухих, отдаленных от сколько-нибудь крупных селений. Лес, лес и лес! Отец целыми днями пропадал на работе, добывая свой нелегкий кусок хлеба. И вся моя жизнь проходила под духовным влиянием матери, глубоко религиозной женщины. Вера в бога была нашим утешением во всех невзгодах и лишениях. Бог вошел в мое сознание, как говорится, с молоком матери.

Школы были далеко от нашего дома, и учиться я начал поздно, чуть не десяти лет. Пять километров нужно было идти по лесу туда и пять назад. В школе — это было в буржуазной Литве,— как и в семье, все объясняли божьим промыслом...

Потом поступил в гимназию. Я был старше всех своих товарищей, застенчивым, тихим и послушным мальчиком. Другие резвились и шалили, а я — в стороне.

Я был старостой класса и очень часто встречался с преподавателем богословия, капелланом, который был нашим классным руководителем. Он, видимо, приметил мой замкнутый характер, мою склонность к раздумью и самоанализу и часто заводил со мной беседы о возвышенной миссии духовного служителя.

Быть может, капеллан не имел никакого злого умысла и сам искренне верил в то, чем туманил мою голову. Но как бы там ни было, я поверил ему и решил посвятить себя служению богу. Поступил в Каунасскую духовную семинарию. И сразу же попал в отупляющую, уничтожающую всякую волю казарменную обстановку.

Выйти без пропуска из семинарии нельзя. Надо написать письменное прошение об отлучке. В театр могут иногда отпустить, в кино — никогда. Тяготение к литературе и искусству считается удалением от дел божьих и всячески пресекается. Среди нас был очень способный начинающий литератор. Человек любознательный и пытливый, он не раз давал понять, что не может найти духовной пищи в стенах семинарии. К нему стали придираться. И однажды, обвинив его в том, будто он хотел уйти без пропуска в город, отчислили из семинарии. Другой мой товарищ по семинарии был одаренным художником. Пока он рисовал на религиозные темы, его превозносили. Но ведь настоящий художник не может отгородиться от жизни — теперь я это понимаю, но тогда только догадывался, почему Антанаса Галяцкаса исключили из семинарии. Антанас окончил среднюю школу и учится сейчас в художественном училище.

В атмосфере духовной муштры, произвола, ханжества, наушничества и непреклонного послушания я окончательно потерял ощущение большой жизни, которая, как океан, бурлила вокруг нашего крошечного островка — семинарии. Ограниченный в своем восприятии реального мира, духовно опустошенный, я фанатически верил в избранный мною путь — мне он казался единственно правильным. Подобно тому как в детстве от жизни меня отгораживал лес, так теперь от нее отгородили дебри религиозных канонов.

Семинарию я окончил в 1950 году и был направлен помощником ксендза в местечко Семелишкес, в Вевисском районе. Через десять месяцев меня уже перевели на самостоятельную работу в деревню Перлоя, Варенского района, затем в деревню Богословишкис, потом в Гегужине, Кайшядорского района, и, наконец, в Дубингяй, Неменчинского района.

Став ксендзом и оказавшись на свободе — какой она показалась приятной после семинарии! — я начал читать газеты, вникать в окружающую жизнь, разбираться во всех ее сложностях. Большое впечатление произвели на меня решения партии и планы развития хозяйства, культуры страны, их жизненная конкретность, поэтическая устремленность к лучшему. Величие земной жизни открывалось перед моими глазами. Зачем же, думал я, отказываться от красоты и радостей реальной жизни в надежде на «загробную»?

Я стал тянуться к местной интеллигенции, к передовым людям. И здесь столкнулся с двумя, я бы сказал, трудностями. С одной стороны, положение ксендза лишило меня возможности участвовать в разного рода общественных делах, собраниях. С другой стороны — неверующие люди просто сторонились ксендза.

Шли дни, месяцы, годы, и я все чаще задумывался: в чем же смысл моей работы, моей жизни?

Сотни примеров убеждали в том, что люди, которые ходят в костел, совсем не лучше тех, что обходятся без бога. Не верующие в бога верят в себя, в свои силы, в силу друзей, они больше и честнее трудятся в коллективе. И живут-то они интересней.

Страшнее было другое: я не мог закрыть глаза на то, что некоторые из моих прихожан, прикрываясь религией, богом, совершали самые низкие, подлые поступки, даже преступления, а потом приходили ко мне за отпущением грехов, чтобы с «чистой совестью» грешить заново.

На исповеди то и дело приходилось слышать антисоветские злобные нашептывания людей, которых власть рабочих и крестьян лишила права на присвоение чужого труда. «Тайна исповеди» была на руку таким людям. Ксендз обязан сохранить эту тайну навеки.

Однажды ко мне пришел крестьянин и на исповеди признался, что украл колхозный хлеб. Если бы он украл у соседа, я именем бога велел бы ему вернуть. А то колхозное— возвращать вроде бы и некому. И я ограничился тем, что запретил повторять подобное. Но вот он снова пришел на исповедь и снова признался, что уворовал колхозный хлеб. Так было и на следующей исповеди. Я понял, что крал он не от нужды, а обуреваемый жаждой обогащения и ненавистью к колхозу. Я слышал его «исповеди» и хранил их в тайне: духовный сан обязывал! А потом приходил гнусный, противный старик и признавался в растлении своей малолетней внучки, ребенка-дошкольницы. Покаявшись, старик на второй исповеди снова признался: развратил девочку. И в третий раз каялся, продолжая предаваться тому же разврату. Пакости преступника надо было пресечь и наказать развратника по закону. А что сделал я, ксендз, слуга божий? Сохраняя все ту же тайну исповеди, ограничивался увещеваниями, призывами к очищению души. Теперь мне ясно, что старик-развратник и в бога-то не верил. Но я на все закрывал глаза.

Есть, конечно, и искренне верующие люди — я сам был таким. Эти люди требуют к себе чуткого подхода, как больные тяжкой болезнью, но сколько приходилось мне слышать на исповеди корыстной лжи от тех, у которых ничего святого не было и для которых бог — лишь удобное средство наживы, обмана...

По традиции католической церкви перед бракосочетанием молодые идут на исповедь. Вот сидят будущие супруги. По одному и тому же поводу жених признается, невеста — категорически отрицает. Но я не уличаю их во лжи, дабы соблюсти тайну исповеди. Хотя мне понятно: нельзя верить в бога и кривить душой перед ним!

Сколько я ни старался помочь прихожанам быть чище, добрее, лучше, мои усилия не приносили никаких отрадных плодов. Воры каялись, но оставались ворами, а безнравственные люди отдавались пороку с прежней страстью.

Я понял, что костел стал центром притяжения людей необразованных, отсталых, а часто и преступных.

Я увидел, что иду ложным путем. И решил порвать с католичеством. Но чем заняться, куда пойти работать? И я обратился за советом к ветеринарному врачу коммунисту Антанасу Раубицкасу, беседы с которым на многое открыли мне глаза. По его совету я пошел в райком партии, рассказал там о своей жизни и заявил, что снимаю с себя духовный сан. Мне доверили заведовать библиотекой в Дубингяе. Порвав с церковью, я словно заново родился. Все богатство жизни щедро открылось передо мной. Я увидел, что мое настоящее призвание — техника. С мыслью поступить в политехнический институт, чтобы получить инженерное образование, я переехал в Вильнюс. Сейчас оканчиваю десятилетку и, работая на «Эльфе», приобретаю производственный опыт. Я участвую в художественной самодеятельности — пою в заводском хоре. У меня есть семья. Жена Аделе — медсестра. У меня дочка Юрате и сын Ромас. Живу неплохо, по крайней мере лучше, чем жил ксендз Алексас Рамашаускас...

Материал, защищенный авторским правом



ХУТОР СТАРОЙ ГРЕШНИЦЫ

Рассказ

Вера УСТИНОВА

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

После Великой Отечественной войны военные дороги привели многих туда, где они никогда не предполагали жить. Так и я неожиданно была направлена на работу в Латвию. Жизнь была еще трудная. Существовала карточная система, продукты стоили дорого... А у меня был сын — хилый, болезненный мальчик. И каждый раз в детской консультации старый врач, осматривая моего сына, сокрушенно говорил:

— Питание, парное молоко, солнце...

Но в деревне у меня ни родных, ни знакомых не было, а думать о санатории в то время казалось смешным. Моя сослуживица Лиесма Курпниек, выслушав от меня очередную порцию жалоб на судьбу оставшихся после войны вдов с детьми, сказала:

— А что, если ты на время отпуска поедешь к моей дальней родственнице на хутор? Там чудесный воздух, корова...

Дважды я не заставила повторять это предложение, и спустя несколько дней мы с сыном были в дороге.

На рассвете мы приехали в Крустпилс. Нас никто не встречал, хотя, выезжая, я дала телеграмму. На попутной машине мы решили добраться до сельсовета.

От земли клочьями поднимался туман, скоро он стал таким плотным, что шоферу приходилось вести машину вслепую, беспрерывно сигналя. Наконец он притормозил и сказал:

— Выходите! Где-то здесь есть тропинка, по ней доберетесь до сельсовета, а там вам укажут дорогу на хутор.

Тропинка действительно была, но через несколько шагов мы ее потеряли и начали блуждать в сплошной белой пелене. То мы принимали стога сена за дома, то ясно слышали лай собак. Мальчик устал и начал плакать, а я не могла выбраться из тумана. Недалеко заржала лошадь, я пошла на ее голос. Неожиданно рядом со мной раздалось старческое покашливание.

— Кто здесь? — испуганно спросила я.

Из тумана выступил старик, в шляпе с короткими полями и босой. Седая голова его тряслась в неудержимом нервном тике. Я с облегчением вздохнула, решив про себя, что этот старый человек, конечно, знает всех вокруг. Но старик на мой вопрос ответил, что даже не слышал такой фамилии, хотя живет здесь всю жизнь. Он, как и шофер, посоветовал нам пойти в сельсовет и показал туда дорогу.

Туман постепенно стал рассеиваться, последние сизые его клочья путались в верхушках деревьев. Как я ни была встревожена и огорчена ответом старика, все же не могла не залюбоваться тем, что увидела. Передо мной не было знаменитых водопадов или гор, как не было и непроходимой тайги; природа здесь самая непритязательная и вместе с тем трогательно красивая. Невысокие зеленые холмы чередовались с небольшими лощинами с желтыми полями, на которых дозревали рожь и пшеница.

Мы повстречали еще несколько человек, но, кого бы ни спрашивали, никто не мог нам показать, как найти хутор Лиесминой тетки. Наоборот, все уверяли, что даже не слышали такой фамилии. Встревоженная не на шутку, я поспешила в сельсовет. На мое счастье, председатель, однорукий молодой фронтовик, был на месте; он разговаривал с несколькими пожилыми крестьянами. Председатель, выслушав мой вопрос, уверенно сказал, что в его сельсо-

Материал, защищенный авторским правом

вете людей с фамилией, которую я называю, нет. В это время под окном остановилась повозка, груженная бидонами, и в дом вошел старик — возчик молока. Председатель обратился к нему.

— Да, есть такие,— сказал старик и, отвечая на молчаливый вопрос присутствующих, неохотно добавил: — Это же хутор старой грешницы.

И сразу после его ответа интерес всех, кто еще несколько минут назад так доброжелательно разговаривал со мной, пропал. Мужики начали спешить по своим делам, а старик-возчик подвел меня к окну и, показывая корявым, согнутым ревматизмом пальцем, мрачно и глухо проговорил:

— Во-он, видите, там, на холме, коровник под железной крышей? Это и есть их хутор. Тропинка давно заросла, а вы идите туда прямо полем...

Потом мы с сыном шли по мокрой от тумана траве, стараясь не потерять из виду блестевшую на солнце крышу, и я думала: «Кто же эта отверженная, чье имя и фамилию, да, видно, и само существование забыли люди? Какие тяжкие грехи обременяют совесть женщины, получившей прозвище старой грешницы?»

Мы поднялись на холм, с которого хорошо были видны стоявшие на большом расстоянии друг от друга хутора, потом снова спустились в лощину, прошли мимо жиденькой березовой рощи, оттуда потянуло грибной сыростью и прелыми листьями. Но вот ветер донес сладковатый запах флоксов, и за бугром показался хутор.

Хутор был окружен живой изгородью из тополей, ив, вязов и фруктовых деревьев. У самого въезда стоял старый дуб. Трава вокруг него была такая сочная, что ее хотелось гладить руками. Под дубом паслась гладкая, чистая корова с недавно выдоенным, обвисшим выменем. А рядом сухонькая старушка сгребала сено. Выдубленное загаром лицо ее от работы раскраснелось, волосы были гладко зачесаны назад и заколоты множеством торчащих шпилек. Она подоткнула подол юбки, чтобы не замочить его о сырую траву, и хорошо были видны изуродованные годами труда босые ноги с выпирающими косточками больших пальцев. Увидев нас, старушка внимательно посмотрела и пошла нам навстречу.

Моя хозяйка — а это была она — хорошо говорила по-русски (всю первую мировую войну она провела в эвакуации в Вятке и сохранила об этом времени самые лучшие воспоминания). Ко мне она отнеслась, как к родной, приветливо поздоровалась и все сетовала на то, что не получила мою телеграмму. Мы присели с сыном на скамейку под окнами дома, а старушка опустилась на крыльцо и вскрыла конверт. Она читала письмо, и, странно, глаза ее не выражали ни радости, ни печали. Хотя глаза, которые я незаметно рассматривала, были не по годам молодые, нет, пожалуй, не молодые, это неточно, они были какие-то мятущиеся, очень живые, но в то же время и полные непонятной для меня тоски, скорби и гнева.

Хутор был богатый. Большой дом под железной крышей, каменный коровник, свинарник, баня, погреб, сарай — все было прочным и добротным. Все потемнело от времени, но содержалось в порядке. Я невольно посмотрела на хозяйку: она тоже сейчас казалась очень старой, чистой и опрятной. Прочитав письмо, она задумалась, устремив глаза на флоксы, которые цвели у ее ног на двух аккуратных клумбах, потом сделала движение головой, как бы отгоняя от себя невеселые мысли, и приветливо сказала:

— Идите в дом, вы, наверно, есть хотите, да и мальчик совсем измучился, смотрите, он же засыпает...

Через прохладные сени с земляным полом, сплошь заставленным кадушками и ведрами, мы прошли в просторную комнату. Здесь было очень мало мебели, кругом на подоконниках, на столе и просто на крашеном полу лежали и сохли травы. Два окна комнаты выходили на огород, там виднелись аккуратно прополотые грядки моркови, репы, огурцов. Цвела картошка; жирная ботва, обильно напоенная влагой, походила на кусты столетника. По краю огорода были расставлены старые, посеревшие от времени, покрытые мохом ульи. Чуть заметно покачивался одинокий подсолнух.

— Как здесь хорошо! Какой воздух! — невольно вырвалось у меня.

— Как же, лето! — ответила хозяйка.— Лето! — еще раз с каким-то убеждением повторила она.— Вы располагайтесь, а я пойду чай приготовлю,— продолжала она.— Вы, русские, любите чай!

Хозяйка вышла, но скоро вернулась с крынкой молока и тарелкой, на которой лежал ломоть аппетитного черного хлеба.

— Пускай мальчик поест и ложится спать,— сказала она,— а то ему тяжело ждать...

Я покормила сына и уложила спать. Скоро хозяйка позвала меня в другую комнату, где был накрыт стол.

— Вы завтракайте, а я пойду работать, время не ждет,— проговорила она и ушла.

После завтрака я тоже вышла на улицу. Хозяйка сгребала сено.

— Давайте я вам помогу! — предложила я.

— Вы будете сгребать сено? — спросила она с удивлением.

— Буду...— неуверенно ответила я, смутившись от ее недоверчивого и пристального взгляда.

— О боже! — негромко сказала хозяйка.— Я очень давно живу на свете, но никогда не видела, чтобы сено сгребали в шелковом платье и в туфельках на каблуках.

— Оно не шелковое, а марокеновое и очень старое...

Хозяйка не ответила мне, продолжая работать, потом, заметив, что я не собираюсь уходить, она сказала тоном, не допускающим возражения:

— Идите наденьте что-нибудь попроще для работы. В кухне на гвоздике висит мой передник, можете его взять, там же стоят сапоги.

Когда я, переодевшись, вернулась, хозяйка уже приготовила мне легкие и небольшие грабли. Конечно, я не могла угнаться за моей старой хозяйкой. Нагретая ручка граблей все время выскальзывала из непослушных рук, с непривычки ломило поясницу, становилось невыносимо жарко и тянуло отдохнуть. А хозяйка работала молча и ловко, она быстро собирала сено, потом брала большую охапку и несла ее к сараю, где стояла небольшая копна.

Солнце было уже высоко, я очень устала, а хозяйка и не думала отдыхать. Наконец она не без лукавства взглянула на меня и проговорила:

— Подою корову, да будем обедать, а то, наверное, работники устали! — Я промолчала.— Я пойду доить,— продолжала она,— а вы накрывайте на стол. Сходите в погреб, возьмите, что понравится, я от старости мало ем, а вы наработались.

Заметив, что я не решаюсь пойти в чужой погреб, она продолжала:

— Не беспокойтесь! Платить вам не придется. У меня все есть, а деньги мне не нужны.— И тихо добавила потеплевшим голосом: — Спасибо, что приехали.

Так, сразу выяснив наши отношения, мы стали мирно жить на хуторе. К нам никто никогда не приходил, хотя рядом была проселочная дорога, по которой, правда, редко, проезжали подводы. Хозяйка моя была очень молчалива. А меня мучило желание узнать причину всеобщего отчуждения, окружавшего хутор, но расспрашивать я не решалась. Хозяйка также не проявляла интереса к моей жизни, не задавала мне никаких вопросов.

Вечерами, уложив сына спать, когда все по хозяйству было сделано, мы садились на скамейку у крыльца и молча сидели, пока не становилось темно. Вечера стояли тихие, наполненные запахом трав, свежескошенного сена и цветов. Особенно, как-то неповторимо, вечерами пахли флоксы.

Сколько лет прошло с тех пор, но, если я где-нибудь слышу запах флоксов, я вспоминаю хутор и мою хозяйку. Каждый раз вечером хозяйка выносила на крыльцо тарелку молока и кусок хлеба, мелко крошила хлеб в молоко и начинала созывать кошек, которых у нее было около десятка. Потом, пожелав друг другу спокойной ночи, мы расходились спать.

Но ночи-то как раз для меня были самым неспокойным временем. Ночами на меня нападал страх. То я отчетливо слышала шаги, то лай собаки... До звона в ушах прислушивалась я к ночным шорохам. По моему утомленному лицу хозяйка, видно, догадалась о моих ночных страхах и однажды вечером спросила:

— Хотите, я лягу спать в одной комнате с вами?

Я с радостью приняла ее предложение и все-таки сама спать не могла. В окно лился какой-то неестественно яркий лунный свет, такой, какого в городе никогда не увидишь. Этого одного света луны было достаточно для любого горожанина, чтобы не уснуть, а здесь еще недалеко во ржи кричали перепела...

У стены, где я спала, кто-то завозился, послышалось странное кудахтанье, я привстала на постели, но в темноте комнаты раздался спокойный голос старухи:

— Это индюшка с индюшатами возится, спите, не бойтесь.

— Я не боюсь,— сказала я,— но посмотрите, как светит луна.

— Можно закрыть ставни,— ответила хозяйка.

Я боялась хоть ненадолго остаться одна и поспешно сказала:

— Не уходите, мне совсем луна не мешает.

Хозяйка не ответила, я подошла к окну. Высоко в небе стояла оранжевая луна. Она заливала все вокруг неудержимо ярким светом: холмы, поля, маленькие березовые рощи. Никогда, ни до этой ночи, ни после, я не видела такой необыкновенной луны. И помню, как особенно меня поразила стоявшая на одной ноге недалеко от дома большая спокойно-величественная цапля. Сколько так прошло времени, я бы не смогла сказать, но вот опять совершенно отчетливо я услышала шаги. Несколько раз лениво и равнодушно гавкнула собака. Шаги приближались, скоро я увидела, как от сарая с сеном, со стороны леса, к дому шел мужчина. На нем были плащ и шляпа с короткими полями, в руках он нес не то крынку, не то кувшин. Человек спокойно подошел к крыльцу, наклонился над скамейкой, на которой мы обычно сидели с хозяйкой. Мне показалось, что он достает нож или пистолет, от страха я слабо вскрикнула. Тотчас раздался спокойный, совсем не сонный голос старухи:

— Не бойтесь, вас никто не тронет. Он возьмет то, что ему нужно, и сейчас же уйдет.

Между тем мужчина, поставив свою крынку на скамейку, взял там другую, которой я раньше не заметила, взял какой-то сверток и пошел обратно к лесу. Я постояла, подождала, пока он скроется за сараем, потом, совершенно обессиленная страхом, упала на постель.

Утром я решила уехать с этого загадочного хутора, мне надо было только найти убедительный предлог, чтобы не обидеть старуху. Но хозяйка сама догадалась о моих намерениях, и, когда мы обедали, она среди глубокого молчания неожиданно бросила:

— Вы собираетесь уезжать?

— Нет...— смущенно протянула я.

А она продолжала, видно, совершенно не обратив внимания на мой ответ.

— Оставайтесь, вам нечего бояться, вас никто не тронет! Оставайтесь! — повторила она, и голос ее чуть дрогнул, в нем прозвучала какая-то невысказанная боль. Мне стало ее жалко, но я решила воспользоваться случаем и сразу все выяснить.

— Кто это приходил ночью? — решительно спросила я.

Старуха молчала, словно раздумывая, потом медленно проговорила:

— Это был лесной человек, ну, а если просто сказать, бандит...— Я вздрогнула. Старуха продолжала:—Вы не беспокойтесь, вас они не тронут... Не все сразу делается. Видите, сопротивляются, да напрасно: против народа не выстоишь. Они сами понимают, что конец, но с повинной страшно идти, больно греха на них много, знают, что за это не помилуют.

— Кто же они? — невольно вырвалось у меня.

— Кто? — повторила старуха.— Да уж, конечно, не батраки.

— А к вам зачем они ночью ходят?

— Они тоже люди... Есть хотят, вот и оставишь то крынку молока, то сметану...

— И они не боятся, что вы их выдадите?

— Зачем им меня бояться? На других хуторах тоже, наверно, знают, но не выдают.

— Ну, если бы вам самой приходилось раньше батрачить, то, наверно, не так бы рассуждали. А вы были очень богатой...— с раздражением закончила я.

И только когда это сказала, я поняла всю бестактность моих слов. Впрочем, это можно

Материал, защищенный авторским правом

было объяснить моей (в то время) молодостью, незнанием жизни и людей.

Я думала, что хозяйка обидится, но она удивительно безрадостным, каким-то деревянным голосом подтвердила:

— Да, хорошо жили, богато. Очень богато! Но не хлебом единым сыт человек, он не коровушка — поел, да и ладно...

После этого разговора наша жизнь на хуторе, казалось, текла по-прежнему. Я стала меньше бояться: может быть, бессонные ночи утомили меня, а может быть, я привыкла. Но в наших отношениях с хозяйкой появилась какая-то напряженность, и вместе с тем наши вечерние беседы стали оживленнее. Я ей рассказывала о городах, где пришлось побывать, о войне, о жизни у нас там, под Москвой. Она с жадным вниманием человека, истосковавшегося по людям, слушала меня.

А вечера по-прежнему были наполнены невыразимым очарованием. Особенно на закате, когда уходил день. Солнце последний раз освещало холмы, поля, стога сена, и только две краски существовали в мире: зеленая земля и бирюзовое бездонное небо. Недалеко от хутора в узкой, но длинной лощине с беспорядочно разбросанными кустами молодых березок мелькали разноцветные платья и платки работавших женщин. У опушки темнеющего леса мужчины копнили сено, которое подвозили им мальчишки на лошадях, запряженных в волокуши. И не успевало закатиться солнце, как во ржи начинали кричать перепела, рядом в болоте по-домашнему уютно, словно старые друзья, квакали лягушки, пахло мятой.

Однажды хозяйка спросила меня:

— Вам не скучно так? Мальчик спит, вы бы прошлись, вокруг хорошие места...

Я ответила, что не решаюсь одна далеко уходить от хутора. Тогда она предложила мне пройтись вместе. Такое внимание меня растрогало, я знала, что старуха в этот вечер очень устала.

Вместе мы прошли мимо дуба, спустились с холма и скоро увидели разрушенную мельницу, о которой я даже не подозревала. Мы шли вдоль обвалившихся стен, вода в запруде тихо журчала, в кустах шумно возились птицы. Простая и вместе с тем какая-то печальная красота этого кусочка земли заставила меня остановиться.

— Как здесь хорошо! — промолвила я.

— Может быть, и так,— ответила моя хозяйка.— Может быть, и так,— еще раз медленно повторила она и остановилась, точно впервые увидела мельницу. Издалека послышалась песня. Пел молодой женский голос. Старуха прислушалась к песне, покачала головой и сказала: — Хорошо поет! Ох, как хорошо поет! Когда-то и я любила после работы так попеть, говорили, что у меня хороший голос, а потом научилась плакать... Вот вы любуетесь мельницей и запрудой. А сколько раз я прибегала сюда темными ночами, когда вокруг ни одной живой души, только вой ветра! Я подходила к омуту, чтобы сразу все кончить, и не могла... Не могла... Меня выдали замуж шестнадцати лет, а ему было... Как сейчас помню: стоим мы в костеле во время свадьбы, ксендз спрашивает, сколько нам лет. И муж отвечает: «Ей уже шестнадцать, а мне еще пятьдесят». А я не из бедной семьи, только мать рано умерла, приглянулась я богатому вдовцу, хозяину этого хутора, а моему отцу приглянулась его земля, коровники. Да... коровники! — горько повторила она.— Пусть бы они огнем горели, сколько слез по хуторам из-за этих коровников пролито! Да что теперь говорить! — Хозяйка махнула рукой, как бы отгоняя от себя воспоминания.

Шли дни. Мой отпуск подходил к концу, а тайна старого хутора так и не была разгадана. Я незаметно привязалась к моей хозяйке, хотя мы чаще вели односторонний разговор: я рассказывала, она жадно слушала. Но, может быть, за эту сдержанность я и полюбила ее, да еще за жалость к моему сыну: она многое делала для того, чтобы мальчик поправился.

Привыкнув к тому, что старуха не любопытна, я была несказанно удивлена, когда она однажды спросила:

— Муж-то твой убит?

— Убит,— ответила я.

— Много народу погибло, очень много! — скорбно проговорила старуха.—Вот и у Лиесмы тоже ни мужа, ни отца. Они хоть родня мне, Лиесмин отец — мой двоюродный брат, но всегда по чужим хуторам батрачили, безземельные... Как война началась, они сразу сторону русских, советских, значит, приняли и пошли воевать. Муж Лиесмы в Красной Армии был, в первый год войны погиб, а отец уж под конец где-то здесь у партизан в Белоруссии погиб. Старик был, а тоже власть завоевывать пошел... Хотя, если по совести сказать, натерпелись они по чужим дворам. Сама батраков держала, знаю, какое их житье. А вот Лиесма в люди вышла. На хорошей работе да еще пишет, что в университете учится. Ну, а раньше ее бы близко к университету не подпустили... А правда, что ей не учиться, одна, без детей... А тебе тяжело одной с ребенком будет, ну, а мужа, если не любишь, скоро забудешь, а любишь, так вовек не оплакать... Сколько народу за последние годы погибло!..

Я промолчала, старуха поднялась и пошла в дом, скоро она возвратилась и подала мне старый, пожелтевший треугольник — солдатское письмо. Я решила, что старуха забыла о том, что я не знаю латышского языка, но, взглянув на письмо, увидела, что оно написано по-русски. Это было письмо из далекого времени и далеких мест. На той стороне, где был написан адрес, значилось: «Красноармейское». Сверху были наклеены марки с серпом и молотом в лучах солнца, стоимостью по сто рублей, а на марках штамп «Иркутск 4.7.1920 года». Письмо от времени слежалось, потрепалось на сгибах, выцвели чернила, но все-таки я прочла:

— «Дорогая и многоуважаемая мамаша Арвида! Не знаю, как вас звать-величать, простите великодушно. Пишет Вам боевой товарищ Вашего сына Арвида, а по нашему — Андрея. С восемнадцатого года мы с ним в одной роте были, вместе и отступали, и в бой ходили, и паек делили, и не было у нас друг от друга тайн. Вспоминал он часто о Вас, матушка, жалел, все говорил: съест ее коровник, замучает на работе, о каких-то неладах семейных говорил глухо, да и не наше это дело о родителях судить. Но жизнь хуторскую на чем свет стоит клял, а тут, в Сибири, с нашими кулацкими заимками сравнивал. Те же, говорит, коровники, что и у нас, жизнь людскую губят. Вот у этих



Материал, защищенный авторским правом

коровников, хлевов по-нашему, и схлестнулись вчера мы с бандой пепеляевцев. Наш отряд особого назначения вылавливал их с неделю, да на одной заимке и застукал. Андрей первый во двор с гранатой влетел, а те молчат, только мы за ними к завозням да хлеву кинулись, а из сарая, коровника кулацкого, как саданет пулемет, и тут не знаю, как уж и написать Вам...»

Меня прервали рыдания хозяйки, она плакала так горько и надрывно, как может только плакать человек, у которого больше ничего в жизни нет.

— Принести вам воды? — поспешно спросила я.

— Нет, читайте дальше,— ответила она.

«...одним словом, не стало нашего Андрея-Арвида. Ну, мы, конечно, банду рассчитали, да товарища не вернешь. И хоть Латвия вроде как заграница для нас, друзей Арвида, но считайте, что есть у Вас сыны в Сибири, а его живые братья. Похоронен он с воинскими почестями в том селе, а ежели что нужно, то пишите.— Дальше следовали адрес и подпись.— По поручению товарищей Андрея Савва Долгих».

Я молчала, понимая, что здесь не помогут никакие слова. И наконец, чтобы как-то выразить свое сочувствие ее давнему горю, бездумно сказала:

— Как, наверно, переживал отец?!

— Да, они оба тогда очень переживали, и это горе примирило их.

Я вопросительно посмотрела на хозяйку, она заметила мой удивленный взгляд, и, может быть, невольно, под влиянием минуты, у нее вырвалось:

— Да, у мальчика было два отца... Вы неплохой человек и не лезете в чужую жизнь, я это поняла в первый же день, как вы приехали. Пока вы в тумане разыскивали мой хутор, вы узнали, как сторонятся меня люди, но ни о чем не расспрашивали. Теперь я сама вам расскажу. На моей совести нет никакого преступления, я расстанусь с жизнью спокойно, я не виновата, что моя жизнь была не похожа на жизнь других людей. Выдали меня рано, я уже вам говорила, муж был старше на много лет, но не в этом беда, он был неплохой человек. Тогда меня ни за кого другого бы не отдали. Парень у меня был... Отец о нем слушать не хотел. Очень ему нравились эти коровники. А Ян мой был третий сын в семье. Его родители тоже меня не хотели, считали, что из такого богатого дома, как наш, работницу не возьмешь. Что нам было делать? Хотели мы до свадьбы скрыться, не удалось, отец хорошо караулил. Через месяц после свадьбы сбежали мы с Яном и скрылись в лесу. Что творилось! Старики Берзины лишили Яна наследства и сказали, пусть даже на глаза не появляется. Меня скоро нашли и вернули, куда денешься, мужняя жена. А Ян пошел по хуторам батрачить.

Вернулась я к мужу, себе не на радость, ему не на жизнь. Худая стала и черная, как головешка. От ветра качало. Какая работница, какая жена?! Вот тогда и выходила я все ночами к запруде у мельницы. Муж и бил, и молил, и сказкой, и лаской, потом бояться стал, как бы и вправду чего над собой не сделала. Он уж, наверно, согласился бы на развод, но люди, церковь... А когда он брал себе в жены девчонку на тридцать четыре года моложе себя, все молчали — и люди и бог. Хотя люди, наверно, могли еще меня понять, но церковь... Мы католики. Надо самому быть католиком, чтобы понять все это... Ваши православные попы — телята против католических ксендзов. О! Они умеют держать в своих руках душу человека! Вы удивлены? Я так говорю потому, что больше никого не боюсь... Ни бога, ни черта... Все, что можно потерять, я уже потеряла. И моя жизнь ушла! Ушла под вой ветра. А какие были длинные вечера и ночи, только ветер все свистит и свистит... Теперь по хуторам начали радио проводить, электричество, а тогда только ветер... Как он свистел!

Работать я всегда любила, а мы большим хозяйством жили, несколько батраков и батрачек держали, за всеми присмотреть надо, но я не могла... На хуторе все пошло вкривь и вкось, муж переживает, я чахну. Вот однажды я и сказала ему, если не возьмет он Яна к себе в работники, покончу с собой. Побелел он весь, дня два не отвечал мне ни да, ни нет. А потом напился и послал за Яном. Так до самой смерти Ян прожил у нас, три года, как схоронила я его.

— А ваш муж? — спросила я.

— Он умер на пять лет раньше Яна, умер глубоким стариком, здесь, на хуторах, люди подолгу живут. Целых тридцать лет мы жили втроем, за это-то нас прокляли и бог и люди. Потому и оба мои сыночка рано умерли, у меня еще был мальчик, он умер подростком от удушья.

— А ваши сыновья? — невольно вырвалось у меня.

— Они были детьми Яна, но об этом, кроме нас троих, никто не знал, хотя, конечно, догадывались... Фамилия у них была мужа, его они звали отцом, он их любил и ни разу даже не намекнул, что они для него чужие. А Ян, страдалец мой, — тихо сказала старуха, — всю свою жизнь, все отдал мне, имел двух сыновей и ни разу не услышал слова «отец», всю жизнь работал на этом хуторе, наживал богатства, но ни на одну травинку не имел права. Никогда он меня не упрекнул... нет, никогда.

— Но как же ваш муж? — начала я.

— Все было, — ответила старуха. — Да и некогда нам особенно было скандалить; работали много, всю жизнь работали; богатство, оно само не приходит, копили, над каждой копейкой думали, а жизнь исчезла. После смерти Арвида поняли мы, что все это: земля, богатство, все, из-за чего сломали мы свои жизни,— достанется чужим людям, в могилу с собой не возьмешь.

Ну да не одни мы так-то, много нехорошего могли бы рассказать стены старых хуторов... Все прошло, все миновало, только людская молва не исчезла, и живу я здесь одна...

Молодым не до меня, новая жизнь перед ними открылась, а старые не забыли, что я отверженная...— почти шепотом, с невыразимой тоской проговорила моя хозяйка и замолчала.

— А ведь сын-то ваш у нас в Сибири воевал вот с такими людьми, которым вы на ночь еду оставляете, он, видно, многое понимал... — неожиданно для себя резко сказала я. — Вы жалеете их, а они народ губят. Сколько из-за них пострадает!

Но моя хозяйка не дослушала меня, она встала и молча ушла. Я поняла, что она обижена или испугана таким оборотом разговора.

Потом потянулись дождливые дни. Хозяйка, натянув брезентовый плащ, взяв в руки суковатую палку, куда-то надолго уходила. Я думала, что она носит еду своим лесным нахлебникам, и решила сходить к председателю сельсовета.

Как только я переступила порог сельсовета, председатель встал, широко улыбнулся и сказал:

— Заходила, заходила ваша грешница, да только раньше бы ей прийти, — уже с горечью добавил он. — Сегодня ночью они совершили еще одно преступление: убит молодой агроном-коммунист, его направили к нам на работу... Но теперь они уж не уйдут...

Он помолчал и потом другим тоном продолжал:

— О вас она тоже говорила. Война вас одинокой с ребенком оставила, нелегко будет...

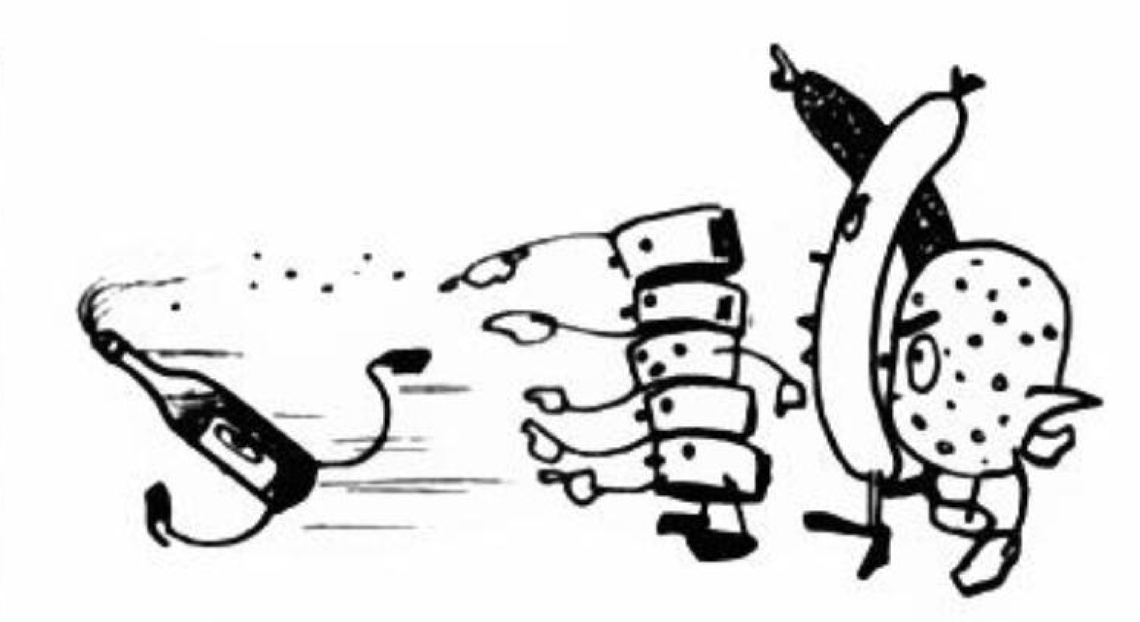
Я поспешно распрощалась с ним и ушла. В мокрой траве поля, отделяющего хутор старой грешницы от сельсовета, темной полосой пробежала свежая тропинка. По ней, очевидно, недавно прошло много народу. Уж подойдя к хутору, я услышала, как вдалеке, где стеной стоял густой лес, раздался взрыв, точно далекий раскат грома, и сразу над лесом поднялось облачко не то дыма, не то пыли.

Хозяйка стояла на крыльце и смотрела в сторону леса. Она даже не слышала, как я подошла.

— Что там происходит? — спросила я с тревогой.

Она не ответила, только, прикрыв глаза ладонью, еще внимательнее стала всматриваться в сторону леса, а там раздался второй залп, потом послышались выстрелы.

— Зачем они отстреливаются? — наконец глухо проговорила старуха. — Только лишних людей погубят. Против народа разве выстоишь? Люди хотят жить по-новому, и никто не в силах им это запретить... Конец старым хуторам...



Вкусное вместо горького

— Закрываем заводы, свертываем производство...

В устах нашего собеседника эта странная фраза звучит бодро и обнадеживающе. Он считает необходимым уточнить свое сообщение:

— Только в этом году снимем вывески на шестидесяти пяти спиртовых и водочных заводах.

Это сказали нам в отделе пищевой промышленности Госплана РСФСР. Да, закрывают многие предприятия... водочные и спиртовые. Закрывают, перестраивают, меняют профиль.

— Сладкое вместо горького? — спрашиваем мы товарищей в Госплане.

— Не совсем так, но примерно. Судите сами. Девятнадцать заводов, которые заняты сейчас производством спирта, будут вырабатывать крахмал. Таким образом хмельное переходит в раздел сладких блюд — киселей.

— Здесь, например,— указка нашего собеседника задерживается на карте Пензенской области, — в стенах Чаадаевского спиртового завода будут голосисто петь петухи, кудахтать куры. Вместо спирта — птицеферма.

Если бы было принято показывать графически профиль производства, где меняются сейчас вывески, на карте Саратовской области уместно появиться кругу сыра, Куйбышевской — коробке с надписью «Сухое молоко», Рязанской — банке мясных консервов, Ульяновской — цистерне с растительным маслом. И все это вместо перечеркнутого знака бутылки с тонким горлышком.

В двадцати областях и республиках Российской Федерации предстоит такая же перемена на многих предприятиях, где производились водка и спирт.

В старых энциклопедических словарях авторы статей о градах и весях Российской империи обычно не могли устоять перед искусом зачислить в достопримечательности винокуренные заводы. Не был обойден в описании и древний Каргополь. Нашлась у энциклопедистов строка для местной водки. Отныне в стенах Каргопольского водочного завода будет создан холодильник для хранения мяса.

— Только три — четыре завода из шестидесяти пяти закрывающихся сохранят «связь с прошлым», и то лишь символическую. Градусы не те: вместо водки виноградное вино и пиво.

Нам называют длинный список продуктов, которые будут производить на бывших водочных и спиртовых предприятиях РСФСР: масло сливочное и растительное, крахмал, лимонная кислота, сухие молочные продукты, консервы, сыр, колбаса.

— Вкусное вместо горького, — заключают товарищи из отдела пищевой промышленности Госплана.

А. ЕФИМОВ

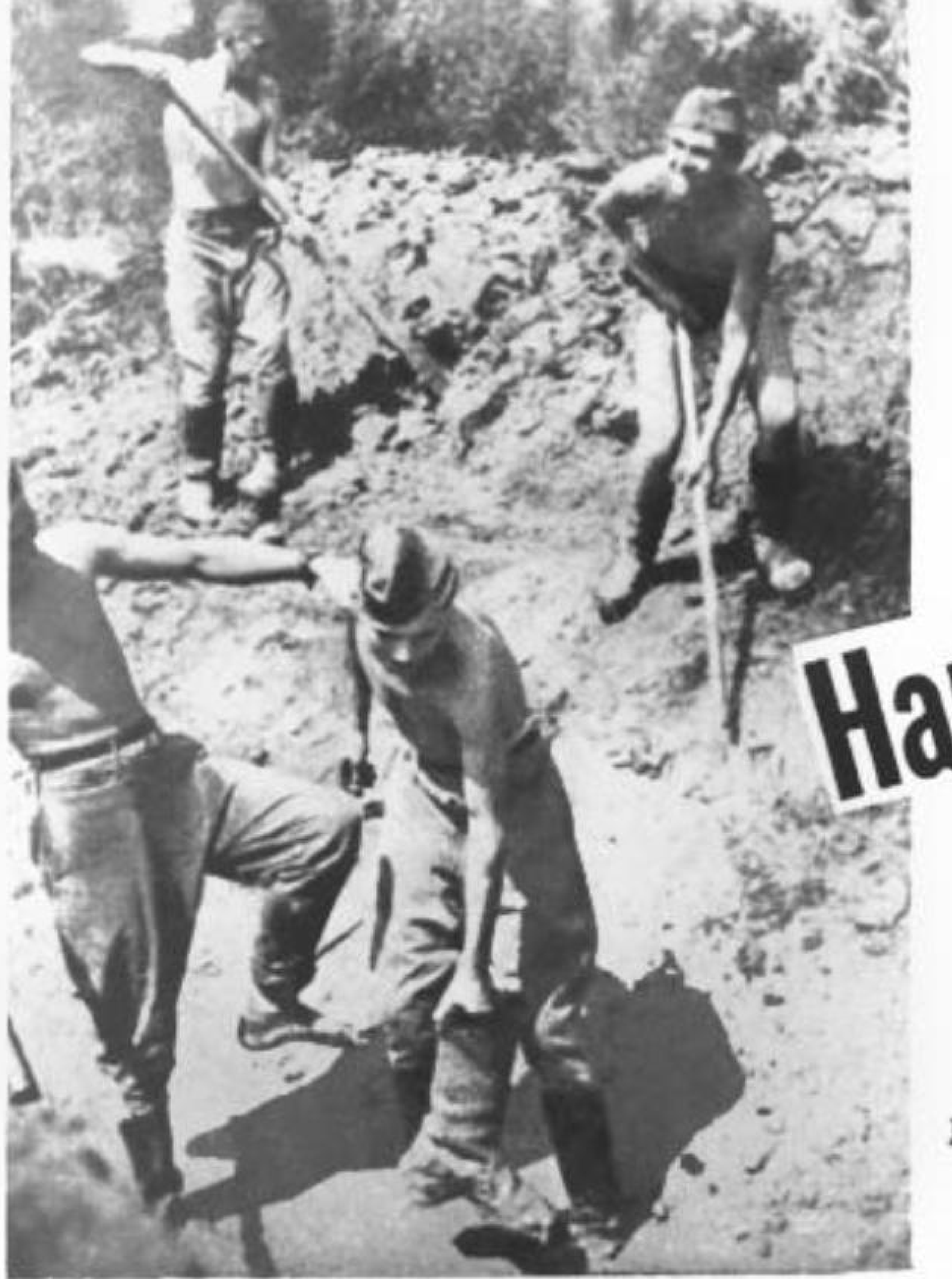
ПОДАРОК ИЗ АМЕРИКИ

Американский промышленник и общественный деятель Сайрус Итон прислал в Министерство сельского хозяйства СССР шесть племенных животных — коров и быков мясной шортгорнской породы. На снимке: бык Монарх, весящий 709 килограммов, на Выставке достижений народного хозяйства СССР.

Фото Я. Рюмкина.



Материал, защищенный авторским правом



Янош БОТТЯН,
венгерский журналист
Фото Т. Фаркаша.

Направление — Ханшаг!

Весело работают молодые венгерские гонведы.

«Болотный край» — так веками называли раскинувшийся на западе Венгрии болотистый район Ханшаг. Вода, осока да камыш покрывали здесь все. Раздолье для диких кабанов и оленей. Население Ханшага жило охотой и поделками из камыша. До установления народной власти никто в Венгрии и не помышлял об использовании этих земель.

После освобождения страны были составлены планы освоения Ханшага. В 1954 году начались работы. Осушенные болота со временем принесли богатый урожай.

Молодежь не осталась в стороне. По призыву Коммунистического союза молодежи Венгрии тысячи и тысячи студентов, учащихся средних школ и молодых рабочих со всех концов страны приезжали в Ханшаг, чтобы отработать две недели на осушении болот.

Венгерской молодежи предстояло проложить почти тридцатикилометровый канал, вынуть около ста тысяч кубометров земли. 19 августа две группы молодых строителей, прокладывавших канал, соединились. Их труд сделал плодородной территорию в три с половиной тысячи хольдов.

Укрощение болота — тяжелый труд, но у венгерской молодежи хватает сил. Чтобы убедиться в этом, стоит посмотреть, как развлекается молодежь после рабочего дня: игры, смех, песни. И когда молодежный лагерь засыпает, девушкам и юношам снится новый, плодородный Ханшаг. Но ведь это уже действительность.



Здесь никто не жалуется на отсутствие аппетита.

Недолго просуществует этот характерный ханшагский пейзаж. Скоро не будет ни кустов, ни камыша.



15 СЕНТЯБРЯ —

Дьердь МАТЭ
Фото автора.



Урок в

До Ля Марса не доносится орудийный грохот. Это маленькая тунисская деревня, расположенная очень далеко от алжирской границы. «Дом покинутых» стоит в прекрасном парке. Это вилла богатого алжирского буржуа.

Пальмы. Цветы. Красивый двор с верандами. Птичье щебетание. Тут все похоже на пионерский лагерь. Кажется, что закончился учебный год, ребятишки распрощались с родителями, надели на спины рюкзаки и отправились на веселые каникулы в леса, поля, старинные замки.

Но здесь нет каникул. Эта школа — серьезное учреждение. Когда я вошел в европейском костюме, ботинках, с галстуком, один мальчуган взвизгнул. Ужасные вещи проделывали недавно на его глазах одетые так же, как я, дяди. Тут встречаются детишки, которые начинают рыдать, заслышав гул самолета. Их издерганные нервы не выдерживают, они вспоминают пулеметную стрельбу с неба, страшный пожар, причиненный напалмовыми бомбами, обрубки разорванных человеческих тел. Не бойся, малыш, здесь мир!

Десятиминутный перерыв в Африке тоже используют для игры в футбол. Маленький Мехмед Буркуш играет защитника. Для своего возраста он обладает достаточной скоростью, немного, правда, хромает у него техника, но для шестилетнего ребенка это простительный грех. Особенно если его противнику десять лет. Мехмед тянется к нему, хватает за рубаху. Это не полагается, малыш, это запрещено правилами ФИФА, и вдобавок рубашка рвется, а это — большое сокровище. Мальчуган из Чехословакии прислал ее, надо быть с ней осторожным: ведь сменить ее, по всей вероятности, не на что.

Начинается урок рисования. Каждый может сам придумать, что он будет рисовать. Маленький защитник недолго ломает себе голову над темой и вынимает чешские цветные карандаши. Что он нарисует: цветы, пальмы или центра нападения?

...Это началось, когда взошло солнце. Они еще спали, но отец встал, чтобы напоить скотину. Мать кормила грудного ребенка. Кто-то забарабанил ногами в дверь и на ломаном арабском языке закричал:

— Где хозяин?

Весь дом поднялся на ноги. Дети спрятались и из своего убежища наблюдали, что будет со взрослыми. Отец взволнованно объяснял, что он не прятал оружия, никому не давал пищи. Один из солдат ударил отца. Отца, которого еще никто никогда не смел бить...

Вдруг отец побежал. Он устремился к акациям, надеясь, что хорошо знакомое дерево защитит его. Но вышло не так. Там, среди посаженных им акаций, его настигла автоматная очередь.

С тех пор каждый урок рисования Мехмед рисует все ту же сцену. Я попросил у него рисунок. Он не дает. Объясняю ему: я, мол, венгр, я не обижу его. Нет и нет! Наконец я тихонько краду рисунок. Добровольно никто из ребят не отдал мне своих рисунков.

Шестнадцатилетние уже совсем другие. Симпатичные, веселые, диковатые, совсем как любые мальчишки такого же возраста. Они учат историю, атомную физику, электромеханику. Когда они окончат школу, у них будет в руках специальность.

Учитель Насер Абделькадер хвалит их за прилежание. Сейчас идет урок французского языка. Читает Али Хамам. Он всего лишь несколько месяцев назад познакомился с нашей старой европейской культурой и еще спотыкается на отдельных буквах.

— Ре-гар-дэ, ма-дам... Нэ бавар-дэ па... (Смотрите, мадам... Не болтайте...)

Дается ему это с трудом, шрам на лбу краснеет. Четыре года назад его арестовали вместе с отцом в деревне Морсат. Их обвиняли в том, что партизаны спали у них на чердаке. Отца расстреляли хранители европейской цивилизации, но мальчику удалось бежать. Он стал партизаном, был у них связистом. Два года все было хорошо. Но у Блондана его схватили. Поставили к стенке и выстрелили в голову. Неизвестно, сколько времени он пролежал без сознания, с тяжелым ранением. Очнулся в лесу, в партизанском госпитале. Теперь он учится здесь. Ему трудно, потому что болит, постоянно болит голова. Приходится все время принимать лекарства.

— Ла мэр дэ Тахэр эт'а л' о-питаль... (Мать Тахэра в больнице...)

Материал, защищенный авторским правом



Ученики школы в Ля Марса

Ля Марса



Насер Абделькадер с учениками.

Он устал. Четырнадцатилетний Бэн Яхья продолжает. Он читает бегло. То, что он еще не стал мастером чтения, выдает палец, которым он водит по строчкам. На руках у него следы ран. Озверелые собаки по приказу сержантов-парашютистов рвали его тело. Ночью, истекая кровью, он тащился в лесистые горы в Джебель к партизанам. Три года он провел в лесу и сейчас снова хочет стать борцом за свободу. Он не боится ни бога, ни черта, только не любит собак.

— Кэ'с ке сэ? — спрашивает Абделькадер и показывает книгу. Это отрывки из французской поэзии XIX века.

— С'э ле ливр,—отвечает с арабским акцентом пятнадцатилетний Зинэ Хмандиа из Сукахраса. Полтора года его продержали как заложника в грязном подвале, угрожая расстрелять, если убьют кого-нибудь из французов. Они надеялись, что отец-партизан добровольно явится, чтобы выручить сына. Однажды его вдруг выпустили.

— Убирайся куда глаза глядят,— сказал ему староста деревни, алжирец, сотрудничающий с французами.— Только не оставайся в деревне на моей шее. Принесешь нам беду.

Он отправился домой сложить вещи и попрощаться. На дворе увидел толпу народа. Люди окружали его отца, который, весь в крови, мертвый, лежал под оливой. Ночью Зинэ украл у французов автомат и явился с ним в Джебель сражаться вместо отца. Но его послали сюда учиться.

Ученик пекаря Саид Рабах тоже из Сукахраса. Там легионеры из иностранного легиона, как когда-то наемники Ирода из-за младенца Христа, под предлогом преследования одного молодого партизана захватили всех юношей. Среди ребят оказался один «гумье» (изменник), которого французам удалось сломить, и он стал им служить за то, что его выпустили. Когда Саиду с тремя другими ребятами удалось бежать, они прежде всего рассчитались с изменником. Конечно, в деревне они оставаться не могли. Они ушли в лес, оттуда через «непроходимую» линию Мориса пришли сюда, в школу.

С небольшими грамматическими ошибками читает пятнадцатилетний Балу Фуад, бывший мальчик на побегушках из Казбы (арабский квартал в алжирской столице).

Целый год его держали в тюрьме, так как на него донесли, что он прячет револьвер. Но в квартире оружия не нашли. Когда за отсутствием улик мальчика выпустили, он выкопал запрятанное оружие и бежал.

Его сосед по парте Лхабиб Мохамед бежал, почти обезумев, из зажженной напалмовыми бомбами деревни Пзлени. Он ничего не знает о родителях, о семье, о друзьях. С тех пор, как он здесь, он многому научился. Сейчас учит французский...

— Ля мэр мэ дон дю пэн (мать дает мне хлеб),— говорит он.

Почему этому мальчугану надо заучивать слова о матери, которую сожгли напалмовые бомбы и которая уж никогда никому не сможет дать хлеба? И почему эти сироты учат именно французский язык?

Мы идем по дороге; кругом пальмы, цветы, поют птицы. Со двора доносятся удары по мячу.

— Французы — наши ближайшие соседи-европейцы. Мы учим своих ребят не мести, — объясняет Насер Абделькадер. — Мы хотим воспитать их образованными людьми, у которых не было бы расовой ненависти. Но мы готовим их к тому, чтобы они могли постоять за себя в Африке.

— Здесь, в Тунисе?

— Нет. В Алжире, когда враг будет разбит.

Он оставил трех сирот.

Так прибывают беженцы из Алжира. ↓

Мальчики тоже сражаются в освободительной армии.

Его настигла автоматная очередь.
Рисунок Мехмеда Бурнуша.

Материал, защищенный авторским правом

ЧЕЛОВЕК ВСЕМУ ХОЗЯИН

А. СТАРКОВ Фото М. САВИНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Знакомство продолжается

Наш маршрут — тяжелая индустрия Украины. Начинаем в Харькове — городе машиностроителей, создающих турбины, станки, тракторы, подъемные краны, электродвигатели, комбайны, экскаваторы, велосипеды, строительные, дорожные, полиграфические, текстильные и табачные машины, горное оборудование, генераторы, дизели, компрессоры, автоматическую аппаратуру для доменных, мартеновских и прокатных цехов, подшипники, тепловозы... Тепловозы поставлены здесь в конец только для того, чтобы сразу перейти к ним. Верней, к знакомым мне хлопцам с тепловозостроительного завода. А познакомился я с ними полгода назад, когда приехал собирать материал об одной из самых первых в стране бригад коммунистического труда. Мы провели в тот раз вместе пять дней. Но успели сблизиться, если не подружиться. И поэтому, попав снова в Харьков, я решил повидаться прежде всего с моими знакомцами.

Зимой, помнится, я застал их в несколько растерянных чувствах. Только что в газетах — и местных и центральных — были напечатаны коммунистические обязательства бригады. И комсомольцев непрестанно осаждали журналисты, фотокорреспонденты, кино- и телеоператоры. Собрания, митинги, радиопереклички, встречи со школьниками, студентами, то в одной редакции «наш вторник», то в другой «наша пятница» — словом, всю неделю бурная деятельность, которая закружила, завертела ребят, не давая им отдыха. И, естественно, они немножко растерялись, да и просто начали уставать от всего этого. Но как люди дисциплинированные, понимающие, что «так надо», они покорно подчинялись ходу событий. Только в одном были непреклонны: не позволяли отвлекать себя от работы. После работы, до работы, в любое время, хоть ночью,— пожалуйста, к вашим услугам. Но когда уж у опоки, когда в руках у них формовочная земля — не отрывайте, могут обойтись и невежливо. Так было с телепередачей. В студии, куда пригласили ребят, они вели себя смирнехонько, послушно, в точности выполняя все указания режиссера. Но на другой день телекамеру установили в цехе. И тут с ними ничего уже нельзя было поделать. Они работали, как обычно, хотя их и слепили прожекторы, работали, игнорируя все законы телевидения, действуя совсем не по сценарию. Они все время «выпадали из кадра». И казалось, что передача сорвана. А она-то как раз и получилась по-настоящему, потому что хлопцы не позировали, потому что делали свое дело, набивали опоку, как им было сподручно, не обращая внимания на махавшего им руками режиссера, на нервничавших операторов.

Вот и сейчас: чуть приметный кивок, и снова застучали киянками. Я постоял-постоял и пошел из цеха. Пошел на Эрхаровскую улицу, в молодежное общежитие, к Олегу Топчию. Бригада работает в две смены. Олег, бригадир, эту неделю в ночной. Сейчас спит, наверно. Но, может, уже проснулся?

А он еще и не ложился. Но подремывает. Сидит за столом, уткнувшись подбородком в ладони, лежащие на раскрытых тетрадях. Рядом стопка учебников, поверх которых тоненькие «Правила для поступающих в высшие учебные заведения». Услышал скрип двери, очнулся.

— Здравствуй, Олег!

— О, здравствуйте!..

И вдруг могучий храп сотряс комнату. Храпели на кроватях сразу двое, причем удивительно синхронно, словно заранее сговорились.

— Детвора беспечная,— сказал Олег.

И я, не вглядываясь в спящих, понял, о ком он говорит: о самых младших в бригаде — Толике Шаповалове и Ване Хоменко.

— Спят ангелочки. И не тужат. А экзамены на носу. Хотя им, конечно, проще. У них школьные чернила на руках еще не стерлись. А я десятилетку-то давно кончал. Ну, дам сонулям еще полчаса насладиться. А там уж пора и к репетиторам.

— Репетиторов наняли?

— Студенты шефствуют. Из политехнического, в который мы собираемся подавать. Зимой они у нас практику в чугунолитейном проходили. А нынче помогают нам к экзаменам готовиться. У них самих горячее времечко — сессия! Но два раза в неделю по два часа — с нами. Сочувствуют. Тоже ведь недавно с заводов.

— А в бригаде что нового? — спрашиваю я, хотя Олег уже, собственно, рассказывает про новое.

— Вы о производстве? Те же коленчатые валы формуем. График наш помните? Ну, который мы на год вперед составили? В январе дать 130 валов, в июне — 140, в декабре — 160. «Выбились» мы из того графика. В июне отформовали 150, в декабре собираемся все 200! А нам еще между прочим дизельный блок пристегнули. Ох, и хватили ж мы с тем блоком! Конфигурация-то посложнее, чем у вала. Лучше три коленчатых отлить, чем один блок. Валится из опоки. До чего подлая штука! Как замедленная мина. Набьем, отформуем, высушим, все, кажется, хорошо. Понесли к сборщикам — вывалился! Начинай сызнова. Пять раз подряд вываливался. Мы уж беситься начали. Володя Маслов, вы же знаете его, до чего спокойный парень, но и он, вижу, вот-вот сорвется. Только два Ивана, Сыч и Логвиненко, посмеиваются, будто у них на душе не муторно... Заказ срочный, важный, а у нас все валится и валится. Сборщики тиграми глядят. Сыча чуть не прибили. Он в утреннюю смену пришел, мимо сборочной площадки идет. А там ночью шестой блок рассыпался. «Никак вывалывся?» — спрашивает Сыч у бригадира сборщиков. «А ты що, не бачишь?» «Сам-то я бачу, да як бы ще вы показалы». «Да щоб тоби повылазыло!» — кричит бригадир и с кулаками на Ваню. «Ладно,— говорит Сыч,— раз ты шуток не понимаешь, скажу тебе по-серьезному: все, больше не выпадет!» Не зря сказал Сыч. Они ведь не только посмеивались с Логвиненко, они еще и перешептывались между собой. И вышептали. Подобрали ключик к блоку, придумали новые крючки для крепления. Кончилась морока. Пошел блок не хуже вала. В июне 12 штук собрали. А это, считайте, все 30 коленчатых. Так что надо нам записать на июнь не 150 валов, а 180. Вот наши новости...

Один из спавших глубоко вздохнул во сне и заворочался.

— Толику письма, наверно, при-

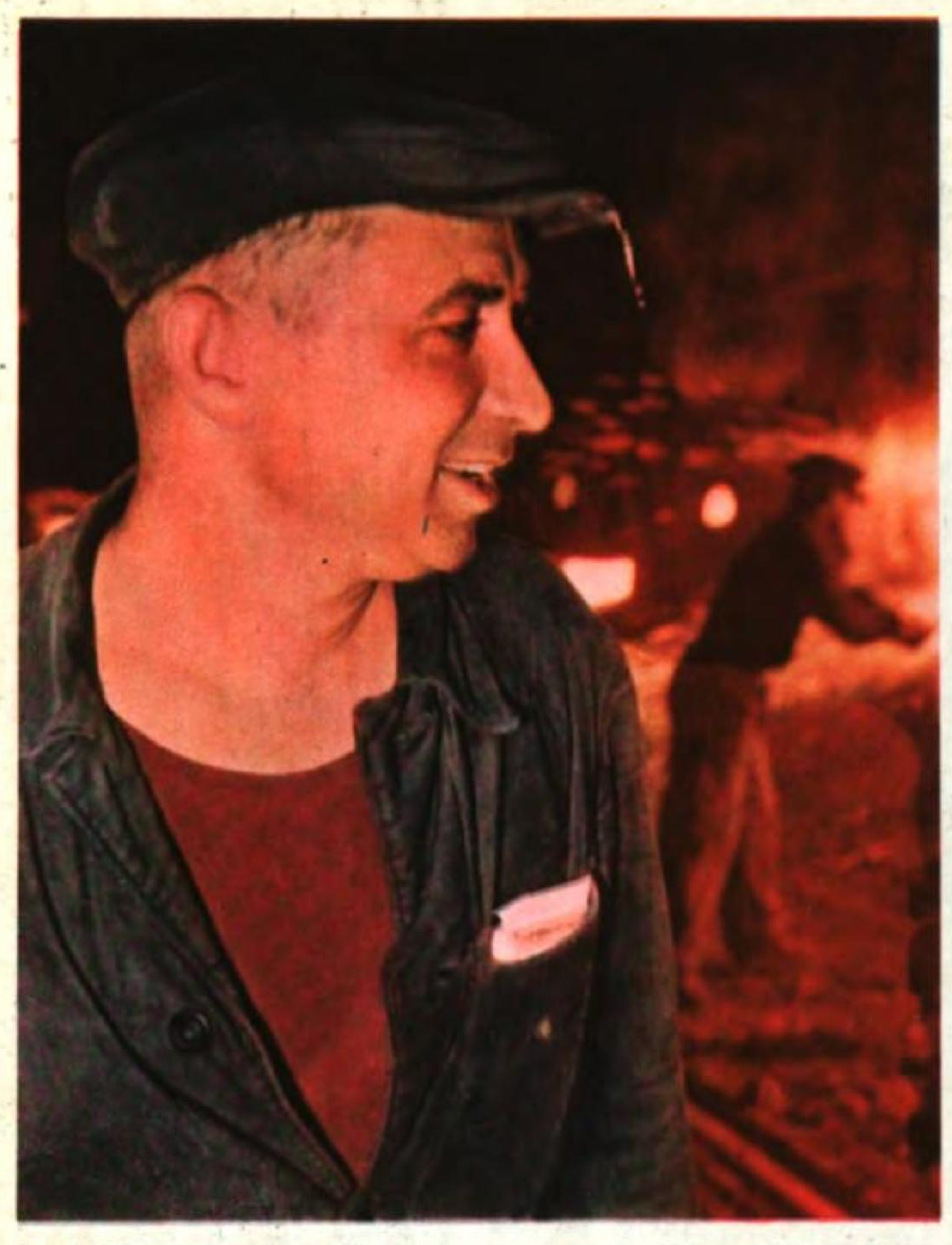


У комсомольцев с завода транспортного машиностроения выходной. Они пришли в парк с друзьями и подругами.

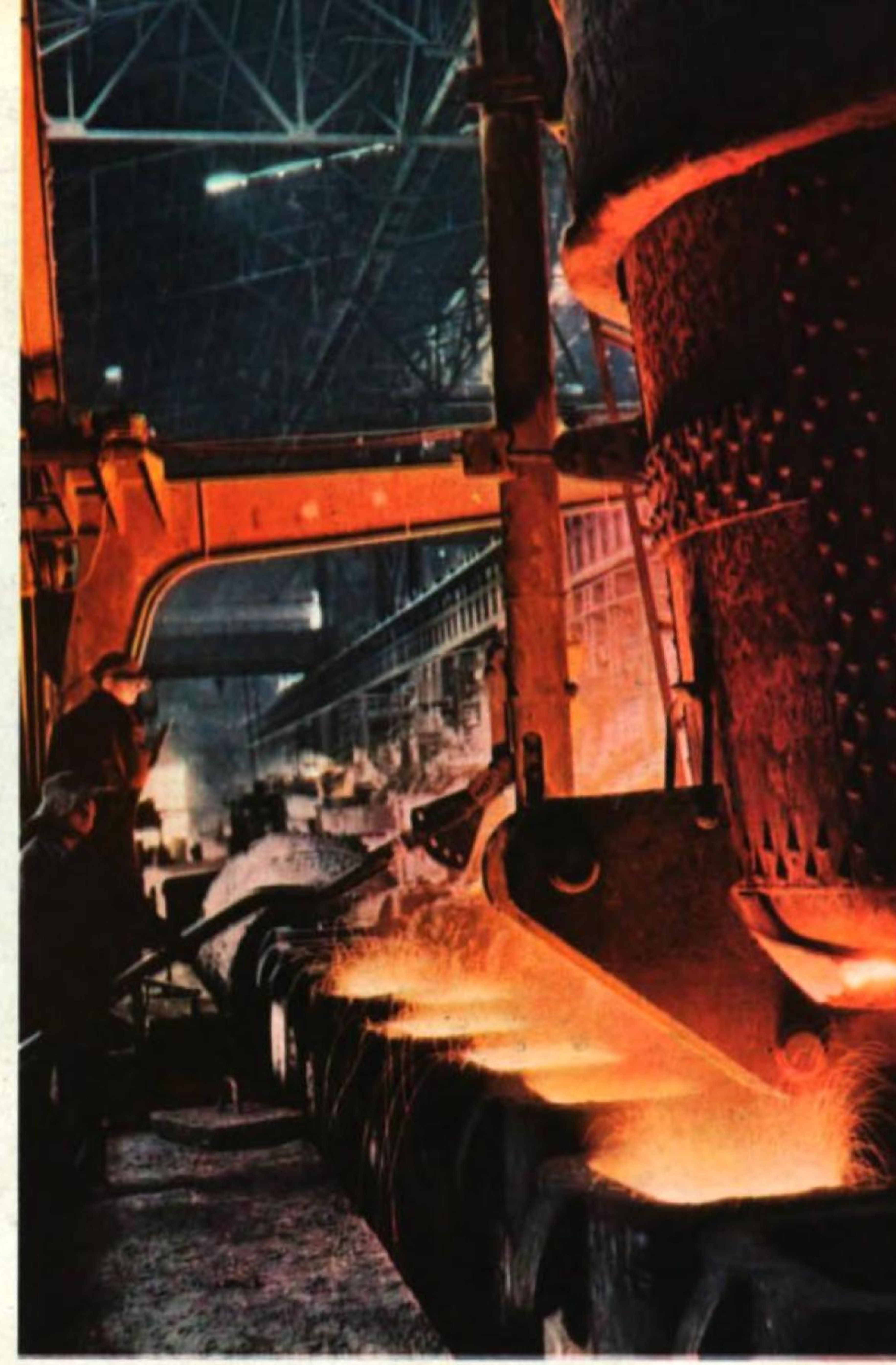
Филипп Иванович Бойко на своем любимом коньке: рассказывает экскурсантам об истории Полтавы.



Материал, защищенный авторским правом



Герой Социалистического Труда сталевар завода «Запорожсталь» Григорий Пометун.

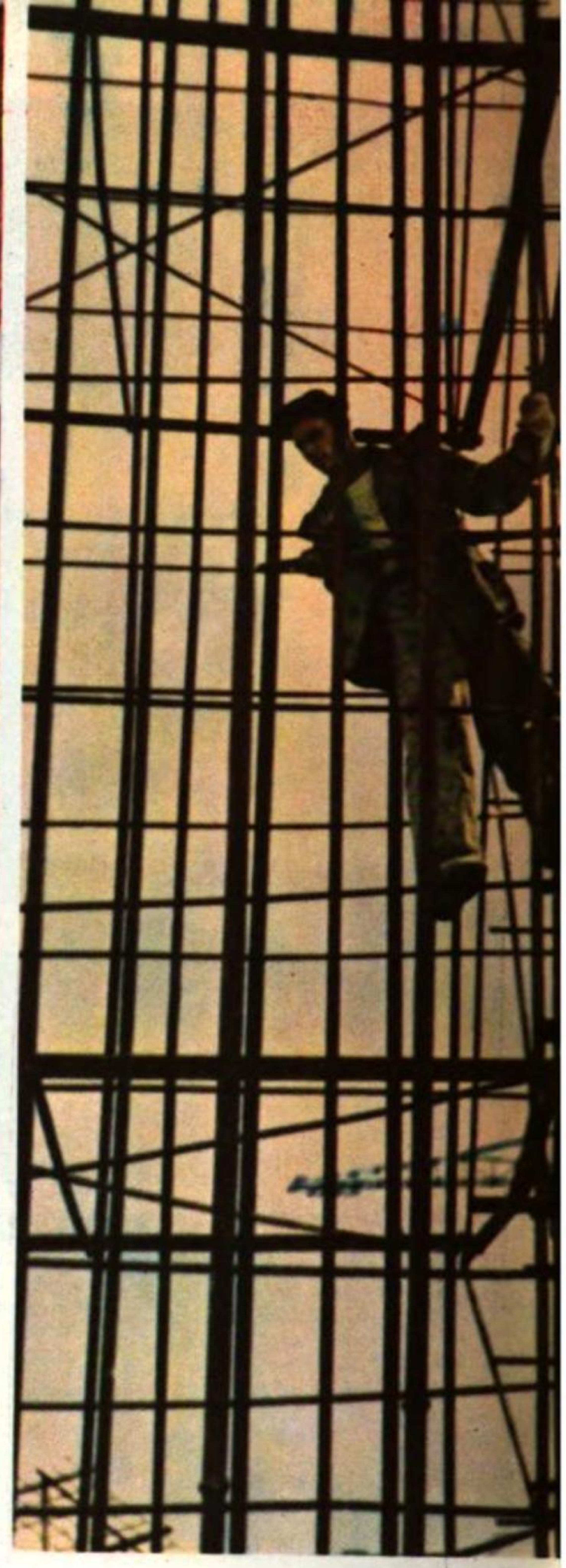


Днепровский металлургический завод имени Дзержинского. Разливка стали.

Проспект имени Ленина в Запорожье.

«Огонек».

Материал, защищенный авторским правом



Стро

Харьковский тракторный завод. Смена кончилась.



Материал, защищенный авторским правом



ительство Кременчугской ГЭС. Сварщики-верхолазы.

Бетонщик Анатолий Пономаренко и каменщик Галина Ивченко — строители Ново-Криворожского горнообогатительного комбината.

Харьковский завод тепловозного электрооборудования. Токарь И. М. Колодезный обрабатывает ротор турбогенератора.



Материал защищен авторским правом



Днепропетровск. Металлургический завод имени Карла Либкнехта. Охлаждение вагонных колес после проката.

Кривой Рог. Хорошо искупаться после работы!

Материал, защищенный авторским правом

снились,— сказал Олег,— видите, что делается...— И он обвел руками комнату.

Всюду: на столе, на стульях, на тумбочках, на подоконнике — лежали навалом письма в конвертах и без оных. Раскрытое письмо зажато было и в руке спавшего Толика. Сейчас, во сне, он его, видимо, и дочитывал...

— На третью тысячу перевалило. Пишут всей бригаде и каждому в отдельности. Каких только не получаем посланий! У меня вот обнаружился полный тезка: Олег Яковлевич Топчий. Мало что тезка,— и биография схожа с моей. Только я сначала служил в армии, потом стал литейщиком, а он наоборот. А у Стасика Кривцова — трагедия, верней, комедия. Некая супружница, увидев в «Огоньке» Стасикову физиономию, признала в нем своего мужа, который нынче в бегах. Представляете, наш тишайший, скромнейший Стасик — и в бегах. Написали ей коллективно, что, мол, не тот. Грозится приехать, чтобы убедиться воочию. А к Феде Лупике уже приезжала. Но тут история совсем другого рода. Приходят письма — надо отвечать. Иногда переписка быстро гаснет, а то и разгорается. К Феде зачастили весточки из Клайпеды. У нас друг от друга нет секретов. Федя показывал письма, и они нравились нам. Девушка, видать, культурная, начитанная, с правильными взглядами на жизнь. Смущала, правда, ее профессия. Эстрадная артистка. Не «фифочка» ли какая? Но, с другой стороны, рассудили, что «фифочку» вряд ли привлечет рабочий парень, формовщик. В общем, переписка продолжалась. И вдруг совершенно неожиданно телеграмма: «Выехала Харьков Ядвига». Вот это решительность! Не «выезжаю», а уже «выехала». Волей-неволей — встречай. Федя всех нас на вокзал поволок. Для моральной поддержки... И знаете, что? Чудесная оказалась девушка. Я уж не говорю, что красивая, у нас и Федя не из уродов. Простая, веселая, остроумная. Дочь капитана дальнего плавания, старого коммуниста. Очень музыкальна, играет на многих инструментах. На эстраде — аккомпаниатором. Готовится в консерваторию. Выступала тут у нас и в клубе и в красном уголке с концертами. Жила где? А тут же, у девчат. Пробыла пять дней, и провожали ее чуть не всем общежитием. Дальше как? Уехал Федя. Нет, не в Литву — в Крым, в туристский лагерь. А возвращаться в Харьков будет, полагаю, через Клайпеду...

Олег показывает мне письма. Их и впрямь пуды! Никто не обижен, но больше всего адресуются к Толику Шаповалову. У него самая обширная корреспонденция. Этому способствовал, возможно, портрет, напечатанный в журнале. Уж больно привлекательным получился хлопец.

Сладко посапывая, улыбается кому-то во сне Толик Шаповалов, рабочий человек. Что ему снится? Может, снега Якутии, по которым мчится в собачьей упряжке от участка к участку оленеводка Надя Бокарева? Или буровые вышки и качалки нефтяного Бугуруслана, где несет дежурство оператор Таисия Чечеткина? Иль видится Толику солнечный Чарджоу, откуда Шура М. прислала ему письмо в конверте с надписью, как на ящике с дорогим бьющимся грузом: «Осторожно, фото!»?

История и современность

Из Харькова — в Полтаву. Но почему в Полтаву? Маршрут ведь объявлен индустриальный, а Полтавщина — это хлеб... Нет, теперь это не только хлеб!

...В наш первый полтавский вечер вышли пройтись по городу. Главная улица выводит к откосу над Ворсклой. За рекой — простор, раздолье, синий лес. И в том лесу, чудится, войска Петра: гренадеры, драгуны, артиллерийские полки. Ждут сигнала к переправе, к бою со шведами...

Тут вокруг царицей — история. Тут сам как-то сразу настраиваешься на исторический лад. А к тому же еще и слышишь, как кто-то рассказывает:

— ...Перед вами садыба письменника Котляревського. За собором в кинцы площади була ратуша. Там працював возный, по-сучасному председатель горисполкома. Ливоруч, внизу, бачим садыбу Терпелыхи, матери Наталки-Полтавки. Сюды до нее, до Наталки, ходыв возный. Але даремно, бо вона ждала свого коханого. Котляревський все це бачив и описав в пьесе...

Тесным кружком сгрудились школьники вокруг пожилого человека в широкополой шляпе и с такими же традиционными запорожскими усами. Он словно и сам только что шагнул сюда из пьесы Котляревского, шагнул и движется вдоль откоса, по площади, и за ним, как за чародеем, бредут ребята. Он и в самом деле чародей, потому что, к чему бы ни прикоснулось его слово — вон к тому домишке, вон к той ограде,— все оживает...

Так познакомились мы с Филиппом Ивановичем Бойко.

В каждом городе есть такой любитель старины, знаток своего края. В странствиях по градам и весям повидал я немало подобных энтузиастов. И утверждаю, что самый страстный, самый одержимый среди них—полтавский Бойко. Сомневаетесь? Но это только потому, что вы никогда не встречались с Филиппом Ивановичем, не видели собранной им коллекции старинной утвари, не читали отчетов о 15 археологических экспедициях, в которых он участвовал, не перебирали его картотеку знаменитых полтавцев, в которой уже более 600 имен. Вот в Москве есть больница имени Склифосовского, а ведь он здешний. И артист Козловский тоже отсюда, из Полтавы, хотя и редко навещает свой город. А местная речушка Тарапунька дала псевдоним другому артисту. Знаете ли вы, что Полтавщина вскормила 128 Героев Советского Союза? Правда, об одном из них, о Щербакове, идет давний спор со смолянами. Как установлено, он был рожден матерью в пути, в поезде, стоявшем в этот момент на станции Смоленск. Но сразу был привезен в Полтаву, где рос, учился, работал до самого ухода в армию. Так чей же, спрашивается, Щербаков: полтавский или смоленский? Могут ли претендовать на него смоляне? Извините, пожалуйста, я заговорил уже так, словно и сам из Полтавы. Но это — влияние Филиппа Ивановича!

Два дня бродили мы с ним по городу, по его окрестностям, по местам былых сражений, по залам музеев, от памятника к памятнику, а их тут не счесть. Вот стоим возле Петра перед входом в Музей Полтавской битвы. Царь — «в натуру»: 2 метра 5 сантиметров. На бронзовом мундире несколько вмятин: на груди, на рукавах. Это боевые ранения. «Петр» получил их, защищая семью Бойко. Дело было летом 1941 года. Филипп Иванович, как уполномоченный обкома партии, вывозил в Башкирию ценнейшие экспонаты полтавских музеев. Времени почти не оставалось: враг уже подходил к городу,— и не все успели заколотить в ящики. Скульптуру Петра уложили в вагон, укутав лишь в рогожу. В этом же вагоне ехал и Бойко с домочадцами. За Харьковом — немецкие самолеты. Летели низко над эшелоном и «прошили» его из пулеметов. Филипп Иванович, жена, четверо их ребятишек лежали на полу вагона за спиной «Петра». Он и спас их своим телом, своей бронзой, в которую угодило с пяток пуль...

Захватила, полонила нас в Полтаве история. Пора и освобождаться из ее цепких объятий. Вырываемся в современность! И увлекаем за собой Филиппа Ивановича. Мы едем к нефтяникам, и он с нами. Это ему кстати: надо побывать в Гоголеве, в Миргороде по делам областного партархива, которым Бойко заведует.

Гоголево, Миргород... Чувствуете, какая опасность снова нависла над нами? Глядишь, и мелькнет в окне Параска, которая задумалась в ожидании Грицька, «подперши локтем хорошенький подбородок свой». А то наткнешься и на Пацюка, что глотает летящие ему в рот вареники в сметане. Нет, нет, мы не поддадимся искушению! Мы мимо. Нам на нефтяной промысел.

Контора—в Гоголеве. Начальник нефтепромыслового управления Иван Моисеевич Груша оказался прямо-таки находкой для нашего Бойко. В гражданскую войну воевал в этих же местах, где добывает теперь нефть. Махно били. Встречался ли с Фрунзе? А как же, Михаил Васильевич числился почетным красноармейцем у них в полку, бывал не раз. Он ведь, Фрунзе, и ранен был неподалече в бою с махновцами... Карандаш Бойко так и бегает, так и бегает по бумаге. Интересно все: и про гражданскую войну и про нефть...

Нефть тут, в районе Миргорода, нашли недавно. Есть же вот такие счастливые местечки на земле, как Миргород! Обессмертил его Гоголь. Прославился лечебной водой, прекрасным курортом. И теперь в третий раз уготована ему слава: нефть! Напав на золотую, то бишь нефтяную, жилу, разведчики намертво вцепились в нее и идут вглубь и вширь. Все новые и новые месторождения вступают в строй. Груша называет некоторые: Сагайдак, Глинск, Кибенцы, Сенжары... Надо видеть в эту минуту Филиппа Ивановича. В глазах у него и страдание и порыв. Ведь звучат столь близкие его сердцу названия и так хочется сказать, что в Глинске Петр наголову разбил конницу Карла, что под Сагайдаком русские бились с татарами и само слово «сагайдак» означает «сумка для стрел», что в Сенжарах... Но сдерживает себя бедный Бойко, помалкивает, сосредоточенно работая карандашом. А Груша говорит, что в этих краях не только нефть, но и газ. Идут успешные поиски. Конечно, такого месторождения, как сказочная Шебелинка под Харьковом, здесь пока не найдено. Но ищут те же люди, что обнаружили Шебелинку. Есть надежда, что разыщут подобное богатство и на Полтавщине. Вот совсем на днях забил сильный газовый фонтан на хуторе Солохи в Диканьском районе. И тут уж Филипп Иванович не выдерживает.

— На хуторе Солохи? — переспрашивает он, и в голосе его восторг.— Вот це диво!

Действительно, это забавно. И не чуяла предприимчивая Солоха, что у нее под хатой природный газ. Уж развела бы коммерцию, приготавливая свои вареники да галушки на газовой плите, и народ бы к ней валом повалил!..

Едем по участкам. С нами Ваня Лисовец, мастер-добытчик. Хозяйство его в полях, среди кукурузы, подсолнухов, арбузов. Прекрасно себя чувствуют в этом обществе стальные журавли — качалки. Клюют себе да поклевывают землю, высасывая нефть. Прежде Ваня медом занимался на колхозной пасеке. А нефть — тот же мед, только для машин. Но что это Филипп Иванович все время по сторонам озирается? Чего-то ищет. Нашел! Тычет пальцем в сторону поросшего травой холма.

— Бачьте,— говорит радостный,— це цикава могилка! Времен скифов и древнейших славян. И ось же друга могилка...

— Ни,— качает головой Ваня Лисовец.— Це не могилки. Це мы разгребы бульдозером.

Филипп Иванович ошарашен. Тащит за собой Ваню и долго ходит вокруг холмиков, ковыряя их палкой. Трудно признаться, но научная объективность на стороне бригадира. Тут поработал бульдозер. Смущен Бойко. Но Ваня Лисовец — вежливый, добрый малый. Ему уже жаль, что принес огорчение старому человеку. Он показывает Филиппу Ивановичу еще на два холма, которые поболе тех. Вот это настоящие древние курганы — погребальницы предводителей первобытных племен. А казаки использовали их позже как наблюдательные пункты в боях.

— Тоди ще радиво не було,— шутливо поясняет Ваня.— Накладалы по купе хворосту и, колы побачать ворога, пидпалюють. То був сыгнал до наступу...

Бойко одобрительно кивает, покручивая ус. У этого хлопца, добывающего нефть, тоже, видать, интерес к истории. Очень он нравится старику...

Рождение гигантов

В Кременчуг Филипп Иванович не смог с нами поехать, и мы еще в пути ощутили его отсутствие. Проезжаешь мимо развалин какой-то старинной крепости, а что за крепость, и спросить не у кого. Правда, он постарался снабдить нас на дорогу множеством исторических сведений, да всего не предусмотришь. Словом, не хватало нам милого Бойко, и мы не раз жалели об этом. Хотя в Кременчуге нам чаще приходилось обращаться к будущему, чем к истории.

Так было на автомобильном заводе, у которого почти нет прошлого. Он еще в пеленках, ему лишь четвертый месяц. Дату его пуска можно считать днем рождения новой промышленности на Украине. Теперь у республики есть собственный автомобиль — «Днепр-222», 10-тонный самосвал. Название пришло сразу, посколь-

Материал, защищенный авторским правом

ку завод на Днепре. А над эмблемой долго думали. У горьковчан на «Волге» — олень, у минчан на «мазах» — зубр. А кременчугцам тоже зверя посадить на радиатор или чего другое? Чем всегда славилась Полтавщина? Галушками. Но не пшеничную же галушку лепить к автомобилю! Решили так: коль нарекли «Днепром», реку и изобразим. И вот уже бегают по дорогам зеленые самосвалы с красно-голубым флажком и серебристой речной волной на радиаторе. Завод в стадии оперения. Но и сейчас видно, какие огромные собирается размахнуть он крылья. У него самый длинный в стране автомобильный сборочный конвейер — четверть километра! Пока сборка идет по «чужим» чертежам, которыми с Кременчугом любезно поделился Ярославль. Но действует уже свое конструкторское бюро, и ложатся на стол листы с эскизами будущей машины, полностью своей, кременчугской. Пока многие узлы привозные. Механические цехи не развернулись еще на всю мощность. Но вот, пожалуйста, рама — своя! И воздушный баллон — свой. И кузов уже сами начали делать. Все растет число узлов, деталей, сработанных непосредственно на заводе. И это — свидетельство его быстрого становления.

Был в этом краю, в сущности, один по-настоящему большой завод — вагоностроительный в Крюкове, по соседству с Кременчугом. Мы побывали у вагонников. Старый, заслуженный завод. Кто ж не знает его грузовых «гондол», развозящих по стране руду, уголь, лес, а в горячую страду и зерно! Нынче в Крюкове создан новый тип «гондолы» — великолепная цельнометаллическая конструкция! Берет 93 тонны груза. На выставке в Брюсселе — золотая медаль «Гран-при». Вагоны эти на потоке. Завод сильный, отлично вооруженный техникой. И, естественно, задавал тон в округе, лидером был. Но вот подает голос и автомобильный. Пока у него тенорок, но скоро заговорит басом. Он потянул за собой и другие крупные производства. Так создается на хлебной Полтавщине мощный узел тяжелой индустрии.

Вырастает и еще один гигант, без которого всем остальным не прожить. Правой ногой он ступил на землю кировоградскую, левой — на полтавскую. Днепр разделяет две области, а сооружения Кременчугской гидростанции соединят их, протянувшись от правого берега к левому. Незаметно как-то, тихо поднялась Кремгэс: о ней мало писали. А между тем это стройка своеобразная.

Днепр взяли в работу прежде Волги, но оставили затем в покое. Днепрогэс долго пребывал в одиночестве, пока не появилась «Каховка». И вот стройки под Днепродзержинском, под Кременчугом, точней, чуть выше его по течению. Место выбрано с толком. Когда-то, в тридцатых годах, река разлилась здесь на много верст и пробила себе новую дорогу, покинув прежнее русло. Ну, не совсем покинула, оставила рукавок — мелкий, несудоходный. А гидростроителям тот рукавок как раз и на руку. Им бурная жизнь реки с ее быстрыми течениями, паводками, с пароходами, снующими туда-сюда, совсем ни к чему, только помеха. Удобней строиться в «кутке», на боковой дорожке, где ты никому не мешаешь и тебя не тревожат. А Днепр еще вернется туда, откуда бежал. Перекроют его на главном русле, куда деваться? Повернет на старый путь. Но там уже все будет готово к приему реки. Хорош Кременчугский плацдарм и своим скалистым грунтом (по справке Филиппа Ивановича, слово «Кременчуг» означает «кремень-гора»). Конечно, нашим гидротехникам и песок не страшен. Вон «Каховка» вся на песке. Но сколько бетона съела! В два раза больше, чем понадобится «Кременчугу», хотя он куда мощней.

Итак, тихое место, скала. И еще — чаша для водохранилища. Природа сама приготовила здесь отличную посуду для воды: широкая ровная пойма с крутыми берегами. Можно создать «море», способное не только кормить водой Кременчугскую ГЭС, но и подкармливать нижележащие. А это особенно важно на Днепре, у которого очень неровный характер. Весной несет 24 000 кубов в секунду, а летом, в межень,— 300. В апреле топит, в июле сажает на мель. Днепрогэс просто задыхается в эту пору: воды хватает лишь на две турбины. А теперь «Кременчуг», накопив запасы у себя в хранилище, сможет страховать и Днепрогэс, и Днепродзержинскую, и Каховскую, по-братски делясь с ними водой в трудную минуту. Реке не дадут своевольничать. Рекой будут управлять.

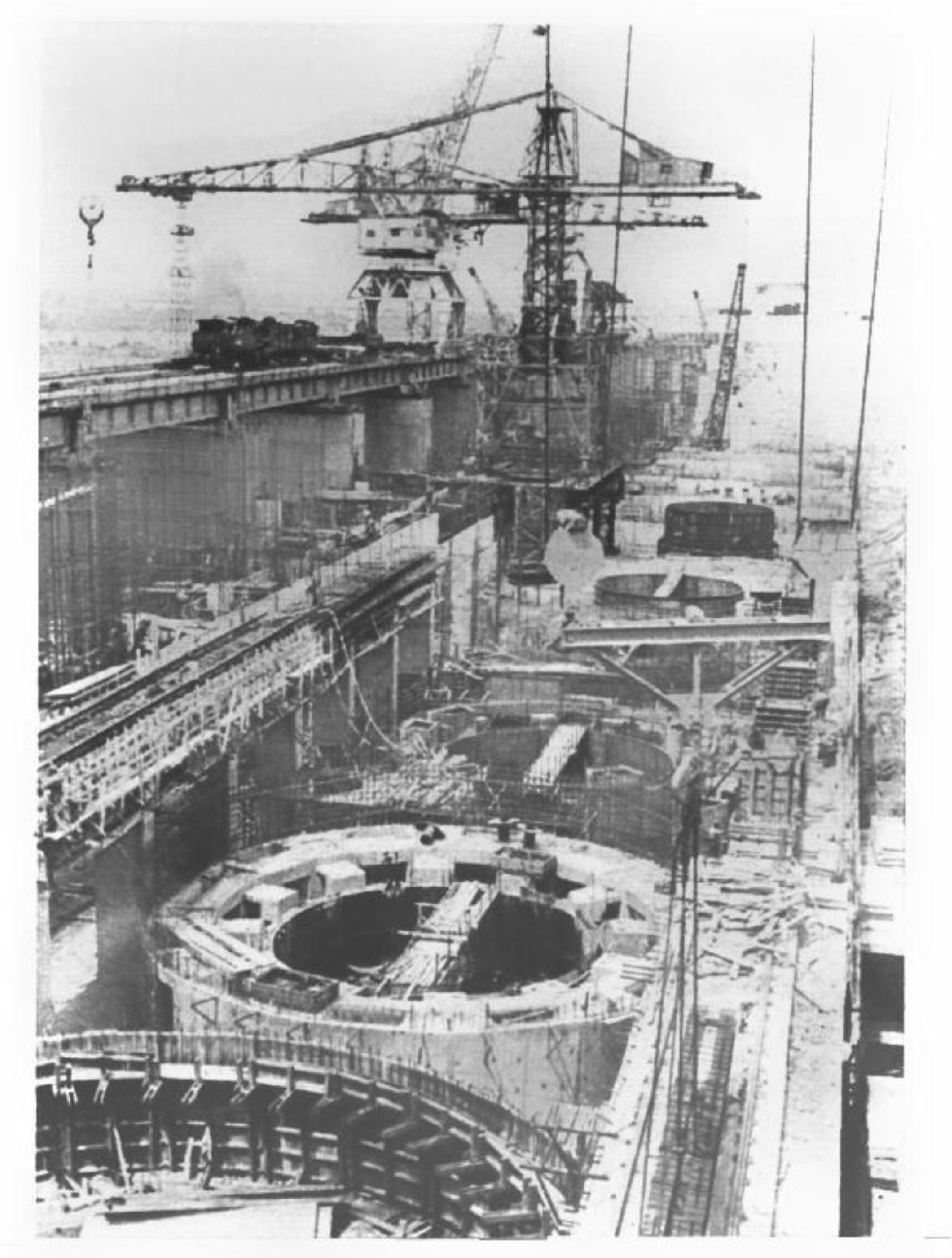
Гидростроительство переживает сейчас в стране знаменательный период. Объявлен курс на временное преимущественное развитие теплоэнергетики. Спор между «гидравликами» и «паровиками» шел давно. Жизнь разрешила его в пользу «паровиков». Но гидростроители не сдаются.

Они хотят продолжить соревнование с «паровиками», но не в дискуссиях, а на деле. У них сейчас пора смелых технических решений. Главная идея — дешевле, быстрей! Чтобы приблизиться и по срокам и по стоимости к тем, кто возводит тепловые станции. И в этом смысле очень показательна стройка у Кременчуга. Нигде еще на гидротехнических сооружениях не шел так в ход сборный железобетон, как здесь. В котлованы подавались с полигонов крупные блоки, готовые конструкции. Полигоны настолько мощные, что могли бы уже сейчас вести «заготовку» будущих ГЭС. Да, да, гидростанции так и будут теперь строиться: на стороне, на полигонах,— типовой сборный железобетон, а на месте — только монтаж. Этому учит в большой мере опыт Кременчуга. Он многому учит, этот опыт. Вряд ли кто после кременчугцев посмеет «разгонять» плотины, как прежде. На Днепре решительно уменьшили «коэффициент незнания». Доказали, что запасы прочности водосливной плотины позволяют «урезать» ее на треть. Смелей! И рождается «машинный зал» без стен и крыши, на открытом воздухе. Генераторам не грозит никакая опасность. Их надежно укроют металлическими колпаками. Смелей! И уже решают пустить шлюз до перекрытия реки. Никогда так не делали? А тут попробуют. И, может быть, даже попытаются перекрыть Днепр без обязательного в таких случаях наплавного моста. Смелей!

За год «сброшен» год. На год раньше даст электроэнергию кременчугский гигант. Уже потянулись линии высоковольтной передачи на Полтаву, на Харьков, на Днепропетровск.

Кстати, и нам в ту сторону — на Днепропетровщину.

На строительстве Кременчугской ГЭС.



Директор

Раз уж выбрались к Днепру,— вниз по реке!

Вот мы и в Днепродзержинске, городе металлургов.

Из многих встреч со здешними доменщиками, сталеплавильщиками, прокатчиками расскажу об одной, которая произошла у меня еще заочно в начале этого года на Урале, в Нижнем Тагиле. Там, на металлургическом комбинате, начальник доменного цеха Герой Социалистического Труда Федор Александрович Хилькевич показывал мне новую автоматику на печах и говорил: «Георгий Григорьевич был у нас тут недавно. Весьма одобрил...» Видно, оценка Георгия Григорьевича имела для Хилькевича, опытнейшего доменщика, большое значение. Позже, уже в поездке по Украине, попалась мне брошюра «Наука и техника на Днепропетровщине». В ней не раз упоминался ученый-металлург Г. Г. Орешкин, который разработал такую-то оригинальную систему в доменном производстве, провел такой-то важный эксперимент, опубликовал такое-то глубокое исследование.

Георгий Григорьевич Орешкин, о котором я слышал еще на Урале и о котором прочел в книжке,— это директор металлургического завода имени Дзержинского, в чьем кабинете я сейчас и сижу. Директор любого завода — человек занятой, ну, а такого гиганта—тем более. Словом, в моем распоряжении полчаса, 30 минут. И чувствую, что снисхождения не будет. Поэтому сразу прошу собеседника рассказать о себе. Часто в таких случаях слышишь: «Ну зачем о себе?» Но это человек деловой. Просят рассказать — рассказывает.

Давно ли он здесь? В кабинете этом третий год, да вон в том, что напротив, за столом главного инженера провел пять лет. А вообще-то вся жизнь с этим заводом, все 53 года. Потому как родился почти на заводской территории и в «бабки» с дружками всегда под заводским забором играл. А рабочим человеком ступил на заводскую землю семнадцати лет. Пошел бы и раньше, но сразу после революции металлургический стоял на консервации. Отец, огнеупорщик, обжигавший кирпичи для печей, собирался взять к себе в подручные. Но захотел в слесаря. А работая по ремонту, во всех цехах пошатался, и больше всего понравились домны. Как объявили набор в только что открывшийся при заводе техникум, подал на доменное отделение. Вечернее, конечно. Учение затянулось. Верней, техникум преобразовался в институт; добавили два года. Между прочим, тогда было так: в институте преподавали только заводские инженеры. Не жаловались на перегрузку, справлялись. И уж учили тому, что действительно нужно производству. Неплохо бы хоть отчасти возродить эту традицию. Получил диплом инженера. А потом чередовались цех и лаборатория, лаборатория и цех. Вот и интересы разделились между ними. Сидел в лаборатории — то и дело бегал в цех, назначали в цех — не забывал про лабораторию.

Он никогда специально не настраивал себя на науку. Это возникло в нем как внутренняя необходимость, как потребность. У не-

Материал, защищенный авторским правом

го 40 печатных научных работ, 11 авторских свидетельств, как у изобретателя. Все его изыскания, все изобретения родились на заводе и для завода. Предположим, сидел бы он сотрудником в научно-исследовательском институте. К чистой теории у него никогда не было влечения. Да и есть ли чистая теория в доменном деле? Значит, все равно нужно было бы искать какие-то связи с производством, куда-то ездить. Так не лучше ли сидеть на заводе и «ездить» в науку? Нет, это не означает, что избранный им путь обязателен для всех. Он просто сочувствует тем деятелям науки, которым приходится порой искать базу для своих исследований, где-то что-то внедрять. У него «база» под боком и внедрение всегда идет рядышком с исследованием и даже подгоняет его.

Вот ведь ка̀к было с кандидатской? Говорят, два доменщика — три мнения. Особенно яростно спорят они о профиле домны. Все соглашаются, что надо его менять, но как, — пока не договорились. Орешкин (я излагаю это, конечно, в примитиве) — за то, чтобы доменная шахта была ниже, но шире. Во всяком случае, обязательно шире. Чтобы лучше взаимораспределялись шихта и газовый поток. Противников у Орешкина было немало, и он решил спорить с ними не статьями, а домной. Благо, у него имелась такая возможность, как у начальника цеха. Воспользовавшись капитальным ремонтом, он изменил на одной из домен «рисунок» шахты. Она стала шире. Сделали это тайком от работников министерства, которые не разрешали такую реконструкцию. Домна великолепно работает вот уже более десяти лет. И каждый раз в капитальный ремонт переделывают по ее подобию и шахты других домен. Спор по поводу профиля продолжается. Но у Орешкина теперь в руках солидный аргумент — многолетний опыт цеха, который зафиксирован и осмыслен в его кандидатской диссертации.

Я со страхом поглядываю на часы. Как интересно слушать этого человека, которого, не боясь патетики, можно назвать сыном завода! Глядит на часы и Георгий Григорьевич. Поднимается из-за стола. В 10.00 ждут его в доменном. Осталось 5 минут. Как раз столько, чтобы дойти до цеха. Выходим вместе. В приемной он говорит секретарю: «Позвоните, пожалуйста, в новопрокатный. Я буду у них в одиннадцать». На лестнице я о чем-то спрашиваю его. Отвечает рассеянно. Мысли его уже там, в доменном.



Директор завода имени Дзержинского, кандидат технических наук, Герой Социалистического Труда Г. Г. Орешкин.

Случай у мартена

...А в Запорожье мне хотелось повидаться с Гришей Пометуном. У меня с ним знакомство более давнее, чем с хлопцами из Харькова, — с 1955 года. Он приезжал тогда в Москву на совещание металлургов и был примерно в нынешнем возрасте Олега Топчия. Теперь, выходит, Грише под тридцать, и его надо, наверно, величать Григорием Константинычем. Тем более, что он уже не сталевар на «Запорожстали», а мастером, да еще и Герой Социалистического Труда. Может, заважничал?

Нет, остался Гришей. Сидим в приборной будке. В окно видны все три мартена, которые под началом у Пометуна. Рассказывает мне «за жизнь», а сам то на приборы, то в окошко поглядывает, за печами следит. Ну, что нового? Две печки в цехе новые, большегрузные. Кислород? Нормально с кислородом... Да, вот самая последняя новость. Природный газ. Вместо доменного и коксового. Холодный природный газ. Без подогрева. Без добавки мазута. Пока на одной печи, на десятой. Не 3, а 4, даже 5 плавок дает в сутки... Дома как? Нормально и дома. Вторая девчонка подрастает. Старшей нынче в школу. Нет, Шура сейчас не работает. Девчонками командует. Ну, и мужем заодно...

Не понравилось что-то Пометуну на приборах, выбежал из будки. Я увидел в окошко, что он заметно прихрамывает. Кажется, у него раньше этого не было.

Вернулся.

— Извините. К одиннадцатой бегал. Там Давыдов сталеваром. Вчера в санаторий уехал, ногу больную лечит. А за него первый подручный. Молоденький. Волнуется.

— Гриша, а у вас тоже что-то с ногой?

— Да пустяки... Случай тут маленький вышел...

Вот какой это был случай.

Шла к концу ночная смена. И Пометун, работавший тогда сталеваром на «семерке», заканчивал как раз кормление печи — завалку шихты. Завалочная машина протолкнула в огненное жерло и опрокинула уже не один десяток корыт с ломом. Чего только не было в этих корытах, или, как их называют плавильщики, мульдах! Железо, честно послужившее человеку, завершает здесь, на рабочей площадке мартена, свой век, чтобы, возродившись в печи, начать новую жизнь, новую службу. Любит Гриша Пометун задуматься о судьбе вещей, которые попадают к нему с шихтового двора, любит молча побеседовать с ними. «Здравствуй, плужок-дружок, крестьянский помощник! Земной поклон тебе, трудяга. Куда попадешь теперь? А вдруг трактором в мою Ильинку?.. Ох ты, бедолага, автомобильный мост! Где же это тебя так поуродовало? В какую передрягу угодил ты вместе со своим незадачливым хозяином, сидевшим за рулем? Ну, ничего, был мостом, станешь у нас в прокатке листом, и тоже автомобильным, и еще в хорошие руки попадешь... А ты, пылесос, тоже лезешь в большие? Хотя и тебе досталось немало. Наглотался пылищи-то. Давай, давай в переплавку! Авось, выпадет тебе чистая стезя». Сразу после войны шли в мартен почти одни трофеи-калеки: сожженные танки, разбитые пушки. Может, прошла через Гришины руки и та, что убила его батьку в Берлине. Убила за три дня до победы. Он там и лежит, отец... Война уходит все дальше в прошлое. Поток искалеченного вооружения почти иссяк. Лишь изредка попадется в шихте какой-нибудь залежавшийся «вояка».

Машина опрокинула последнее корыто. Машинист махнул рукой Пометуну, стоявшему у пульта управления. Нажим рычажка — и заслонка опустилась, прикрыв завалочное окно. Рвется в щель пламя. Плавка началась! Гриша глянул на часы. Без пяти семь. Скоро и утренняя смена начнет подходить. Что ж, встречаем ее нормально. Выдали скоростную, анализ из лаборатории отличный. И завалочка прошла неплохо. Надо только поглядеть, не осталось ли чего из лома на пороге печи. Он должен быть чистым, сухим. Тихонечко насвистывая какой-то веселый мотивчик, идет Гриша к своей «семерке». Опустил очки с козырька, вглядывается... Молния. Удар. Падает Пометун.

Люди сбегаются на взрыв. Сталевар лежит на спине, руки раскиданы, глаза закрыты. Из-под правой ноги расплывается по железной плите кровь. И волосы намокают кровью. Куртку опалило, дымится. Склонились над бригадиром подручные, все трое. Бледные, растеряны: недоглядели. Но никто еще не знает, чего недоглядели. Печь не тронута, цела. Откуда же взрыв? Христич, первый подручный, друг вернейший, шепчет: «Григорий, Григорий...» Молчит Пометун. Стонет. У печи жарища, духота. Осторожно переносят раненого подальше, к приборной будке, откуда он только что управлял печью. И пока несли, протянулся от мартена к пульту управления, через всю ширину цеха, кровавый след. Расстегнули пояс, чтобы легче дышалось. Вздохнул глубоко Гриша, открыл глаза, силится приподняться, охнул и снова повалился навзничь. Прибежала, задыхаясь, Дугельная, фельдшерица цеховая. Припала на колено. Молчат люди, ждут, что скажет. О, повидала она такие ранения в медсанбате на войне! Слепое осколочное в подвздошную область. Похоже, как от снаряда. «Носилки быстро!» И тут же кто-то кричит: «Глядите!» На пахнущей паленым брезентовой рукавице три стальных осколка. Нашли их на рабочей площадке у самой печи. Горячие еще, притронуться нельзя. И Степа Шестаков, сталевар с «восьмерки», воевавший в артиллерии, глянув на них, говорит: «125-миллиметровка... Точно!» Значит, и в самом деле снаряд взорвался? Вон и на завалочной машине свежие вмятины. Снаряд! Таился где-то столько лет, пока в шихту не попал, пока в Гришу нашего не выстрелил. Несут Пометуна мимо печей, мимо приборных будок, несут мимо товарищей, печально глядящих на него, несут через цех, в котором он варил сталь и который обернулся для него полем боя. Уже позвонили в больницу. Уже ждет там раненого сталевара Юрий Прокопьевич Полищук, человек, знающий, что такое война, фронтовой и партизанский хирург.

А дома ждет Гришу, ничего не ведая, жена. Это первый месяц, как Шура ушла с завода. Она работала в доменном, машинистом на вагоне-весах. К проходным воротам из доменного — мимо мартеновского. И когда они выходили в одну смену, Гриша ждал ее после работы у своего цеха. Родилась вторая дочка, и Шура сидит дома. Но какое там сидит, вечно в хлопотах с девчонками! Сейчас спят и вот-вот подадут голос. Но что это Гриши все нет? Обычно после ночной самое позднее в десять дома. Если задерживается, всегда предупреждает через кого-нибудь. Шура уже много раз посматривала в окно. Почти все с ночной прошли. Вон показался Волжан, начальник смены. Ему в соседнее парадное, а он в наше почему-то зашел. Звонок. Тревога полоснула по сердцу. Открывала дверь, знала: беда. Волжан спрашивает: «Гриша не приходил?» (Всю дорогу думал, как начать, а начал вот так). А она уже платок накинула. «Где он, Николай Игнатьич?» И уже по лестнице сбегает. «В больнице на четырнадцатом поселке. Живой!» В это время заплакала малышка в комнате. Шура метнулась было обратно. Но Волжан говорит: «Сейчас пришлю свою хозяйку. Вам надо туда». И она побежала.

В приемном покое — Полищук навстречу. Руки у хирурга холодные, даже немножко влажные, только что вымытые... Протягивает кусочек металла с грецкий орех. «Примите, — говорит, — на память. На память о войне. Счастливчик муженек ваш. Взяла бы эта штучка чуть левее, и... А теперь сто лет проживет!»

Но, может быть, то был не снаряд? Нет, снаряд! На шихтовом дворе переворошили весь лом, нашли еще один притаившийся, такой же. Степан Шестаков не ошибся: 125-миллиметровый. Немецкий... Огрызается все еще война!

...Сидим с Гришей в будке. Опять встревожила его какая-то стрелка на приборной доске. Опять бежит он, прихрамывая, к печам.

...Вот и завершен наш маршрут. Это были встречи с заводами, со стройками, встречи с машинами, с автоматикой. И если каждый раз непременно выдвигались на передний план люди, то тут уж ничего не поделаешь: человек, он всему хозяин!

Материал, защищенный авторским правом







Под редакцией гроссмейстера С. Флора

Героическая пешка

Этюд А. КУЗНЕЦОВА и В. САХАРОВА.

Первый почетный отзыв на международном конкурсе ФИДЕ 1958 года.
Белые делают ничью.



Приводим весьма эффектное решение этюда:

1. g5—g6 Ch7—g8+
2. Kpe6—f5 Ka3—c4
3. h5—h6 Kc4 : e3+
4. Kpf5—g5 Ke3—d5
5. h6—h7 Ce1—h4+!

Черные приложили максимально усилия, чтобы победить. Но, несмотря на все хитрости со стороны черных, у белых есть выход из положения...

6. Kpg5 : h4 Kd5 : f6
7. h7—h8Ф a2—a1Ф

Казалось, белым пора сдаваться: у черных две лишние фигуры; но сейчас следует самый неожиданный и красивый момент этюда:

8. Kph4—g5+ Kf6—h7+
9. Kpg5—h6 Фa1 : h8
10. g6—g7!

Великолепно! Последняя белая пешка спасает положение. Эта поистине героическая пешечка заперла черного ферзя, и к тому же черные теряют еще одну из своих легких фигур.

Оригинальнейшая заключительная позиция!

Претенденты и их секунданты

За последние годы чемпион мира, экс-чемпионы, ведущие гроссмейстеры придают большое значение роли тренера-секунданта. Секундант «болеет» всей душой за своего подопечного и оказывает ему большую практическую помощь до и во время соревнования.

Самое длительное творческое сотрудничество когда-то было между М. Ботвинником и В. Рагозиным. Чуть ли не 20 лет длилась их шахматная дружба. Но затем они разошлись (по-хорошему!). Тренером чемпиона мира в последних матчах и турнирах является его многолетний друг мастер Г. Гольдберг.

Кто тренирует восьмерых претендентов турнира в Югославии?

В. Смыслов неоднократно менял своего тренера. В 1957 году он победил М. Ботвинника, в 1958 году ему же проиграл матч-реванш. Оба раза секундантом Смыслова был И. Бондаревский, опытный гроссмейстер и тонкий знаток эндшпиля. Упорный Бондаревский хочет (а не менее его и сам Смыслов!), чтобы Смыслов еще разочек «добрался» до Ботвинника.

П. Керес когда-то работал с А. Толушем, который теперь занимается с Б. Спасским. Верным спутником Кереса за последнее время стал В. Микенас, который и выехал с ним в Югославию.

Новое, молодое «шахматное бракосочетание» у Т. Петросяна, который опирается на солидную шахматную фигуру И. Болеславского. Напомним, что в турнире претендентов 1956 года Болеславский успешно тренировал В. Смыслова.

Постоянным тренером и советником по всем важнейшим шахматным вопросам у Таля является рижский мастер А. Кобленц, заслуженный тренер СССР. Таль (по совету самого Кобленца!) решил просить гроссмейстера Ю. Авербаха оказать ему помощь на турнире претендентов.

У С. Глигорича официальным тренером заявлен А. Матанович. Ф. Олафссон договорился со своим молодым другом Б. Ларсеном.

П. Бенко просил талантливого югославского мастера А. Фудерера быть его секундантом. Это сделано, возможно, и с той целью, чтобы не оплачивать проезд секунданта в Югославию.

Такое же соображение, несомненно, и у Бобби Фишера, который в 16 лет подходит к жизни весьма деловито. Он не привез секунданта из США, а вел переговоры с разными шахматистами в Европе. Остановился он на бельгийском гроссмейстере О'Келли.

Итак, среди секундантов шесть гроссмейстеров и два первоклассных мастера. Из секундантского «персонала» можно было бы составить очень сильный по составу турнир!

Чаще вспоминать!

Первая половина турнира претендентов на первенство мира будет происходить на курорте Блед. В этом красивом месте в 1931 году состоялся крупный турнир с 14 участниками. Тогда чемпион мира А. Алехин показал экстракласс и добился совершенно потрясающего спортивного результата. Из 26 партий в двух кругах покойный чемпион мира не проиграл ни одной и набрал 20,5 очка. Опередил второго призера, Е. Боголюбова, на 5,5 очка!

Если теперь кому-нибудь из участников удастся набрать 20,5 очка даже из 28 партий, то это, несомненно, более чем достаточно для первого места. Так или иначе, участники турнира должны почаще вспоминать про А. Алехина!

Губернатор и турнир

Из прошлого русских шахмат

Представьте себе, что вы хотите принять участие в шахматном турнире. Такую задачу решить очень просто: любители шахмат есть у нас повсюду, желающие сыграть всегда найдутся.

Но в истории наших шахмат были и такие времена, когда любителям надо было долго добиваться разрешения встретиться за шахматной доской. Вот о таком случае, происшедшем на курорте вблизи Риги, рассказал в чигоринском «Шахматном вестнике» (№ 4, 1885 г.) один из подписчиков этого журнала:

«В конце июня мне пришла в голову мысль устроить шахматный турнир. Я думал: народу сюда стекается летом до 15 тысяч с разных концов России. Неужели же не найдется в такой массе 5—6 шахматистов, которые пожелали бы принять участие в турнире?

Получив согласие еще от трех любителей, я написал условия турнира и уже намеревался повесить нарисованное огромными буквами объявление на видном месте в концертном зале. Но тут вышла заминка. Чтобы повесить объявление, надо было спросить разрешение у здешнего начальства.

Когда я пришел в контору и показал объявление и условия предполагаемого турнира, на меня посмотрели очень подозрительно. Вероятно, слово «турнир» показалось непонятным, и ожидаемого разрешения я не получил. Меня просили обождать несколько дней, пока начальство спешно обратится к губернатору, а если последний признает необходимым, то и к генерал-губернатору. И чем более старался я объяснить всю невинность и полную благонадежность предполагаемой забавы, тем несговорчивее становилось начальство и тем сильнее возбуждалось в нем подозрение как ко мне лично, так и к просимому мною «турниру».

На другой день встречаю одного старого знакомого, которого не видел около 12 лет.

«Скажите, пожалуйста,— обратился он ко мне вслед за обычными выражениями приветствий,— это вы устраиваете какой-то турнир? Объясните, пожалуйста, что это будет за штука?»

Очевидно, его просили прозондировать меня насчет сомнительной забавы. Я понял это и постарался объяснить дело как можно яснее и подробнее. Казалось, что он понял и был вполне удовлетворен. Я успокоился, полагая, что теперь разрешение последует очень скоро. Не тут-то было.

Прошло две недели, а объявление еще вывешено не было. И лишь после того, как я явился по начальству и пообещал немедленно послать телеграмму к губернатору с жалобой, мне наконец разрешено было вывесить объявление».

Итак, скромное предложение провести шахматный турнир вызвало настоящий полицейский переполох. Да, непросто было играть в шахматы во времена Чигорина!

М. ЮДОВИЧ,
международный мастер

О ВКУСАХ СПОРЯТ...

Как приятно быть победителем партии, признанной красивейшей в турнире! Кроме всегда нужного очка, получаешь признание «специалиста по комбинациям» и в придачу вещественное доказательство своего таланта...

Но зато вдвойне досадно, когда после ненужного нуля, после ряда жертв, которые приходится скрепя сердце принять, получаешь эффектный мат и растерянно слушаешь аплодисменты в адрес партнера. При этом — странное дело! — понятия о красоте в шахматах у победителя и побежденного почти никогда не совпадают...

На турнире гроссмейстеров в Петербурге в 1914 году первый приз за красивейшую партию был присужден Капабланке, выигравшему у Бернштейна. Побежденный обрушился в печати на судей, доказывая, что они «не являются первоклассными маэстро» (впоследствии он в печати же принес им свои извинения), что комбинация Капабланки «самая что ни на есть ординарная», и т. д. Раздражение Бернштейна усиливалось тем, что за три года до этого, на международном турнире в Сан-Себастьяне 1911 года, он потерпел сокрушительное поражение от того же Капабланки (кстати, он был против того, чтобы Капабланку допустили к турниру), причем партия также была отмечена призом за красоту. Редчайшее совпадение!

Второй приз за красоту на петербургском турнире получил Тарраш за победу над Нимцовичем. Тарраш тоже не был доволен и счел себя обиженным. Ему хотелось получить первый приз. Тарраш не постеснялся заявить в печати, что известный английский гроссмейстер Берн (бывший председателем жюри) «ценит красоту партии лишь по толщине пожертвованной фигуры».

Но если можно иметь разные точки зрения на красоту той или иной партии, то обязательным условием для присуждения приза должна быть п р а в и л ь н о с т ь комбинации. Но и здесь случались просчеты, объясняемые, очевидно, сильным воздействием внешне красивой комбинации, оставшейся к тому же неопровергнутой и приведшей к победе.

Полвека назад, на петербургском международном турнире памяти М. И. Чигорина, в партии Шлехтер—Сальве создалась следующая позиция.



Приводим продолжение партии с комментариями тогдашнего чемпиона мира Эм. Ласкера.

«22. d4 : e5

Изящная жертва, доставляющая белым выгоду как в случае принятия ее, так и при отказе. Если 22... de, то 23. Ле — a1 Л : a6 24. Л : a6 Cc8 25. Фd6.

22. ... Лa8 : a6
23. e5 : f6 g7 : f6
24. Ke3—d5 ...

«Гвоздь» комбинации. Если бы слон e6 стоял на c8 или d7, то последовало бы 24... K : d5 и Kpg7, и черные могли бы отбить нападение.

24... Ce6 : d5
25. e4 : d5 Kpg8—g7
26. Kf3—h4 Лf8—e8

Для защиты от угрозы Л : e7.

27. h2—h3 Фc7—d8
28. Лe1—e3 Ke7—g6

Черные рассчитывают на 29. Лg3 Лa1+ 30. Kph2 Лee1 31. Kf5+ Kpf8, и им удается ускользнуть.

29. Kd4 — f5 + Kpg7—f8
30. Лe3 — e6! ...

Тонкий ход.

30... Лe8 : e6
31. d5 : e6 d6—d5
32. Фd2 : h6 + Kpf8—e8
33. e6 : f7 + Kpe8 : f7
34. Фh6 — h7 + Kpf7—e6
35. Фh7 : g6 Лa6 — a2
36. b2—b4 c5 : b4
37. Kf5 — d4 + Kpe6 — d7
38. Cc2 — f5 + черные сдались.

Эта партия увенчана комитетом первым призом за красоту».

Несомненно, переигрывая эту партию, столь высоко оцененную Ласкером, читатели получат немалое удовольствие и, пожалуй, присоединятся к мнению турнирного комитета.

И все же присуждение приза этой партии было ошибочным, так как комбинация Шлехтера неправильна. Вернемся к положению диаграммы. После 22. d4 : e5 черные должны были сыграть не 22... Лa8 : a6, а 22... Kf6 : e4!, добиваясь материального преимущества в безопасной позиции.

Если бы Сальве вовремя нашел хитрый ход 22... K : e4, то Шлехтер лишился бы не только приза за красоту, но и целого очка.

А. ИГЛИЦКИЙ

Материал, защищенный авторским правом

Город на рассвете



Гремячая башня XVI века.

Н. ХРАБРОВА

Фото А. УЗЛЯНА.

Подъезжая к Пскову, ничего особенного не увидишь: небольшие деревянные домики окраин, широкое серебряное полотно реки, белый куб высокого собора да вокзал...

И кажется, что Псков, гордый город, повернулся спиной к тем, кто хочет посмотреть на него проездом, из окна вагона. Зато тех, кто пришел сюда — пусть ненадолго — в гости, он порадует многим.

Там, где война, казалось бы, безвозвратно уничтожила все созданное человеком, тянутся прямые улицы с асфальтом, чистым, как паркет в хорошем доме; поднимаются ввысь просторные большие дома.

Завернув с улицы на площадь, вы видите на невысоком открытом холме замечательное творение зодчих XV века — церковь Василия на Горке. Как и в других псковских церквах, здесь в алтарных апсидах вместо окон бойницы; в подвалах хранилось оружие и «пушечное зелье» — порох. Какая гармоничная простота в архитектуре! Единственное украшение — это каменный орнамент на верху барабана и на апсидах, скромный, как мережка на льняном полотенце.

Можно долго ходить по городу, встречаясь с древнепсковскими созданиями безымянных «мастеров каменных дел». Вот церковь Иоанна Предтечи конца XII — начала XIII века, храмы Николы с Усохи, Косьмы и Дамиана с Примостья. Успенья Пароменского... Поганкины Палаты, Солодежня, в которой ставили солод и варили брагу. Могучие пояса крепостных стен, башни... Уютная и приветливая псковская старина, словно только что вышедшая из доброй сказки, по-соседски уживается с нами. Псков устоял от иноземных влияний благодаря отдаленному местоположению своему и строптивому характеру граждан, не желавших никому подчиняться: ни разноплеменным чужим воинствам, ни строгому новгородскому духовенству, ни прижимистым московским князьям, ни каноническим иконописцам; даже фрески в старых монастырях расписаны по-своему: остроумно, весело, с иронией.

Кто же сохранил до наших дней псковскую старину?

— Реставрация в Пскове всегда шла понемножку,— рассказывает нам архитектор Борис Степанович Скобельцин. — И всегда это было уделом лишь любителей старины. Ведь люди только тем и занимались, что измеряли да описывали псковские памятники. Большое спасибо им! Теперь при реставрационных работах нам не обойтись без чертежей XVII века, без альбома И. Ф. Годовикова и описаний Г. К. Евлентьева и Ф. А. Ушанова, живших в прошлом столетии. До революции Псковское археологическое общество не располагало ничем, кроме пожертвований. А ныне только по семилетнему плану двенадцать с половиной миллионов рублей предназначено на реставрацию Псковского кремля, да, кроме того, ежегодно около двух миллионов рублей отпускается на реставрацию и ремонт остальных памятников города!

Реставраторы работают увлеченно, со страстью. Московский архитектор А. И. Хамцов восстанавливает кремлевские стены и башни. Б. С. Скобельцин — примыкающую к Кремлю часть стены Окольного города. В. П. Смирнов два раза строил Покровскую башню: первый раз у себя в мастерской — огромный макет из гипса — и второй раз — в натуре, очищая от земли, которой она была засыпана по приказанию Петра — под бастион. Так и стояла башня до наших дней под землей на берегу реки Великой. Но вот скоро жители Пскова увидят ее снова нарядной и могучей.

Мы познакомились с каменщиками-реставраторами В. М. Герасимовым и П. С. Товаровым, с рабочими их бригад. Нелегка их работа, что поделаешь: ведь не станешь класть башню из бетонных блоков или силикатного кирпича! И вот вручную, молотком, как когда-то в давние годы, обтесывают мастера глыбы серого бутового камня и кладку ведут самыми прадедовскими способами.

Реставрацией памятников старины далеко не исчерпываются все строительные работы в Пскове. Самое главное, как и в любом нашем городе,— это новостройки. Вырастают новые дома, появляются новые улицы, кварталы. В этой семилетке предприятия Пскова будут производить льнообрабатывающие машины и электромоторы, телефонную аппаратуру и холодильные аппараты, радиодетали и брошюровальные машины. И вырастет город за ближайшие семь лет ровно настолько же, насколько вырос за послевоенные годы!

Уезжая, я прощаюсь с Псковом на грани ночи и дня. Вот уже родились первые лучи, розовеет стена Окольного города, а за нею — блоки новостроек и белые стены памятников. Рыбаки заселили берега рек. И там, внизу, в слиянии вод, тоже, кажется, поселилась вся эта отраженная красота...

Доброго дня тебе, Псков, город на рассвете!



В гостях у архитектора В. П. Смирнова библиограф С. А. Цвылев, составивший обширную картотеку об архитектурных памятниках Пскова.



У западной стены Кремля найден запас каменных ядер для катапульты.

Старший научный сотрудник Эрмитажа В. Д. Белецкий на реставрационных работах в Псковском кремле.



Материал, защищенный авторским правом





← С хлебом на элеватор.

В ХЛЕБАХ

Василий ТИТОВ Фото Б. КУЗЬМИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

Хлеба, хлеба, хлеба... Куда ни кинь взгляд — всюду хлеба. И как хороши они, хлеба колхозного поля!

Хороши и в тихий ночной час, когда над ними высоко в небе идет дозором ясный и полный месяц и льет и плещет на них свое расплавленное серебро; хороши и в ранний рассветный час, когда ни души еще на дорогах, когда пыль улежалась и не пылят степные стежки, когда в поле бродит еще прохлада, а в небе уже висит на нескончаемой своей песенке первый жаворонок. Хороши тогда хлеба!

А еще лучше хлеба в жаркий полдень, когда по ясному, без единого облачка небу само солнце идет самой высокой летней своей дорогой и прыщет на все золото каленых лучей. Тогда бреди не спеша какой-нибудь долгой тропою километр за километром через неоглядные гоны, отделенные друг от друга утомленными от зноя дубравами и лесистыми овражками, и издалека будет видно, как стоят всюду высокие, усатые, словно гвардейцы на смотру, золотые стебли. Стройны, ладны, чисты, только разве где-нибудь на проплешинке малой или на вымочке ничтожной мелькнет среди стеблей голубой огонек случайного василька. И вдруг, — разом почувствуешь это и разгоряченным лицом, и обнаженной шеей, и тяжелыми от зноя руками,— как откуда-то с высоты безоблачного неба упадет на тихие эти хлеба просторный, тугой, словно его в парус набрали, степной жаркий ветер, и в то же мгновение всколыхивается все это гвардейское усатое войско, с места бросается в атаку на степные голые сырты и увалы и долго штурмует их, переливаясь и перекатываясь неустанной волной-плескуном. Тогда еще отраднее смотреть из поля зреющих хлебов!

...Любо-то любо, да вот как работать в них? Покуда хлеба созревали и не требовали себе машин, хорошо было бродить среди них, слушать перепелиный бой в ячменях, забираться в прогретые солнцем овражистые дубравы, где много пчел и цветов, слушать звон ключей, что бегут из-под белых известняковых плит, и вволю утолять жажду такою чистой и холодной водою, от которой в жаркий полдень и зубы заломит. С Ромашкой Твороговым, моим маленьким рассыпновским другом, у родителей которого я на постой остановился, мы только этим и занимались, покуда рожь еще впрозелень была. С утра, едва мать его Варвара Дмитриевна уйдет на пекарню хлебы печь, отправлялись мы с ним по хозяйству колхоза да и пропадали дотемна в расплескавшихся вокруг зеленым морем полях. Хозяйство рассыпновского колхоза «Вперед к коммунизму» немалое. А теперь, когда уже вызолотились ржаные гоны, светлая охра легла на пшеницу, выбелился слегка длинноусый ячмень,—нам стало не до походов.

Еще несколько дней назад, к полночи, когда над станицей Рассыпной стоял ясный месяц и светил так далеко, как может светить месяц только над просторной оренбургской степью, собрались возле большой механической мастерской хлеборобы колхоза, и к собравшимся председатель Владимир Михайлович Беляков речь держал.

— Ну вот,— сказал он,— дождались мы, товарищи, и еще нового большого хлеба, шестого за последние годы большого урожая. В полях у нас на четыре миллиона рублей одного товарного хлеба стоит. Как убрать и за сколько убрать, мы с вами уже толковали об этом много. Что для нас значит большой хлеб, вы все тоже знаете. Знаю и то, что, не убрав один хлеб, вы думаете уже о другом, потому что в хлебе наша сила. Но еще не совсем с задачами времени идет сейчас наша техника, которую мы имеем. Она нам пока подрезает крылья, ее помехи еще стоят у нас на пути к большому хлебу и поперек дум о большом хозяйстве. Ну, а теперь что же, товарищи, все ясно: заводи моторы.

В эту ночь никто не спал в Рассыпной. К калиткам, к порожкам выходили люди, подолгу смотрели, как двигались на прицепах широкие лафетные жатки, как тащились за ними, погромыхивая на неровностях почвы, размашистые, тяжелые, старые комбайны, как впереди катилась новая самоходная машина, о которой люди говорили «чудо», «умница», «лебедь», и поглядывали из-под руки за Урал, где широко, за самым краем неба, полыхали долгие зарницы. Они любовались ими, повторяя: «Хлеба, хлеба в полях зреют, зарницы рожь золотят».

Я шел в поля на стан за старым фургоном-вагончиком, его волочил по дороге тяжелый трактор, шел и вел разговор с бригадиром, бывалым механизатором Никифором Романовичем Китовым, что лет двадцать подряд проработал то трактористом, то комбайнером, то инструктором по технике в бывшей Рассыпновской МТС. Я спрашивал его:

— Как понять слова председателя Белякова о том, что техника, которую имеет хозяйство, — помеха вам на пути к большому хлебу, к большому хозяйству, какое в них содержание?

— А вот побудете у нас в полях, лучше разгадаете это содержание,— уклончиво отвечал мне Никифор Романович.

А полевод Евтей Иванович Камышанов советовал:

— Начните вы со старых комбайнов «С-6», когда они на подборку валков пойдут, поглядите, как работают, потом пересядьте на лафетную жатку, а затем загляните на наш машинный двор — это все прояснит слова Белякова.

«Загадали загадку»,— размышлял я, шагая за ними.

И вот уже разбрелись по полям машины и люди, и тихо стало в Рассыпной. И вот уже стрекотом лафетных жаток оглашены поля — то рожь косят и кладут в высокие валки дозревать. На одной из этих жаток вдоль долгого гона сейчас трясусь и я. С утра разлучился я с моим маленьким другом Ромашкой: ушел он на дальнее поле к Григорию Степановичу Коваленко смотреть, как работает новая машина — самоходный комбайн «СК-3», а я упросил Николая Барабанова уступить мне место на жатке, уселся на ней какое-то рискованное сиденье лицом прямо к ножам и мотовилу и вот не сижу, а скачу на этом сиденье, только рукою стараюсь держать рычаг подъема и опускания ножей, что стригут сейчас стебли над самой землею. Сиденье это укреплено на стальном зыбком держаке, как плохое воронье гнездо на вершине лозины, над самой режущей частью машины, и, чтобы не слететь с него, надо запирать это сиденье на животе седока простым длинным крючком из толстой проволоки. Одно неосторожное движение — и крючок выскакивает из ушка. А тогда? Я застегиваю покрепче это злополучное приспособление, скачу дальше вдоль высокой, волнующейся стены хлеба и думаю: какая нужна виртуозность седока, знание капризов хотя бы только одного этого сиденья, чтобы так, как на хворостинке, скакать и трястись весь световой день по полю да скашивать десятки гектаров густой ржи, как это делает Николай Барабанов! Мотовило так и шумит, так и хлещет, наклоняя стебли к ножам. Когда жатка заходит против солнца, видишь, как рожь становится сразу цвета красного янтаря. И тогда кажется, что машина не стебли режет, а колет и кладет пласты драгоценной «морской смолы» в нескончаемый, пахнущий молодым зерном валок.

— Ну, как машина? — кричит мне Николай Барабанов с подкрылья позади жатки, где он на чем-то устроился и так стоит там уже который гон.

— А ничего,— отвечаю,— уходистая, убористая, а работать на ней трудно. Особенно вот это сиденье — душу вытряхивает.

— Сиденье — это еще ничего,—

Материал, защищенный авторским правом

кричит в ответ Николай,— ремнем привязаться можно, хоть все равно к вечеру от тряски голова, как лукошко, пуста! А вот что плохо: все будто на скорую руку сработано, ломается часто. И это полбеды. А беда в том, что скоро придется сдать их на слом.

Но подходит крутой поворот, я соскакиваю с сиденья, Николай садится на жатку сам, и «Натик» круто разворачивает ее вправо по гону. Я не успеваю спросить его, почему скоро придется сдавать на слом жатки, а только припоминаю, что вчера такое же слышал и о старых комбайнах «С-6».

Что же, они стары, износились, что ли? С этими думами иду через хлеба на дальнее поле, где работает новая самоходная машина — комбайн «СК-3». Мне хочется посмотреть на этого «лебедя», о котором говорят в полях сейчас много. Приладил к нему где-то высоко над хедером комбайнер Григорий Степанович Коваленко дополнительный мостик, сидит сейчас на этом мостике дотошный, любознательный Ромашка, глядит, как сокол-пустельга, трепеща крыльями, висит над машиной и как он бьет добычу, когда взлетает с треском из-под мотовила или с валка огненная кобылка или зеленый кузнечик-трескунок.

Взобрался и я на этот мостик рядом со штурвальным, уселся подле Ромашки, дивуюсь: ну что же, хороша машина! Какой хлебище — невпроворот! А она хоть бы что — режет стебель под самый нижний узел и хлещет волною спелую рожь в валок. Ни трактора ей не нужно, ни людей,— всего и есть-то на ней один водитель, что только зорко вдоль гона глядит да нет-нет штурвал чуть поворачивает.

Я к Коваленко со своим недоуменным вопросом:

— А скажите, Григорий Степанович, что это говорят у вас люди: старые прицепные комбайны и жатки скоро на слом?

— А куда же их,— отвечает от штурвала, не напрягая голоса, мне Коваленко,— конечно, на слом.

И, видимо, заметив на моем лице недоумение еще бóльшее, продолжает:

— Ведь ни старого типа прицепных комбайнов, ни лафетных жаток выпускать больше не будут. В строй вошла вот эта отличная самоходная машина. Хоть и хорошо и много поработали старые комбайны на полях, а хвалить их нечего. У нас их в хозяйстве семнадцать штук. При них семнадцать гусеничных тракторов, семнадцать трактористов, семнадцать комбайнеров, тридцать четыре помощника при них. Одного горючего не напасешься. Трактору дай горючего, комбайну дай еще и бензину для его личного мотора. А у этой машины все при себе, и я на ней один голова. Но я вам вот что скажу: что-то выпуск машин новых конструкций начинает путать нам колхозные дела.

И Коваленко резко поворачивается ко мне:

— Нам вот сейчас нужно зябь пахать, думать о новом хлебе. Хотели для этого подкупить тракторов,— не дождэться же, когда наши из-под комбайнов освободятся! Для нас поле сейчас вспахать — значит сберечь влагу, получить на будущий год хороший хлеб. Тракторов у нас недостаток, но нам их не дают, говорят, ждите самоходных комбайнов, свои тракторы освободятся. А когда дадут нам новые комбайны, тоже неизвестно.

Я сижу на мостике, слушаю Григория Степановича, слежу, как он ровно ведет машину вдоль гона, а он продолжает:

— В самом деле, кто тут виноват? Наша ли промышленность, что не может дать колхозам тракторов столько, сколько нужно, или наши конструкторы, что лет двадцать держали сельское хозяйство на прицепном комбайне? А ведь идея-то самоходного комбайна не нова. Над нею и раньше работали. И еще есть одна беда: за последние годы у нас много выпускают таких машин, которые быстро стареют. Давно ли была выпущена лафетная жатка, а теперь она уже не нужна. Всего два года назад был выпущен комбайн «Ростсельмаш, восемь», а у нас эта машина стоит на дворе в бездействии. Перестали ее выпускать, ну и запасных частей к ней не делают. А за все заплачены деньги. И за все будущие машины надо платить. А деньги-то нам нужны на другие нужды.

Теперь я начинаю понимать слова, сказанные Беляковым перед выходом в поле. Разумеется, непроизводительная трата средств на дорогие, быстро стареющие машины—препона на пути к большому хозяйству. Недостаток хороших и нужных машин тоже помеха на пути к большому хлебу. Как быть?

И, словно угадывая эти мои мысли, Коваленко опять поворачивается ко мне и говорит:

— Никита Сергеевич Хрущев как-то в одном из своих выступлений о хлебе говорил, что придет такое время, когда государство будет покупать хлеб там, в тех районах, где он дешевле стоит. А почему бы не построить промышленность, что выпускает машины для нас, так, чтобы она давала нам только те машины, которые нам нужны, и разрешить покупать нам их там, где они лучше сработаны и дешевле стоят? Да и заменять их в хозяйстве нашем нужно не кампанейски — за год, за два, а постепенно, в силу их износа. Но и это еще не все.

А «лебедь» наш все плывет вдоль гона, и так и колет, так и кладет в пласты янтарь колышущейся ржи. И не удержался Григорий Степанович. Выбрал гон позрелее и посуше да и включил молотильный аппарат. Напрягся, почувствовал полную нагрузку комбайн, загудел мотором? Да нет же! Как шел легко, так легко и пошел дальше. Чуть перегрузка колосового аппарата — звонок, и на табло на сиденье водителя вспыхивает световой сигнал. Соломокопнитель полон — тоже светит и звонит машина. А не нажал рычага водитель, чтобы сбросить солому,— сбрасывает сам и идет дальше. И много, много еще золотых качеств у этой машины.

— Вот какие машины надо создавать!— говорит Коваленко.— И никому упрека за них не будет.

Позвонил нам комбайн и тогда, когда набрался полон закром зерна. А уже тихие облака-грудни горами опускаются за сыртовые увалы со всеми своими казбеками и эльбрусами. У них сейчас только одни вершины в огне. Еще немного сутемени, и выйдет на середину неба опять полный и ясный месяц. Мы так на завечеревший ток и въезжаем на комбайне. Пробное зерно—не зажинное зерно. Ему чести оказывают мало. Ссыпали в сторонку, прикрыли



В поле на привале председатель колхоза Владимир Михайлович Беляков беседует с механизаторами.

Материал, защищенный авторским правом

соломой, да и за ужин. А Ромашка уже меня в бок толкает, шепчет:

— Пошли. Сейчас самое время. Как выйдет месяц, так они все под него соберутся и будут стоять и смотреть. Хоть на двадцать шагов к ним подходи.

Это он зовет в поле к Медвежьей вершине, на солонцы, смотреть дудаков — великолепных дроф, которых здесь еще немало водится и которые еще стадами живут среди степных пустырей.

Месяц вышел, плеснул на вершины сыртов серебра, поднялся выше и еще плеснул, и вот уже опять вся степь под его властью. Мы с Ромашкой уже на солонце. Глядим и видим: стоят, кучно сбившись, на токовище большие, высокие, диковинные, похожие на страусов птицы и смотрят, смотрят, как зачарованные, в неоглядную даль. Так бы стоять и стоять всю ночь здесь вместе с этими птицами, глядеть в глубину самой ночи и вдыхать полной грудью могучий и здоровый воздух, напоенный ароматом хлебных просторов!

...Вот когда все пошло не на дни, а на часы,— когда рожь дошла в валках и подсохла. Вся Рассыпная уже в полях. Сразу три бригады начали подборку валков: и Соколова балка, и Белые ключи, и Суходол. А Коваленко вон косит уже рожь на своем «самоходе» напрямую. То и дело слышишь, как сигналят тракторы на полосах, требуют машин под погрузку.

Давеча утром с первой «бортовкой» прикатил на ток Ромашка на ворохе зерна и закричал восторженно:

— Давай принимай, мужики,— первая, зажинная!

А потом, шепнув мне на ухо, что слышал сейчас во ржах «голоснóго» перепела, который «двенадцать раз бьет», укатил в поле опять на той же машине. То утром было.

А теперь уже время к полудню. Хлеб грудится на току тысячью пудов, чистый, обмолоченный, отвеянный, хоть прямо на мельницу вези. Но нет в этот час в полях председателя колхоза Владимира Михайловича Белякова. Он где-то в районе рыщет сейчас на своем «козле» и «выколачивает» у районных организаций на время пять машин. Пять машин для отвоза хлеба только на тока из-под комбайнов нужны сейчас рассыпновскому хозяйству! А их у колхоза нет. Все свои двенадцать «бортовых» расписаны и раскреплены поминутно за комбайнами. Но всего хлеба в срок с гонов забрать все же нельзя. Оттого и сигналят так часто тракторы в хлебах. Пять машин, пять машин только для отвозки хлеба на тока! А к тому же еще надо вывезти этот сухой и чистый хлеб за сорок километров на элеватор на железную дорогу или за тридцать километров на районный зерносклад! Для этого сейчас нет ни одной свободной машины. Нервничает бригадир-полевод Евтей Иванович Камышанов, нервничает и секретарь партийной организации колхоза Иван Аверьяныч Нуштакин, что прикатил из дальней бригады. А в небе занепогодилось, все на грозу поворачивает.

Парит. С утра, полные сонной одури, садятся на пажити сизые витютни — эти большие дикие полевые голуби — и роются носами во взъерошенном пере. Даже лягушки в копани у Соколовой вершины подняли такой истошный крик, словно на покос собрались, и за версту слышно, как кричат: «Какова трава, какова трава!». Где-то далеко погромыхивает гром. А на току уже не тысяча— две тысячи пудов хлеба высятся золотой пирамидой. Иван Аверьяныч хлопочет возле вороха зерна, собирает свободных людей таскать солому. Толстым слоем ее покрывается ворох хлеба и становится похожим на степную скирду.

В заполдень гроза приходит. Перепоясывает над самой головою небо пульсирующей каленой медью и начинает работать. Повесила над полями непроницаемый занавес водяных струй и катает над степью гулкие глыбы грома. Встали в хлебах машины, исчез запах молодого хлеба и соломы, только запах сырости и воды висит над степью. А председателя на стану все еще нет.

— Плохо! — ворочается Евтей Иванович Камышанов на своей полке под самой крышей фургона-вагончика.

— Плохо,— отвечает ему Никифор Романович Китов от мутного, залитого потоками воды окошечка, возле которого сидит он уже с начала грозы и курит сердито одну за другой свои самокрутки.

А мы с Иваном Аверьянычем сидим у порожка, смотрим, как в черной обложной туче круто гнутся каленые молнии, и ведем беседу. И снова о машинах.

— Купим ли мы себе теперь новые тракторы или новые самоходные комбайны,— это дела не меняет: придется вновь тратиться. Без экономии колхозной копейки нам не выйти к большому хозяйству, не сделать и большого хлеба. Наш колхоз «Вперед к коммунизму» долго и трудно пробивался к нему. До решения сентябрьского Пленума ЦК партии и пути нащупать не могли. Причин для этого было много. Главная из них та, что на наш глубинный массив земли, что залег на правом берегу Урала, равно как и на многие другие районы Оренбургской области, смотрели так: этоде, мол, исстари сложившийся животноводческий район. Но животноводство здесь никогда не играло ведущей роли в хозяйстве, какую имело оно, ну хотя бы, скажем, в сибирской Барабинской степи. Испокон веков у нас хлеба пахали мало, а на сыртовых равнинах, в долинах пасли малорослый скот, доили малоудойных коров, били масло. Сухих выпасов с плохими травами у нас здесь было достаточно, но выпасы-то были малотравны, и распахивать их не решались: де-мол, нечем будет кормить скотину. Правда, в годы после коллективизации здесь, в этом массиве на правом берегу Урала, было много распахано целинных, бывших выпасных земель. Но до конца повернуть колхозы этой части Оренбургской области на хлеб никто не решался. Из года в год укоренялась одна и та же боязнь, что распашка пастбищных земель поведет к уменьшению площадей выпасов и степных сенокосов. А тогда будет невозможно содержать строго положенное количество скота. Испытывало это и наше хозяйство. А в те годы нам казалось, что мы уже достигли своего «потолка». Не ошибусь, если скажу, что тогда из двадцати четырех тысяч гектаров наших угодий у нас едва одна треть была под хлебом.

Ну вот,— продолжает Иван Аверьяныч, прислушиваясь к шуму дождя и рокоту грома,— новые веяния принесли в колхозы решения сентябрьского Пленума. Встал перед колхозами на Урале вопрос и о том, как жить дальше, как дальше вести свои небогатые хозяйства. Вот тогда мы и повернули все на большой хлеб, на распашку новых площадей. А через большой хлеб нашли путь и к кормам: сеем на сено и рожь, освоили на силос и кукурузу. Кормá у нас в колхозе уже не проблема. Надежно стало и в полях. И много уже завели мы такого, чего у нас не было. И машины, и электричество, и клуб уже есть. Много хороших людей в хозяйстве. Всем этим и хвастаться теперь не нужно. Но не на этом же нам останавливаться? А с животноводством у нас все еще неважно. На одиннадцать тысяч гектаров пахотной и тринадцать тысяч непахотной земли мы всего успели завести двести шестьдесят дойных коров. А могли бы увеличить число дойных коров и завести большое стадо мясного скота. Но у нас по-прежнему плохи скотоводческие помещения. Нет еще артезианских скважин, автопоилок, ни одной силосной башни. Думаем о строительных материалах, о кирпичном заводе, о строительстве жилищ. На все это нужны деньги. А деньги у нас в хлебе. Вот все это мы и называем «большой хлеб». Через него путь и к большому хозяйству. А хлеб-то наш, вот он, еще на току.

Иван Аверьяныч всматривается в мутную даль, где метутся метелки дождя по неубывающим лужам, почесывает переносицу и продолжает:

— Ну, а чтобы вывезти хлеб, у нас нет грузовиков, и нам их не продают. А греха таить нечего, сколько мы хлеба погубили в прошлые годы по этой причине! И сейчас мы не уверены, что вывезем весь урожай в закрома. Давеча утром поехал я в Илек, в наш районный центр, на зерносклад, узнать, как идет там прием зерна. Приехал, спрашиваю: «Есть ли еще места в закромах?» «Покуда есть»,— отвечают. «А как не будет?» «Будете ждать, покуда разгрузят нас». «А если скоро не разгрузят?» «У вас полежит». «Как же это так?» — спрашиваю. «Да так,— говорят,—недавно еще весь район и миллиона пудов хлеба не сдавал ни в одну осень, а в нынешнюю, наверно, миллиона два с лишним принять придется. А емкости все те же». Получается как-то нехорошо: с одной стороны, размах неудержимый, оправданный, с другой стороны, препоны, мешающие размаху. Нам все же думается так: раз мы нацелены на возрастающий подъем колхозного хозяйства и возможности у нас к этому есть, то давайте жить на вырост и делать так, чтобы и зерноскладов, и автомобилей, и холодильников для молока и мяса было везде в достатке и с машинами не мудрить так, чтобы их каждогодно менять. Машины, они в большую копеечку колхозам обходятся.

Иван Аверьяныч встает с порожка, идет в вагончик, садится на скамью, над которой висит плакат «Колос — пуд бережет», и всматривается через окошечко в степную даль.

— Вот они какие, помехи для нас на пути к большому хлебу и к большому хозяйству!..

...На исходе второго часа этой мокрой «купели» сквозь сетку дождя над полем прорывается гул моторов. Разбрызгивая лужи, тяжело проворачивая облипшие соломой и грязью колеса, подкатывает к стану с десяток грузовиков. Из кузова первой машины вылезает взъерошенный, помятый, словно ночь не спал, председатель. Он распределяет прибывшие разномарочные машины по бригадам, оставляет четыре на стану, а сам садится на головную машину и с остальными уезжает на Суходол, на Белые ключи, на Половинный хутор. Там тоже хлеб, там тоже ждут: пригонит ли?

С вороха снимают солому, стелют ее вокруг, сыплют на нее подмоченное зерно, и Иван Аверьяныч уже командует:

— Грузи — и в Илек. Все равно сегодня не работать в поле.

И вот уже скрипят транспортеры, и постукивает движок возле них, и сыплется зерно в машины. И первая из них трогается в путь враскачку, как бы нехотя. А потом берет скорость и скрывается в полях за увалами.

Когда опускаешь руку по локоть в глубь вороха, там зерно лежит сухое и пахучее. А то зерно, что лежит на соломе, его в ночь обдует ветерком, днем обсушит солнышко, оно тоже пойдет в ход.

— Как, Роман, обдует за ночь мокрое-то зерно? — спрашиваю моего юного друга, что в грозу где-то под комбайном просидел, а теперь прибежал на стан вместе с другими.

— Обдует, обдует,— отвечает он,— непременно обдует. Вот и месяц из-за сырта встает. И хлеб опять колыхается. К вёдру!

А у самого так и слипаются глаза, так и хочется спать Ромашке. Я ухожу в мокрые поля один, чтобы додумать то, о чем говорят люди сейчас. Вопросы все серьезные, трудные. Вряд ли они тревожат одних только хлеборобов рассыпновских полей.

А поля уже отряхают с себя тяжкую влагу дождя и начинают по-прежнему пахнуть и хлебом, и соломой, и дымком походной кухни с полевого стана.

— Вот какие машины надо создавать! — говорит комбайнер Григорий Степанович Коваленко, работающий на новом комбайне «СК-3».



Материал, защищенный авторским правом

В. Диков. НА СУББОТНИКЕ. 19-й ГОД.

А. Алексеев. БРАТСКАЯ НАЧИНАЕТСЯ.

Материал, защищенный авторским правом



Л. Астафьев. УТРО СИБИРИ.



В. Хваленский. ВЫШИВАЛЬЩИЦЫ.

Н. Кузнецов. НА ЦЕЛИНУ.

Материал, защищенный авторским правом

ПОЭТЫ КАРЕЛИИ

ВЕЧЕР

Тобиас ГУТТАРИ

Небо горит, как огромный костер,
Море подернуто синью.
Перед глазами широкий простор,
Ветром всклокоченный сильно.

Снова уходят в поход корабли,
В дымке вечерней белея,
Чтоб, обогнув половину земли,
В порт возвратиться скорее.

Я в вышину
Восхищенно взгляну
И над бушующим валом
Мысленно
Нашу большую страну
Вижу за вымпелом малым.

НА ОЗЕРЕ КУЙТО

Яков РУГОЕВ

Берег озерный чудесен!
И весь он
Солнцем пропитан, уступчат и крут.
Сердцу в груди стало тесно от песен,
Весел и праздничен будничный труд.

Спойте мне, волны, встающие круто,
Как завоеванной жизни заря
Над берегами родимыми Куйто
Мрак разогнала в дни Октября.

Дружно карелы берутся за дело,
Валят деревья и пашут поля.
Как удивительно помолодела
Древней моей Калевалы земля!

Перевод с финского.

РАЗДУМЬЕ

Нина ОСТРОВСКАЯ

Я иду в очень трудный и дальний маршрут.
В скалах дремлют снега и грохочет волна.
И геологи нынче со мной не пойдут:
Я должна в этот путь отправляться одна.

Я много пути для себя не ждала,
Не искала окольных и легких дорог.
Вот лежит он—тугой и прямой, как стрела,—
Через радость побед, через горечь тревог,

Через мрак неудач, через все тупики,
Что в исканьях на каждом шагу стерегут.
Где-то там, у далекой и светлой реки,
Залегает руда. Ее словом зовут.

Очень страшно шагать высотой на виду —
Не дойти, не найти, возвратиться назад,
Поскользнуться на гладком подтаявшем льду
Очень горько... Но нам ли бояться преград?

Путь лежит через горы нацеленно прям,
Есть кому поддержать или крикнуть:
«Постой!».
По таким же нелегким, неторным путям
Где-то рядом другие шагают со мной.

Пусть хребты высоки. Пусть у всех на виду
Я отныне иду по уступам седым,—
Я найду эту звонкую радость — руду!
Нам искать ее надо сейчас, молодым!

Пока силы есть в сердце и воля крепка,
Я ищу, продолжая геолога труд.
Будь же звонок и верен, удар молотка,
Будь счастливым, далекий маршрут!..

ДЕВЧОНКА

М. ТАРАСОВ

На зверя косматого глянул в тревоге
Глазок измерителя с длинной треноги,
И тишь перестала быть доброй и гордой
И стала, как вопль, обеззвученный в горле.

Пробито навылет лесное безмолвье
Клинками из глаз вылетающих молний,
Безмолвье, упавшее навзничь на заросль,
Никто не рискнет потревожить, казалось.

И только молчавшая долго двустволка
Сказала два огненных слова и смолкла.
И гулко, как будто в пустующих чанах,
Аукнулось эхо в карьерах песчаных.

И вновь тишина до того ощутима,
Как елок игольчатая щетина,
И вновь тишина обретает величье,
Мгновенье — и примет царевны обличье.

Но нет! Отметая волшебную ересь,
Девчонка прикладом раздвинула вереск.
На поясе — медный оскал патронташа,
А ворох волос будто ржою окрашен.

И веришь: она не из сказки, девчушка,—
Ей сказка прислуживает на побегушках,
Ей стоит лишь взгляд повелительный
бросить —
И скрестятся копья стремительных просек.

И камни птенцами взлетят из гнездовий,
Не чувствуя тяжести многопудовой,
Свод неба столбы подопрут, как крепленья,
Дрожа от высокого напряженья.

Вот так непременно и будет когда-то,
А нынче девчонке одной страшновато.
Медвежьи глаза неподвижны и хрупки,
Как стеклышки линз в измерительной трубке.

Писатели и книги

Моим советским друзьям

Тур ХЕЙЕРДАЛ



Я недавно узнал, что моя последняя книга «Аку-аку» издана в России; в связи с этим посылаю сердечный привет всем моим незнакомым друзьям, читателям журнала «Огонек». Я надеюсь, что им понравится моя новая книга о загадочном острове Пасхи так же, как им понравилось «Путешествие на «Кон-Тики».

В последнее время я пишу сугубо научную книгу в двух томах об археологических открытиях моей экспедиции, сделанных на острове Пасхи и островах Восточной Полинезии. Мы пришли к выводу, что доисторический человек открыл и обосновался на уединенном острове Пасхи за 300 лет до нашей эры. Мы также открыли, что до европейцев, прибывших туда в 1722 году, на острове Пасхи процветали три различных культуры. Только третья из них, и последняя, была чисто полинезийской, в то время как первая и, возможно, вторая культуры берут свое начало от древней цивилизации Южной Америки. В наших раскопках мы обнаружили, что все гигантские статуи, которыми так прославился остров Пасхи, были созданы в эпоху второй культуры. Статуи первой эпохи очень отличались от них своими гораздо меньшими размерами и связаны, очевидно, с доинковскими статуями древней Боливии и Перу. В настоящее время вместе с другими учеными, которые были со мной в последней экспедиции, я изучаю добытые сведения, которые будут опубликованы этой зимой музеем в Нью-Мехико.

Чтобы обеспечить все условия для работы, я нашел маленькую, заброшенную, полуразрушенную деревеньку средневековых времен в горах Северной Италии. Восстановил старый домик, которому не меньше восьмисот лет, и живу здесь с женой и детьми вдали от телефонов и всяческих тревог. Только изредка выезжаю в Осло, чтобы помочь моему другу по «Кон-Тики», а теперь директору музея «Кон-Тики» Кнуту Хогленду открыть и изучить новые музейные экспонаты с острова Пасхи и Полинезии. Изредка я должен наезжать и в Стокгольм, где кинофирма «Артфильм» обрабатывает и монтирует мой фильм об острове Пасхи. Зрители смогут увидеть киноленту в конце года. Это полнометражный документальный цветной фильм на 35-миллиметровой пленке. Кинофирма «Артфильм» выпускала также мой предыдущий фильм о путешествии на «Кон-Тики», за который мне в 1951 году присудили премию «Оскар» по документальным фильмам.

Я надеюсь, что моя информация удовлетворит журнал «Огонек». Свое письмо мне хотелось бы закончить тем, что, как и все миролюбивые люди земли, я очень обрадован добрыми вестями об обмене визитами между руководителями СССР и США. Чем больше мы будем ездить друг к другу, чем чаще мы будем видеть друг друга, тем меньше будет непонимания, подозрений между народами, тем меньше будет опасность разрушительной войны.

Идущие навстречу

«Труд бесконечен»,— обмолвился между прочим инженер Черкашин, когда его заподозрили в чрезмерном усердии. Эта мимолетная реплика приобретает особый смысл в романе Константина Мурзиди «Гора Орлиная», охватывающем судьбы трех поколений уральских металлургов. Если безгранична созидательная деятельность рабочего класса, значит, нет и предела для его роста. «Все правильно получается,— говорит старик Пологов, обращаясь к Николаю Леонову,— крепнет рабочий класс. Я дальше дяди Кузьмы шагнул, а ты, Кольчик, дальше меня... Не будь этого — и жить бы не стоило!» Вот она, светлая перспектива труда, преобразующего мир!

Веками самодержавие сдерживало творческую энергию людей Урала. Но уже тогда летух Кузьма Родионов гордился, что он, литейщик, держит на своих плечах всю землю.

И вот дети подневольных летухов, углежогов, каталей и рудобоев стали строителями первого государства рабочих и крестьян. Продолжая дело отцов, они пришли в степь к горе Орлиной, чтобы поставить гигант черной металлургии. Партия коммунистов взяла курс на индустриализацию страны.

В городе металла Кремнегорске — будущее мастера Алексея Пологова, главного героя романа. Позже он скажет: «...Мы не просто домну строим, а государство, потому и радуемся...»

Образ Пологова, сына своего времени, живет в романе. В то же время в Пологове угадываются многие черты нашего современника.

Рядом с Пологовым — молодая смена: Николай Леонов и его друзья. Им долго идти по жизни: от первого камня в фундаменте завода до военной страды.

Роман Мурзиди — результат длительного изучения труда, быта, традиций, богатой родословной уральских рабочих. Но, кажется, автор изменяет себе, идет проторенной дорожкой, когда вводит такой «традиционный» для книг о рабочем классе конфликт, как борьба вокруг оснастки суппорта токарного станка. Сколько уж писалось об этом!

— «Гора Орлиная»,— рассказывает автор романа,— начало эпопеи; вторая книга, «У нас на Урале», вышла ранее. Недавно я закончил последнюю часть трилогии, где сходятся уже знакомые читателю герои. Время действия — наши дни.

Замысел большой, сам по себе достойный внимания.

С. НИКОЛАЕВ

Константин Мурзиди. Гора Орлиная. Роман. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1959. 519 стр.



Матери... правом

РОДИМЫЙ КРАЙ



Александр ПРОКОФЬЕВ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Стихи о России

1

Мне о России надо говорить,
Да так, чтоб вслух стихи произносили,
Да так, чтоб захотелось повторить,
Сильнее всех имен сказать: Россия!

Сильнее всех имен произнести,
Сильнее матери, любви сильнее,
И на устах отрадно пронести
К поющим волнам, что вдали синеют.

2

Не раз наедине я был с тобой,
Просил участья, требовал совета,
И ты всегда была моей судьбой,
Моей звездой, неповторимым светом.

Он мне сиял из материнских глаз,
И в грудь вошел, и в кровь мою проник,
И если б он в груди моей погас,
То сердце б разорвалось в тот же миг!



3

Среди долины ровныя...
Из песни.

Сияние небес твоих огромно,
И пусть навеки память сохранит:
Могучий дуб среди долины ровной
Твоей зарей, как лентою, обвит.

И он стоит, величия исполнен,
И смотрит вдаль, и видит дальний путь,
И только шрамы от ударов молний,
Как воину, легли ему на грудь.

4

А сколько молний грудь твою разили!
Не раз, врываясь в дом твой, обнаглев,
Враги кричали: — Кончено с Россией! —
И узнавали твой, Россия, гнев!

Такой испепеляющий и грозный,
Он так неумолимо налетал,
Что если б враг тогда метнулся
к звездам,
Не избежал бы гибели и там!

5

Воротясь обратно из Зазвездья...
Ник. Асеев.

Уже в Зазвездье красный флаг огнистый.
Подвластно все мозолистым рукам.
Идут с открытым сердцем коммунисты.
Любить тебя — их заповедь векам!

Они несут знамена боевые,
Благоговейно осеняют Русь.
Они клялись беречь тебя, Россия,
И я под их знаменами клянусь!

Приглашение к путешествию

Вот она, в сверканье новых дней!
Вы слыхали что-нибудь о ней?
Вы слыхали, как гремит она,
Выбив из любого валуна
Звон и гром, звон и гром?
Вы видали, как своим добром,
Золотом своим и серебром,
Хвастается Ладога моя?
Вы слыхали близко соловья,
На раките, над речной водой?
Вы видали месяц молодой
Низко, низко — просто над волной?
Сам себе не верит: он двойной!
Вы видали Севера красу?
Костянику ели вы в лесу?
Гонобо́ль, чернику, землянику,
Ежевику?
Мяли повилику?
Зверобой, трилистник, медуницу?
Сон снимали сказкой-небылицей,
С глаз сгоняли, как рукой?
Вы стояли над рекой
Луговой, достойной песни?..
Если нет, и если, если
Вы отправитесь в дорогу,—
Пусть стихи мои помогут
К нам прийти, в родимый край...
Так что знайте,
Так что знай...

Чем знаменита Ладога!

Чем знаменита Ладога?
А собственно, водою,
Холодною, крутою,
Прозрачною, седою!

А чем еще?
Болотами,
Цветными берегами,
Да щукой большеротою,
Степенными сигами;

Еще травою донником,
Да резкими ветрами:
Меженцем и шелонником,—
Да блеклыми утрами;

Плакучею, заплаканной
Березой над полями,
Да всякой мелкой птахою:
Стрижами, соловьями;

Да просто перелесками,
Да запросто лугами...
Да сильными советскими,
Широкими шагами,
Что накрепко впечатаны
В мою родную землю!..

...Идут деды́ с внучатами,
Идут деды и внемлют
Своим садам, посаженным
И ждущим совершенства,
Большим шагам — по сажени,—
Своим ветрам-меженцам!..



* * *

Это я прошу иметь в виду,
Все у нас рыбачили в роду:
Бабки, прабабки,
Прадеды, деды
И те, что на лавках
Кучней за обедом!

И те, что по люлькам
Качались, что куклы:
Татьянки, и Юльки,
Да прочая клюква!

А те, что из люльки
Едва выползали,
Свистели в свистульки
И сети вязали!



Марфины и Настины —
Все были
В династии!
В нашем взводе,
В нашей роте,
Наши вроде,
В нашем роде!
В рыбацком роду...
Это я прошу иметь в виду!

* * *

А ловили рыбу мы в роду
Триста шестьдесят пять дней в году!
Держись, братва!
Ерши, плотва,
Ерши, ерши,
Глаза больші,
Остальное — кости...
Приходите, гости!
Так мы жили-поживали,
Хлеб не каждый день жевали,
Так росли упрямые.
И у тех, кого мы знали,
Кто делился с нами снами,
Было то же самое!

* * *

Неясные рассветы,
Неяркий окоем...
Да были ли поэты
В Приладожье моем?

Да, были, и немало,
Они слова вели;
Отсюда запевалы
На все моря прошли.

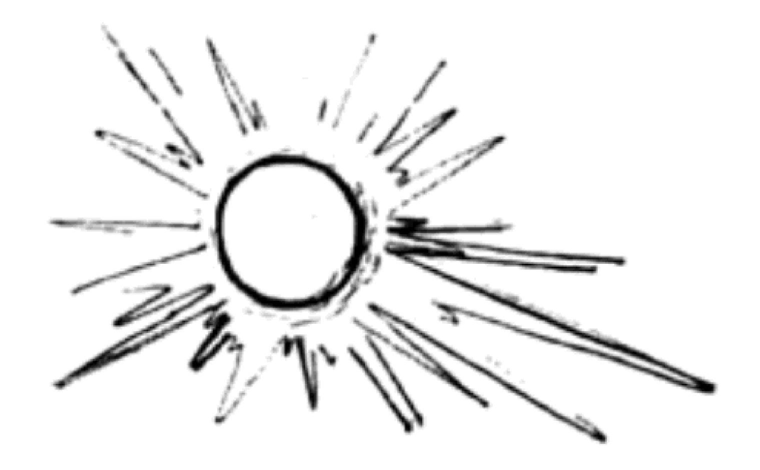
Прошли на океаны
И на́ веки веков
Остались в дальних странах
Распевы моряков.

Они ведь там осели,
Где вышли из груди:
В Тулоне, и в Марселе,
И в Лондоне, поди!

И в Гамбурге, и в Киле...
Где только склянки бьют,
Где есть моря какие,
Там, значит, и поют!

Поют и тут, хоть тресни
Земля под каблуком!
И, может, слово в песне
Поставлено дружком...

Материал, защищенный авторским правом



В совхозе

Были здесь песок да камень,
Горючие, белые,—
Все упрямыми руками
В пашню переделано.

Есть земля тяжелая,
Есть, все знают, легкая.
Эта — береженая,
От работы теплая!

Там, где было плакано,
Охано да ахано,—
Сталинградским трактором
Глубоко запахано.

Сделано по-смелому,
По размаху русскому,
И кочны дебелые
От здоровья хрустнули!

...Ой вы, парни боевые,
Это вас касается,
Вон проходят звеньевые,
Сельские красавицы;

Вон идут — и вьется локон,
И в глазах не олово,
И несут они высоко
Вскруженные головы;

И несут они веселье
И в любовь вторгаются...
...Солнце ходит каруселью,
Всё как полагается!

Утро

— Гори, гори ясно, чтобы не погасло!
Так поют в России, так поют.
Ставит солнце золотое прясло,
Колья кузнецы ему куют.

Колья, жерди, ну еще и вицу
Надо на планету разверстать...
Солнце от рожденья златолицо,
Подмастерья все ему под стать!



Кузнецы работают упорно.
Тучи их обходят стороной.
Золотые искры из-под гóрна
Падают в подол земли родной.

День придет, найдет она им место
По цветам раскинет и по мхам,
Подарит березкам, как невестам,
Подарит дубкам, как женихам!

О такой работе золотые
Надобно и мне найти слова.
Пусть горят, как стружки, запятые,
Знаки восклицанья, как дрова!..

Миг

А, черт возьми! На склоне лето,—
Кричат во ржи перепела...
А, черт!.. Опять девчонка эта
В июльской смуте проплыла.

Не проплыла, а просто мигом
Сбежала к речке под откос.
...А на кого упало иго
Ее тугих, разлетных кос?

* * *

Закат налился темной кровью,
И потемнела бирюза.
Сначала было предгрозовье,
Потом как грянула гроза!

Белым-бело от молний стало,
Совсем исчезла синева,
И засучила, закатала
Гроза по локоть рукава!

И ветер шел, глаза зажмурив,
И низко-низко тучи гнал.
И в нем немало было дури,
А сколько точно, он не знал!

Гроза промчалась, лишь раскаты
Гремели где-то за Невой,
Как будто мчались вихрем сваты
Совсем разбитой мостовой!

Владимиру Маяковскому

...Сидят
папаши.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
попишет
стихи.
В. Маяковский.

Иногда в стихах мы нерадивы;
К рифме и метафоре глухи.
Совершенно правильно,
Владим Владимыч:
Попаши, потом пиши стихи!

У других легко стихов рожденье:
Пишут километрами почти!
Я согласен с вашим утвержденьем,
Это мне легко произнести.

Понимаю, впрочем, не дословно.
Можно взять иных профессий круг.
Лишь бы труд был в нашей родословной,—
С ним придет поэзия сам-друг.

Пусть стихи пойдут к народу спорко,
В них садам цвести, громам греметь.
Только б одолеть покруче горку,
Ну, а там и гору одолеть!

Ну, а там... Живому зову внемля,
Думу думай и пиши стихи,
И паши поглубже плугом землю,
Чтоб не вырастали лопухи!

* * *

Стихи! Опять я с ними маюсь,
Веду, беру за пядью пядь,
И где-то в гору поднимаюсь
И где-то падаю опять!

И где-то в строчке вырастаю,
А где-то ниже становлюсь,
Поскольку критику читаю,
А перечитывать боюсь!

А может, в прозу бросить камень?
Да нет его в моей руке.
А что же делать со стихами?
Не утопить ли их в реке?
Не утопить ли там облюбки,
Слова, которым не цвести?
Их зацелованные губки
Уже кармином не спасти!

...А мне не надо, что без лада,
Без вдохновенья и без снов!
И сердце радо, что не надо:
Оно в тоске от многих слов,

От нестерпимой гололеди,
Где слово, как веретено!
От совершенно стертой меди,
Где нет герба давным-давно!..

* * *

Удержи меня, мое презренье...
С. Есенин.

Будь всегда со мной, мое горенье,
Жар в моей груди, не остывай!
Будь всегда со мной, мое терпенье,
Не бросай меня, не отставай!

С вами я возьму пути любые,
Выйду к речи точной и нагой,
Сделаю, чтоб люди полюбили
Из груди исторгнутый огонь.

Где мы были, что мы поднимали,
Что несли дорогою крутой?
Но ни у кого не отнимали
Хлеба, соли, искры золотой.

Мы стояли там, где было знамя,
Гордо осенившее редут,
И друзья, что были рядом с нами,
Из могилы голос подадут.

Будь всегда со мной, мое горенье,
Я твоим огнем давно согрет.
Сохрани мне, жизнь, к тому презренье,
Где горенья нет, терпенья нет!

* * *

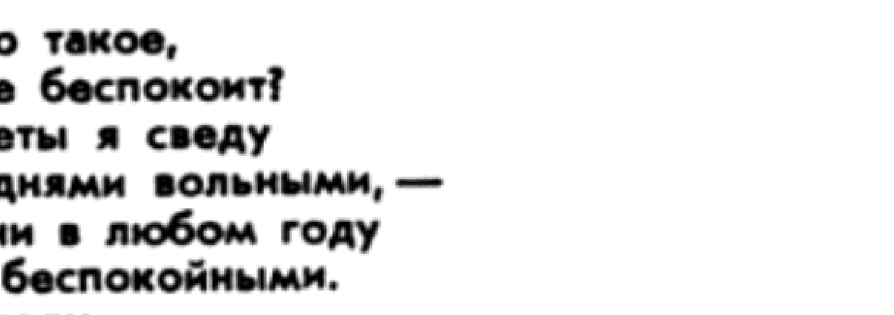
У песни все дело в зачине,
Где встали слова на места, —
И только по этой причине
Она раскрывает уста.

У ней что ни час — новоселье,
Нигде не бывает одна,
И пляшет она от веселья,
И плачет от горя она!

И трогает сердце и душу,
Взвивает знамена в бою,
И скалы взрывает и рушит,
Проходит в гвардейском строю;

Проходит на марше суровом, —
Уж так повелось на веку...
...Но где это верное слово,
Что первым ворвется в строкý?

* * *



Ну, что это такое,
Что сердце беспокоит?
И если счеты я сведу
С моими днями вольными, —
То ведь они в любом году
Все были беспокойными.
В любом году,
В любом ряду,
В любом, пожалуй, случае.
Дней вспоминаю череду...
За долами, за кручами
Прошли, остались колеи
Моей широкой долею,
Прошли, промчались дни мои
И сердце беспокоили,
Порою раня,
а порой
Каким-то часом радуя.
...Садится солнце за горой,
И дышит ночь прохладою,
В сплошной заре встает рассвет,
День молодой куражится...
А сердцу нет покоя, нет,
Да и не надо, кажется!



Материал, защищенный авторским правом

ОТ КРАЯ



Дома для строителей

Среди контрольных цифр семилетнего плана есть такая: 26 тысяч километров магистральных газопроводов и отводов от них к городам.

Строителям газопроводов придется работать на севере и на юге, в местах, где на сотни километров вокруг нет жилья. Ленинградский институт «Ленгипрогаз» спроектировал для строителей газопроводов передвижной дом. Серийный выпуск этого дома поручен Таллинскому машиностроительному заводу, уже много лет поставляющему оборудование для газовой промышленности.

И вот на заводском дворе проходит испытание на солнце, ветру и дожде первый новенький дом-вагон.

Он состоит из двух комнат, каждая для четырех человек. Комнаты напоминают каюты комфортабельного теплохода. Здесь есть зеркала и книжные полки, удобные кровати, обеденные и рабочие столы, встроенные шкафы для одежды и вещей, легкие и удобные стулья. Не забыта и сушилка для обуви и одежды. Для печи центрального отопления топливом будет служить жидкий газ.

В семилетку «Главгазу» потребуется две тысячи таких домов. Они будут устанавливаться на трассах новых газопроводов. На каждые десять жилых домов-вагонов Таллинский машиностроительный завод будет выпускать вагон специального назначения: в нем разместятся кухня, столовая, радиоузел, красный уголок.

Для строительства передвижных домов выделены легкие и прочные материалы: дюралюминий, крепкие сорта дерева, очень легкий новый теплоизоляционный материал — мипор. Утепленный мипором дом-вагон будет сохранять ровную комнатную температуру и при 40 градусах мороза и при 40 градусах тепла.

Когда настанет время передвигаться, трактор легко перетащит на новый участок трассы и дома. Летом дома «поедут» на колесах, зимой — на полозьях.

Н. ХРАБРОВА

Фото С. Розенфельда.

КИНОСТУДИЯ В БУРЯТСКОМ АЙМАКЕ

В зале потух свет, и на экране вспыхнула надпись: «Любительская киностудия «Байкал» — и название фильма: «Дорогой новаторов».

В зале то и дело слышны одобрительные возгласы. Зрители приветствуют появление на экране своих друзей: вальщика Семена Дульского и тракториста Владимира Дульского, слесарей-рационализаторов Михаила Томсона и Михаила Митрошкина.

Уже около года в Прибайкальском аймаке, Бурятской АССР, существует любительская киностудия «Байкал». Она возникла по инициативе работников местной газеты «Знамя победы». Аймачный совет помог молодым журналистам приобрести портативную кинокамеру, запастись пленкой. И теперь, выезжая в улусы, на лесосеки, к рыбакам и животноводам, корреспонденты привозят оттуда не только статьи и заметки, но и любопытные кинокадры. Из таких кадров монтируется документальный фильм, который впоследствии озвучивается с помощью магнитофона.

С одним из работников газеты, энтузиастом-кинолюбителем Георгием Токмаковым, мы встретились на горной лесосеке Бурлянского лесопункта. Он с увлечением снимал дружную работу двух лучших лесорубов: русского Иннокентия Воронина и бурята Юрия Санжиева.

— Недавно, — рассказал Г. Токмаков, — мы сняли документальный фильм о работе культбаз на отдаленных животноводческих фермах.

А. ГРИГОРЬЕВ



Кинооператор-любитель Г. Токмаков и лесорубы И. Воронин и Ю. Санжиев.
Фото В. Тарасевича.

Украина на ярмарке в Марселе

В Марселе открывается международная ярмарка.

Советский Союз представлен на ярмарке павильоном Украинской ССР.

— Огромные достижения республики обеспечили ее выход на международную арену,— рассказывает директор павильона Владимир Иванович Кривошеев.— Экспозиция нашего павильона познакомит посетителей с успехами республики в тяжелой промышленности, машиностроении, энергетике, химии, сельском хозяйстве, легкой и пищевой промышленности, в науке, культуре и здравоохранении.

Павильон УССР расположен возле Главного дворца ярмарки. Здесь же на площади в 3 тысячи квадратных метров демонстрируется новейшая горная техника, сельскохозяйственные машины, действующие макеты доменной печи, установки для непрерывной разливки стали.

Разнообразны будут экспонаты в разделе пищевой промышленности: совнархозы представили вина, сахар, масло, пшеницу...

На сцене павильона Украины будут выступать мастера искусства, демонстрироваться документальные и художественные фильмы.

О. ГУСЕВ



В отделе легкой промышленности павильона УССР.
Фото Н. Плаксина.

Вот он, наш спаситель!



М. Б. Барышевская, ее сын Владимир и А. П. Цыбульский (в центре).
Фото В. Пономарева.

Хочу рассказать о подвиге спортсмена-комсомольца, бывшего воспитанника Белорусского института физической культуры Анатолия Павловича Цыбульского.

Это было 26 июня 1941 года. Я только что проводила мужа на фронт. Осталась одна с годовалым ребенком. Осторожно я пробиралась с сыном к Московскому шоссе по охваченному пожарами городу.

Фашистские воздушные пираты, снижаясь до бреющего полета, обстреливали нас из пулеметов. На площади Победы я спряталась в подвале огромного недостроенного дома вместе с другими женщинами.

Загорелось наше здание, горел весь квартал. Из-за дыма и огня мы не могли ориентироваться, совсем растерялись. Смерть в огне, страшная смерть, казалась неизбежной.

И вдруг в подвале, в потемках, в дыму, раздался чей-то повелительный бас: «Эй, где вы?! Из-за проклятого дыма ничего не разберешь!»

Мы отозвались. И вскоре перед нами появился высокий, широкоплечий мужчина в флотском костюме. На плечи был наброшен плащ, весь мокрый. Видимо, он только что вылез из воды.

— А ну, женщины, выходите за мной! — скомандовал он.

Путь к выходу преграждало пламя. За пламенем была площадка, пока не охваченная огнем. Мужчина смело двинулся вперед, взяв на руки старушку.

Так оказался у него на руках и мой ребенок. Быстро набросив на меня свой мокрый плащ, он двинулся через огонь. Я бросилась вслед, за мной остальные женщины. Лавируя между горящими зданиями, мы вышли к реке Свислочи. И здесь, развернув одеяло, которым был закрыт мой сын, я увидела, что он не дышит. Я едва не потеряла сознание. Огонь, дым и угар сделали свое дело!.. Но наш спаситель взял крохотную ручонку ребенка в свою крепкую, мускулистую руку и коротко сказал:

— Не беспокойтесь, он жив, у него бьется пульс!

Прошло восемнадцать лет... Как-то на концерте самодеятельности в минской школе № 13 на сцену вышел высокий мужчина с седеющими висками и начал читать вступление в поэму В. В. Маяковского «Во весь голос».

Где-то, когда-то я слышала этот громкий бас... Но где и когда, я не сразу могла вспомнить.

После некоторого колебания я решилась заговорить с ним.

Так спустя восемнадцать лет я встретилась с человеком, который спас меня и сына. Этим человеком оказался преподаватель физкультуры в школе № 13 Анатолий Павлович Цыбульский.

Это он в те страшные дни окружил нас заботой, не дал умереть от голода. Я тогда, как и тысячи минчан, осталась без крова, без средств к существованию. Крышей надо мной и моим ребенком стала перевернутая лодка, а спали мы под шинелью, которую отдал нам Анатолий Цыбульский.

После захвата Минска гитлеровцами комсомолец Цыбульский быстро нашел свое место в строю, свой путь борьбы: он ушел в лес, стал сначала партизаном, а потом и командиром отряда «Боевой». Семнадцать раз был ранен. После окончания войны стал школьным преподавателем физкультуры и заочно учился в университете. Мой сын Владимир, спасенный им, теперь студент.

Наша встреча, запечатленная на этом снимке, была радостна для всех троих. Отмечая восемнадцать лет со дня чудесного спасения, мы отпраздновали также окончание А. П. Цыбульским заочного курса на историческом факультете Белорусского университета. А Владимир — мой сын — сдал экзамены за второй курс физико-математического факультета.

М. БАРЫШЕВСКАЯ

Материал, защищенный авторским правом



Красноречивые документы

В этом году научные сотрудники Музея Революции собрали материал об истории двух крупнейших предприятий Ленинграда: Металлического завода и завода «Электросила» имени С. М. Кирова.

Вот они, несколько новых музейных документов!

Мандат питерского рабочего А. К. Горбунова на похороны Ленина. На нем надпись, сделанная Горбуновым только для самого себя,— он хотел выразить переполнявшие его чувства.

«Я раб. глав. артиллер. полигона А. Горбунов, стоя около гроба Владимира Ильича Ленина в почетном карауле, много обдумал и пришел к тому, что все обывательские стороны... я могу только исправить, вступив в ряды Российской коммунистической партии, и клянусь, что буду исправным ее членом и рядовым работником».

Александр Константинович Горбунов — один из 240 тысяч, вступивших в партию по Ленинскому призыву,— выполнил свою клятву.

До 1956 года, когда Горбунов ушел на пенсию, он работал токарем на Ленинградском металлическом заводе. За самоотверженный труд в дни блокады Ленинграда, когда днем и ночью на заводе шел ремонт танков, А. К. Горбунов был награжден орденом «Знак Почета».

Сохранилось очень мало фотодокументов, рассказывающих о жизни первых колхозов. Поэтому особенно важна для музея фотография, которую передал участник Февральской революции и гражданской войны, старейший рабочий Металлического завода С. Н. Чистяков.

На пожелтевшей фотографии — праздник первой борозды в колхозе имени 12-го Красного Октября, в деревне Опеченский рядок, Ленинградской области, куда Чистяков был направлен партией во время коллективизации.

Большой интерес представляет документ, составленный в августе 1948 года. Председатель оргбюро Всесоюзного добровольного общества содействия авиации гвардии генерал-лейтенант Н. Каманин в нем подтверждает, что на имя общества получено 40 тысяч рублей, и благодарит товарища за активную помощь развитию авиации. Только фамилия товарища, внесшего деньги, неизвестна.

А в 1950 году на счет Ленинградского городского комитета Всесоюзного добровольного общества содействия Военно-Морскому Флоту было переведено также 40 тысяч рублей с просьбой не оглашать имя отправителя.

Но теперь можно и рассказать об этом человеке.

Семнадцатилетним юношей Владимир Тихонович Касьянов за участие в революционном движении был приговорен к четырем годам каторги, а затем сослан в Сибирь. В ссылке он был дружен с Я. М. Свердловым. С детства увлекаясь техникой, Касьянов строил в Сибири водяные мельницы для крестьян. Диплом инженера-электрика он получил только в 1929 году, когда ему было уже 42 года. С тех пор Владимир Тихонович работал на заводе «Электросила» и преподавал в Электротехническом институте имени В. И. Ульянова (Ленина).

В 1943 году тяжелая болезнь приковала его к постели. Малейшее движение доставляло страдания. Но болезнь не смогла победить огромного желания работать, творить. Касьянов дома проводил занятия со студентами, здесь же, в его комнате, обсуждали и утверждали новые проекты, конструкции электрических машин.

За плодотворную научную работу В. Т. Касьянову в 1945 году была присвоена степень доктора технических наук, а спустя два года — звание профессора.

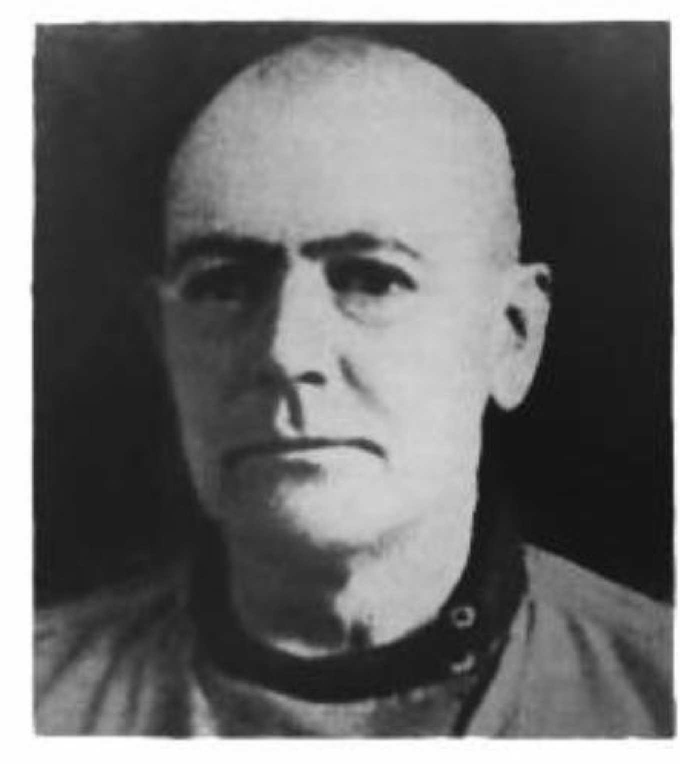
Владимир Тихонович был очень жизнерадостным человеком, он имел отличный голос и любил петь. Часто у него собирался народ, разговаривали, шутили, играли на рояле, пели.

Когда актер С. Бондарчук работал над ролью конструктора в фильме «Неоконченная повесть», он познакомился с этим замечательным человеком. Не раз бывал он в квартире Касьянова, которая становилась то кабинетом консультанта, то студенческой аудиторией, то местом научных заседаний, то приветливой гостиной.

Незадолго до смерти Касьянов закончил книгу «Расчет электрических машин постоянного тока». Эту книгу вместе с другими материалами своего отца передала Музею Революции Инна Владимировна Касьянова.

Все собранные документы — объективные свидетели истории — расскажут современникам и потомкам о простых и мужественных буднях советских людей.

Научные сотрудники Музея Революции
М. ГУДАРЕВА
и С. КАРАХАНЯН.



В. Т. Касьянов.



Первый выезд в поле после организации колхоза имени 12-го Красного Октября 23 апреля 1930 года.

Первый Иван Сусанин

На этом портрете изображен Иван Сусанин. И хотя портрету уже 123 года, но именно таким мы видим и сейчас на сцене героя бессмертной оперы. Сохранить этот образ для многих поколений артистов и зрителей помог крепостной уральского заводчика Демидова, живописец Степан Федорович Худояров (псевдоним Федоров).

Любопытна история портрета. Степан Худояров, сын известного нижнетагильского мастера расписных изделий из железа Федора Андреевича Худоярова, рано проявил большие способности в живописи. Владельцы нижнетагильских заводов Демидовы, желая иметь своего «придворного» художника, послали талантливого юношу учиться сначала в Рим, а затем в Петербург к К. Брюллову. Здесь Худояров и написал портрет Сусанина.

Как известно, опера Глинки впервые была поставлена в Петербурге 27 ноября 1836 года. Роль Сусанина исполнял известный русский певец Осип Афанасьевич Петров, обладавший сильным, красивым басом. Вдохновленный патриотической оперой и прекрасной игрой артиста, 28-летний Худояров написал портрет полюбившегося ему героя. Сходство с этим портретом соблюдали и в дальнейшем многие исполнители роли Ивана Сусанина.

Картина крепостного художника хранилась у Глинки, который, по свидетельству современников, очень дорожил ею, а после смерти композитора многие десятилетия находилась у его наследников. Сейчас подлинник портрета находится в Москве, в одной из частных коллекций, а его фотокопия выставлена в Нижнетагильском краеведческом музее, на родине крепостного художника.

Л. ТРИПОРЬЕВ

Шкаф-кабинет

Прозвенел звонок. В слесарном классе ленинградского ремесленного училища № 42 начался урок. Преподаватель Михаил Михайлович Петреев подошел к классной доске, которая висела посредине большого серого шкафа, и стал рассказывать о методах пространственной разметки в слесарных работах.

Чтобы показать учащимся нужные для этого инструменты, он легко отодвинул доску в сторону. И за ней открылся хорошо освещенный четырехугольный проем. Из боковой части шкафа преподаватель выдвинул щит с инструментами, размещенными на съемных планшетках.

В шкафу остроумно размещены подвижные щиты со всеми наглядными пособиями по слесарному делу. Это, по сути дела, целый учебный кабинет. Здесь имеется даже специальный экран для показа учебных диафильмов.

— Шкаф-кабинет,— рассказывает директор училища И. П. Нахутин,— сделан нашими учащимися и преподавателями. Наглядные пособия скомпонованы в одном месте, всегда они под рукой. Это позволяет преподавателю меньше рассказывать, а больше показывать. Зрительное восприятие помогает учащимся лучше усваивать предмет.

А. ГОЛИКОВ

Секция шкафа с наглядными пособиями.
Фото Б. Уткина.



ВКЛАД УЧЕНЫХ МИРА

С 25 по 30 августа происходила пятая по счету Пагуошская конференция, на которой обсуждались вопросы, связанные с угрозой биологической и химической войны.

Пагуошское движение ученых называется в честь Пагуоша, небольшого городка Канады, где в июле 1957 года ученые-атомники всего мира собрались на свою первую международную конференцию. Кто-кто, а ученые лучше всех понимают смертельную опасность, грозящую человечеству от применения ядерного, термоядерного и другого оружия массового уничтожения.

В 1955 году великий физик Альберт Эйнштейн, всемирно известный борец за мир и выдающийся физик Фредерик Жолио-Кюри, ученые Герман Меллер, Сесил Пауэлл, Джозеф Ротблат, Перси Бриджмен, Леопольд Инфельд, Хидэки Юкава, философ Бертран Рассел — большинство из них лауреаты Нобелевской премии — опубликовали обращение к ученым всего мира с призывом встретиться и поднять свой голос против использования атомной энергии в военных целях.

Практически осуществить эту встречу помог виднейший американский промышленник Сайрус Итон.

В Пагуошском движении участвуют ученые разных стран, разных политических взглядов, разного мировоззрения. Но все они ставят своей задачей сохранить мир и избавить землю от атомной катастрофы.

В адрес участников недавно закончившейся конференции пришла приветственная телеграмма Н. С. Хрущева, где выражена уверенность в том, что ученые внесут свой достойный вклад в дело борьбы против подготовки войны с применением ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового поражения.

В. БУЗУЕВ

На Пагуошской конференции ученых в апреле 1958 года. Справа налево: академики А. П. Виноградов, А. В. Топчиев, профессор Чикагского университета Гродзинс и секретарь советской делегации В. П. Павлюченко.



ДО КРАЯ

Материал, защищенный авторским правом

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Троллейбус-великан

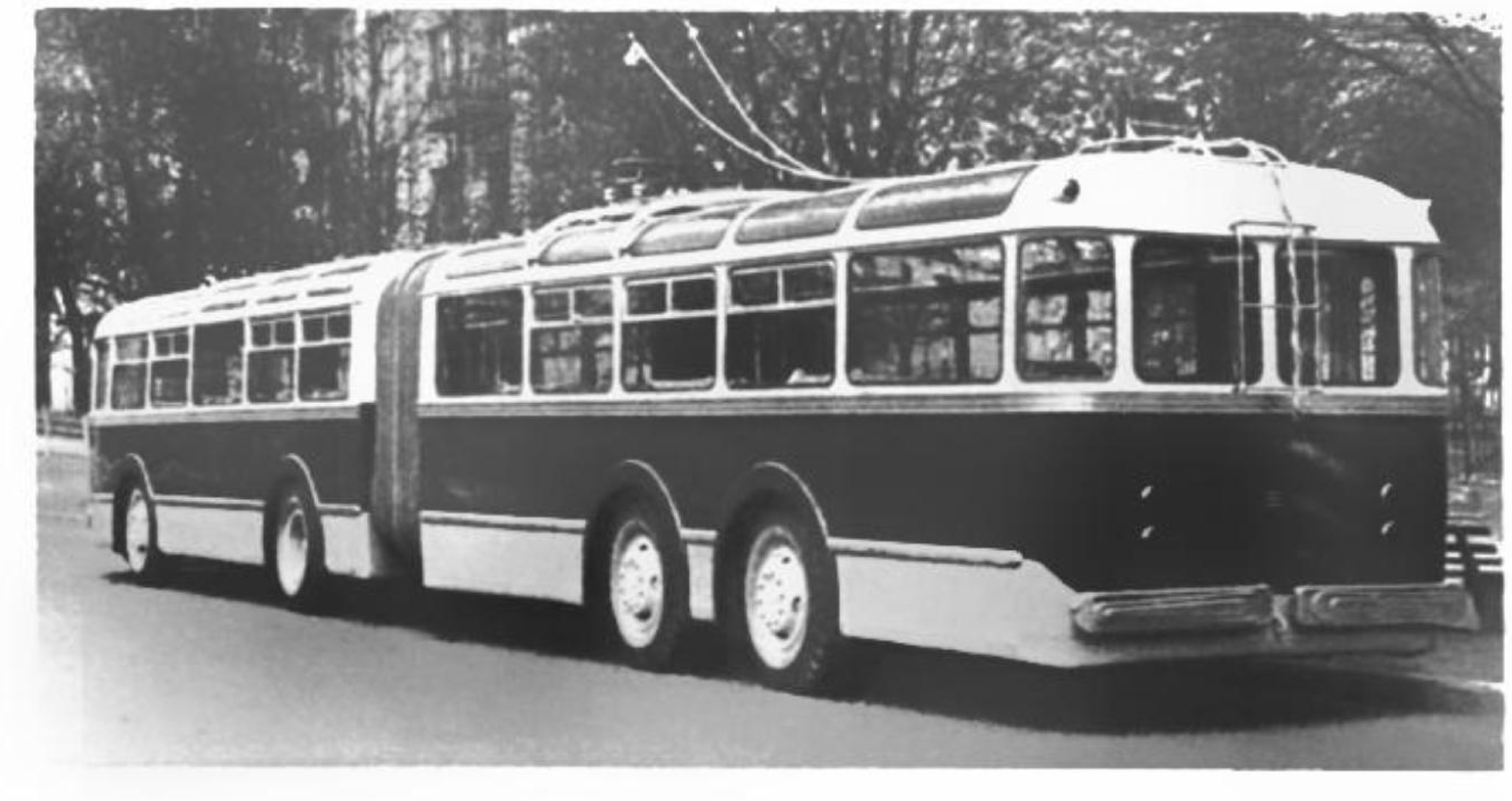


Фото Н. Баранова.

Необычный троллейбус появился недавно на улицах Москвы. В нем семь дверей. Мягко прогибаются спинки и сиденья кресел, сделанные из губчатой резины. Внутри стены облицованы светло-зеленой пластмассой, напоминающей малахит. В сумерках голубоватым светом зажигаются огромные прозрачные плафоны.

Новый троллейбус-гигант построен на Сокольническом вагоноремонтном заводе. Вот что рассказывает начальник центрального конструкторского бюро Управления пассажирского транспорта Москвы В. И. Строганов:

— Два вагона нового троллейбуса, соединенные в один салон, вмещают двести человек — столько же, сколько трамвайный поезд. Великан отличается от старых троллейбусов не только размерами. У новой машины низкие, удобные ступеньки, плавный, мягкий ход. Управление частично автоматизировано. Для разворота троллейбусу-великану нужно меньше места, чем автобусу.

Сейчас проводятся опытные поездки новой машины по Москве. С будущего года начнется серийное производство троллейбусов-великанов.

А. ДЕНИСОВ

Целебный шалфей



Невралгический санаторий в Рышканах.

Каждый год в середине лета из тонкой трубы, которая возвышается над Рышканами, появляется белый дымок, возвещающий о начале сезона переработки эфиромасличных растений. С этого дня от совхоз-завода день и ночь течет теплый маслянистый ручей, пахнущий так, словно в нем растворили тысячи кусков самого лучшего туалетного мыла. Стекал этот ароматный ручей в овраг не одно лето,— это были отходы переработки мускатного шалфея в масло. Однажды главный врач местной больницы Николай Андреевич Гречин проходил мимо и увидел, что некоторые из рабочих, закатав по колено брюки, бродят по ручью, будто что-то ловят в нем.

— Раков в отходах шалфея ловите? — пошутил врач.

— Здоровье ловим! — в тон ответили ему и пояснили: — У кого суставы от простуды или от старых ран болят, то десять — двадцать таких вот процедур примут, и легче становится.

Директора завода Седова врач нашел на берегу того же ручья. Семен Максимович Седов, участник гражданской войны, тридцать пять лет прослуживший в Советской Армии, никак не мог излечиться от постоянных суставных болей. Он объездил чуть не все курорты страны, но болезнь все усиливалась. По примеру некоторых рабочих посидел директор с десяток раз в ароматном ручье и стал чувствовать себя лучше.

— Лечение-то, оказывается, не за морями, а тут, на своем заводе,— сказал он заставшему его «на процедуре» врачу.

Так семь лет назад в малоизвестном местечке Рышканы началось применение отходов производства шалфейного масла «для лечения хронических заболеваний опорно-двигательного аппарата и периферической нервной системы». Надо было строить в этих местах санаторий, но Министерство здравоохранения Молдавии медлило.

Выручили врача рышканские колхозники, исцеленные от недугов «ваннами Гречина». Они построили в Рышканах санаторий на средства колхозов.

Сейчас санаторий принадлежит государству. Колхозам района полностью возмещены затраченные ими средства, а за инициативу им ежемесячно выделяются бесплатные путевки в санаторий.

Еще не успела высохнуть краска на новом санатории, а в нем уже видишь больных, приехавших за тысячи километров. Но десяткам страждущих медицинские органы Молдавии вынуждены отвечать отказом: всех не вместишь. Сейчас Министерство здравоохранения Молдавии открыло еще один такой санаторий, в Калараше, но и этого недостаточно. Нужно построить подобные здравницы при каждом из семи совхоз-заводов, перерабатывающих в Молдавии шалфей.

Сейчас здесь научились изготавливать сгущенный конденсат шалфейного препарата, годами сохраняющий целебную силу. На него уже получены заявки из Москвы, Ленинграда и других городов. Но одной Молдавии растущий спрос на такой конденсат не удовлетворить. А ведь в Средней Азии, Закавказье, Крыму и Краснодарском крае — везде, где есть плантации мускатного шалфея, темные пахучие ручьи, берущие начало в перегонных аппаратах заводов, продолжают уносить с собой чудодейственную силу. Эти целебные ручьи надо удержать.

В. СУББОТИН

— Шалфейные ванны, словно живая вода, спасли мне жизнь,— говорит, прощаясь с врачами санатория, колхозница М. И. Гылка.

Фото А. Майорова.

ЖИЗНЬ ВОДНЫХ ПОТОКОВ

Это случилось в Калифорнии в середине прошлого века. Город Мерисвилл, находившийся ранее вне разливов реки Юбы, пришлось вдруг срочно защищать от наводнений. Виноваты в этом оказались... местные старатели. Не подозревая о последствиях, они сбрасывали в реку пустую породу — отходы от промывки золота, а из-за этого сильно повысился уровень воды.

Столь грустный случай не мог, казалось бы, повториться в наше время, ибо на рубеже XIX—XX веков американский ученый У. Дэвис выдвинул стройную теорию, объясняющую, как зарождаются реки, как развиваются их долины. Но, как ни странно, гидротехников до последнего времени продолжали подстерегать неприятности. Мосты, построенные по всем правилам науки, почему-то иногда сносились течением, укрепленные берега внезапно размывались. А дело в том, что американский ученый втиснул многообразную деятельность водных потоков в прокрустово ложе заранее заданной схемы.

Он различает в жизни рек три строго чередующиеся фазы, образующие замкнутый цикл — молодость, зрелость и старость, и приписывает каждой из них четко определенные свойства. Например, он считал, что река не может размывать берега в стадии молодости, потому что поток стремится в это время лишь к углублению русла. Но вода не желала считаться с теорией и часто размывала берега совсем не в той стадии цикла, которая была предусмотрена Дэвисом. Кто же объяснит это коварство рек?

Многолетние чаяния ученых и практиков-речников воплотились в научном труде доктора географических наук, профессора кафедры геоморфологии МГУ Н. И. Маккавеева «Русло реки и эрозия в ее бассейне».

В 1935 году молодой геолог Маккавеев был послан с отрядом ЭПРОНа на Северную Двину. Проработав на Двине всю навигацию, Николай Иванович заметил, что прихотливая деятельность могучей реки далеко не всегда следует «гранитным постулатам» Дэвиса. Один старый профессор, с которым Маккавеев поделился своими еще робкими сомнениями относительно незыблемости теории, посоветовал ему:

— Знаете, юноша, коли вас водная стихия так зацепила, попробуйте-ка сами разобраться в ее капризах: может, они отражают законы, которых мы еще не постигли. Только условимся: пока что поменьше читайте, а побольше наблюдайте, присматривайтесь, выпытывайте у самой реки ее тайны.

Потянулись долгие годы работы на реках нашей страны и затяжные споры с приверженцами Дэвиса.

И вот родилась теория, по-новому объясняющая образование и жизнь всех пресноводных потоков — от тихой дождевой струйки на склоне холма до величавых разливов Оби, Лены, Миссисипи, Амазонки.

В чем же сущность этой теории?

— Коль скоро вода есть материя,— утверждает Маккавеев,— и движется по материальной среде, следовательно, главное в ее деятельности не придуманная схема, а реальное, многообразное движение, ее собственное движение и развитие среды — ландшафта водосбора. Иначе говоря, быт реки управляется в основном законами ее водного режима и историей ее жизни. А отсюда неизбежно вытекает вывод: меняя водный режим, можно добиться изменения рельефа русла, в частности изменения глубины потока.

Это положение, несмотря на свою молодость, уже не раз было выверено практикой. Инженеры Волго-Донского канала имени В. И. Ленина, использовав идею Маккавеева об изменении руслового режима реки под влиянием водохранилища, сумели сэкономить сотни миллионов рублей тем, что обошлись без постройки излишних шлюзов, предусмотренных проектом Гидростроя.

Работа Маккавеева очень важна для самых разных отраслей народного хозяйства. Геологов, например, интересует теория происхождения террас-ступеней, образованных природой на склонах долин из аллювия. Ведь аллювий — копилка для золота, алмазов, титановых руд. А для сельского хозяйства важна роль потоков в образовании оврагов и влияние растительности на смыв почвы.

Н. ВЕРИНА



Профессор Н. И. Маккавеев.

Фото Я. Рюмкина.

Материал, защищенный авторским правом

Когда человек вибрирует...

Фельетон

Ольга ПОЗДНЕВА

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

Шел великолепный август. В скверах цвели флоксы, над городом плыли лиловые сумерки. Инженер Петр Ильич Петров вернулся с работы домой, открыл окно, и... ему сразу вспомнились поэтические строчки:

Растворил я окно,
Стало грустно невмочь...

В комнату ворвались назойливые, безжалостные шумы.

Наука, изучающая шумы, разработала точную классификацию. Шумы разделяются на: а) домовые, б) дворовые, в) бытовые (квартирные), г) уличные, д) производственные. Шумят моторы, работающие на бензине, шумят граждане, управляемые двигателями внутреннего сгорания, то есть спирто-водочным горючим.

Шумы, атаковавшие нервную систему Петра Ильича Петрова, были синтетические: квартирно-дворовые. На двух соседних подоконниках кудахтали патефоны,



разрабатывая основную патефонную тему — тему любви. Неподалеку на балконе ученик музыкальной школы прилежно дудел на трубе гаммы.



Инженеру Петрову стало не по себе. Он целый день работал, устал и хотел отдохнуть, почитать газеты, подумать о том, о сем. Куда там! Конечно, можно было призвать к порядку нарушителей тишины, но кому хочется этим заниматься после рабочего дня? Внизу, во дворе, гитара забренчала плясовую, кастаньетно защелкали об асфальт подметки под ободряющие крики: «Коля, давай! По тебе, девчоночка, позеленел, как елочка!»

Петр Ильич вспомнил прослушанную вчера радиолекцию «Боритесь за тишину!».

«Воздействуя на нервную систему,— говорил диктор,— шум нарушает ее деятельность и расстраивает функции центров, регулирующих работу внутренних органов. В результате могут возникнуть головные боли, бессонница, повышенная утомляемость, раздражительность и другие явления, объединяемые общим термином «невроз».

Авторы эффектно дополняли эту мрачную картину перечнем тяжелых заболеваний: гипертония, язва желудка, сердечно-сосудистые болезни... И в заключение призвали всех к общей борьбе за «благотворную тишину».

Инженер улегся спать, согретый надеждой на грядущие реформы в области оздоровления быта.



В час ночи грохот, похожий на одиночные минометные выстрелы, поднял его с постели.

Нет, это были не выстрелы! Владелец автомобиля поставил во дворе машину на ночлег и пробовал, плотно ли захлопываются дверцы. Оживляя дворовый ландшафт, здесь расположился целый автомобильный конгресс. Обладатели «Волг» и «Побед» громко спорили друг с другом, препирались с ночным дворником. На рассвете один из жильцов со стуком и лязгом чинил «Москвич», взывая к пятому этажу: «Маня, брось отвертку! Маня, что ты бросила? Это же стамеска!..»

Утром Петров отправился на работу с полным набором симптомов невроза. Во дворе представитель автомобильной инспекции штрафовал хозяина автомобиля. Петров радостно заулыбался: «Давно бы так! А то не спишь ночь, невралгия...» «При чем тут невралгия? — удивился сотрудник ГАИ.— Я штрафую его за неясный номерной знак, а стоянка автомобилей во дворе разрешена».

Петров попросил на службе отгул и ринулся на поиски борцов с вредными шумами.

...В старину борьба с шумами велась примитивно. Проанализируем, к примеру, фольклорный источник XVII века: «Не шуми, мати, зеленая дубровушка!» —восклицает герой старинной песни, некий детинушка. Оказывается, шум дубравы как звуковой раздражитель тормозит детинушкины условные рефлексы («Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати»).

Теперь эта проблема — не то что в старину — поставлена на солидные рельсы. Чтобы обойти все учреждения, где ее решают, нужно много времени. На великом, могучем и прекрасном русском языке они называются так: СЭС, НИИСТ, ОРУД, САКБ, АПУ, ЦНИЛ ГЭ и т. д. Это институты, конструкторские бюро, станции, лаборатории. Теме борьбы с шумами посвящаются конференции, съезды, совещания, диссертации.

Вот заканчивается Всесоюзная конференция по гигиенической проблеме борьбы с шумом. В резолюции, печальной, как реквием, отмечается, что «в деле борьбы с шумами и в защите людей от их вредного действия имеется еще много нерешенных вопросов...».

Дальше идет перечень всяких «не»: «Заводами не уделяется достаточного внимания уменьшению шумности выпускаемого ими промышленного оборудования», «Проектные и строительные организации недостаточно проводят мероприятия по снижению шума». Финальное «не» относится к милиции, жилищным управлениям исполкомов местных Советов.

Такое положение вещей, разумеется, всех огорчает, поэтому необходима новая конференция. Разгораются холодным бенгальским огнем междуведомственные споры. Шум от них хотя и безвредный, но, правду говоря, и бесполезный.

Наш Петр Ильич познакомился с перепиской ответственных товарищей. Обращаются совместно (и вполне обоснованно!) заместитель главного санитарного инспектора РСФСР Заликин и заместитель министра коммунального хозяйства Шакунов в Академию коммунального хозяйства. Предлагают начать научную разработку проблемы, как добиться звуконепроницаемости в новых домах. И вот ответ директора академии Иванова: «Считаю нецелесообразным».

Войдя в кабинет начальника ОРУДа комиссара Малова, Петров не мог начать разговора: мимо окон по проспекту Мира тяжелой поступью, грохоча, шли грузовики Минского автозавода. Вместо разговора была исполнена небольшая пантомима: Петров показал рукой на окно. Малов понимающе кивнул и достал из ящика стола письмо из НАМИ. Работники ОРУДа просили заместителя директора Научно-исследовательского автомобильного и автомоторного института (НАМИ) Лунева, чтобы институт при разработках новых моделей добивался бесшумности автотранспорта. И вот Лунев объясняет ОРУДу: «Вопрос устранения шума... не входит в круг вопросов, которыми занимается институт НАМИ, и должен быть рассмотрен организациями, ведающими движением грузовых автомобилей по городу Москве».

Читатель, должно быть, уже беспокоится о здоровье нашего Петрова.

Несмотря ни на что, он относительно бодр и сейчас поднимается по лестнице в городскую санитарно-эпидемиологическую станцию.

— Шум — страшная вещь,— скорбно вздохнул главный врач Соколовский.— Как известно, исчисляется он децибелами. Если шум достигает ста двадцати децибел, человек начинает вибрировать...

— А как вы воюете с этим злом?

— Мы еще слабо боремся,— признался главный врач.— От случая к случаю. Местные Советы нам плохо помогают... Да и мы сами слабо, очень слабо боремся. Жалобами нас завалили.



Наш Петров так и не понял, почему главный врач выполняет свою прямую обязанность от случая к случаю. Ведь тут-то как раз не грех и пошуметь. Причем на все 120 децибел, чтобы те, кто ему мешает, как следует вибрировали.

Жалобами на шум завален исполком Московского городского Совета. Там Петрову обещали, что через 30—40 лет Москва превратится в город-парк, а пока... В городском жилищном управлении сказали просто, что у них дело плохо, а один гражданин со 2-й Тверской-Ямской, измученный шумом от подкачки воды, уже написал 120 жалоб с копиями.

Ученые изобрели шумомер. Маленький умный аппарат точно замеряет интенсивность звука. Но бороться с шумом, хлопотать, наказывать шумомер не может. Это доверено определенным работникам, а они вместо того, чтобы бороться с шумами, поднимают шумиху о шумах.

И завтра утром Петру Ильичу Петрову снова придется идти на работу с головной болью.

Материал, защищенный авторским правом



На крючок пойманы... журналисты

В редакцию нашего журнала прислал письмо из Ровно сотрудник областной газеты «Червоний прапор» А. Дроздов. Он пишет: «Двадцать восьмого июля работник Ровенского обкома комсомола Георгий Семенюк отправился на реку Горынь поудить ночью рыбу. Сначала ему удалось поймать сома, потом рыбешку. А около полуночи на крючок попалась большая рыба. Это оказалась стерлядь. Длина ее — полметра, а вес — около пятисот граммов.

Как могла попасть стерлядь в реку Горынь?»

Чтобы ответить А. Дроздову, мы обратились в Киев, в Главную государственную инспекцию по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства при Совете Министров УССР. Нам разъяснили, что существует запрет на ловлю стерляди во всех районах Украины. Завезенная с Камы и Волги, стерлядь хорошо приживается в украинских реках. Не удивительно, что из Днепра и Припяти она заходит уже в реку Горынь.

Ясно, что стерлядь следует всемерно охранять в реках Украины, пока она не размножится. Браконьеры же, а с ними заодно и невежественные рыболовы, вроде Георгия Семенюка, губят эту рыбу, причиняя ущерб государству. Кстати, взрослая стерлядь достигает 16 килограммов веса, то есть в 32 раза больше, чем пойманная Семенюком стерлядка.

На другой фотографии вы видите других браконьеров — сотрудника Хабаровского аэропорта Шайхулу Япарова и его сына Евгения. Вот что пишет по этому поводу редактор газеты «Тихоокеанский работник» В. Даниленко:

«Вы знаете, что Амур богат рыбой. В его водах водится и калуга (кстати, это — единственное место, где она водится). Кто из рыбаков-любителей не мечтал поймать огромную-преогромную рыбину! Но это почти никому не удавалось. Рыбак-любитель Япаров зацепил на блесну калугу. Думал, леска не выдержит, но с помощью товарищей вытащил. Калуга оказалась весом в 46 килограммов. Я сфотографировал рыбака с сыном, который вышел помочь отцу принести калугу».

Нам думается, Ш. Япаров и тем более редактор местной газеты хорошо знают, что существует запрет на ловлю осетровых рыб в реке Амуре в течение 12 лет. Они осведомлены, что калуга — ценнейшая из рыб, что она не водится нигде, ни в одной стране, кроме как в нашей, и только в Амуре. И все же браконьеры польстились на легкую добычу: они поймали сравнительно маленькую калугу, не дав ей подрасти и стать громадной рыбиной весом до тонны. Как видно, браконьерам нет нужды ждать 12 лет, пока будут восстановлены рыбные запасы Амура.

Охраняйте рыбные богатства!

Маленькие плакаты — почтовые марки, выпущенные недавно в обращение,— призывают население охранять осетровых и лососевых — ценнейших рыб нашей Родины. Марки нарисованы художником В. В. Пименовым.








МАСТЕР ГРАВЮРЫ



Николай Иванович Пискарев (1892—1959) — многосторонний и тонкий мастер. Он с необычайной яркостью проявил себя в области книжного искусства и гравюры, внеся заметный вклад в развитие культуры советской книги.

Воспитанник Строгановского училища, Пискарев в совершенстве изучил графическое искусство и овладел многими отраслями декоративного творчества. Все это помогало ему при решении сложных задач книжной графики, тесно связанной с полиграфическим производством.

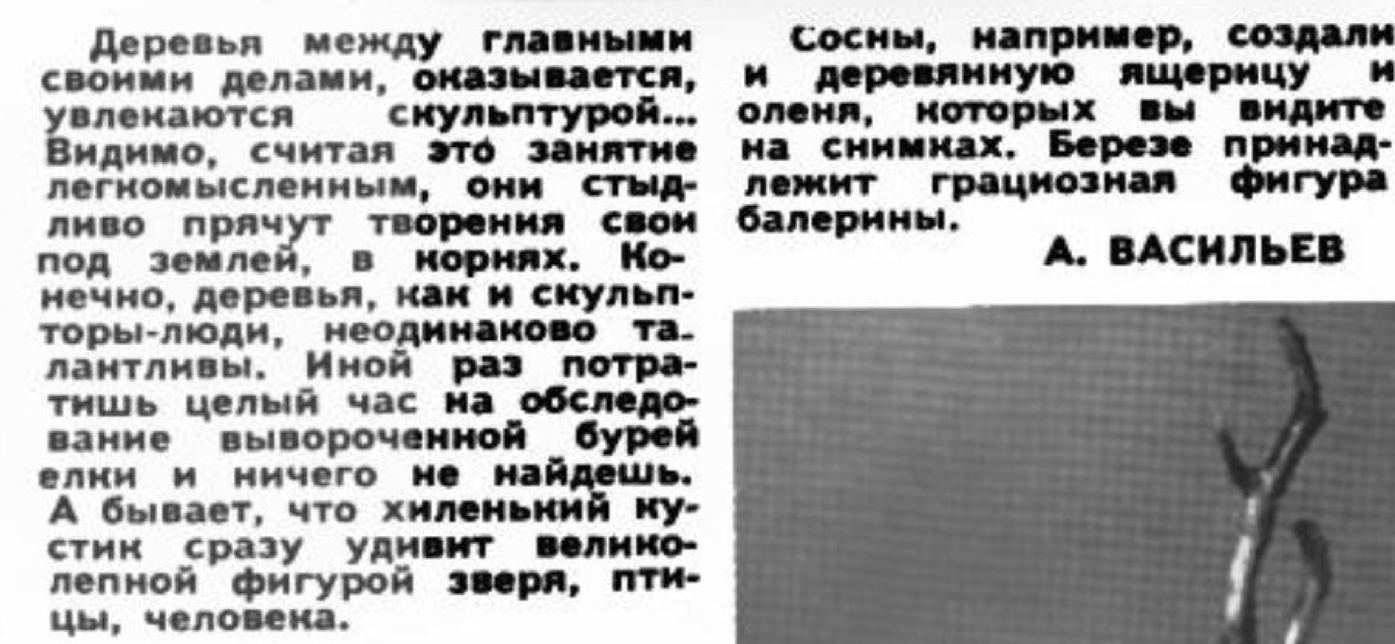
Взыскательный талант Пискарева в искусстве советской книги органически соединялся с его мастерством гравера-ксилографа. Начиная с «Железного потока» Серафимовича и «Освобожденного Дон-Кихота» Луначарского до «Флага над сельсоветом» Недогонова и многих других изданий наших дней он показал себя замечательным гравером книги. Это его искусство полно индивидуального своеобразия, вкуса, технического изящества.

Творчество Пискарева получило известность не только на родине, но и далеко за ее рубежами. «Анна Каренина» с гравюрами и в оформлении художника была выпущена специальным изданием Клубом библиофилов в Америке.

М. СОКОЛЬНИКОВ



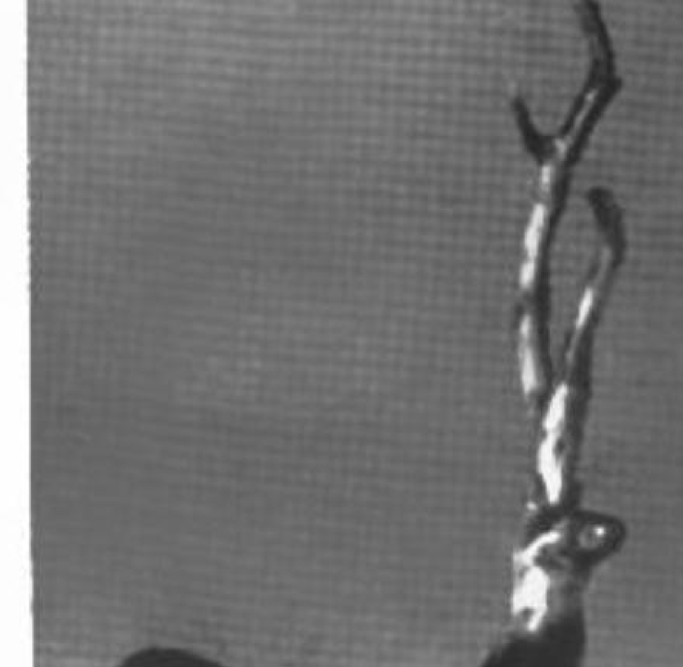
СКУЛЬПТУРЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ



Деревья между главными своими делами, оказывается, увлекаются скульптурой... Видимо, считая это занятие легкомысленным, они стыдливо прячут творения свои под землей, в корнях. Конечно, деревья, как и скульпторы-люди, неодинаково талантливы. Иной раз потратишь целый час на обследование вывороченной бурей елки и ничего не найдешь. А бывает, что хиленький кустик сразу удивит великолепной фигурой зверя, птицы, человека.

Сосны, например, создали и деревянную ящерицу и оленя, которых вы видите на снимках. Березе принадлежит грациозная фигура балерины.

А. ВАСИЛЬЕВ



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

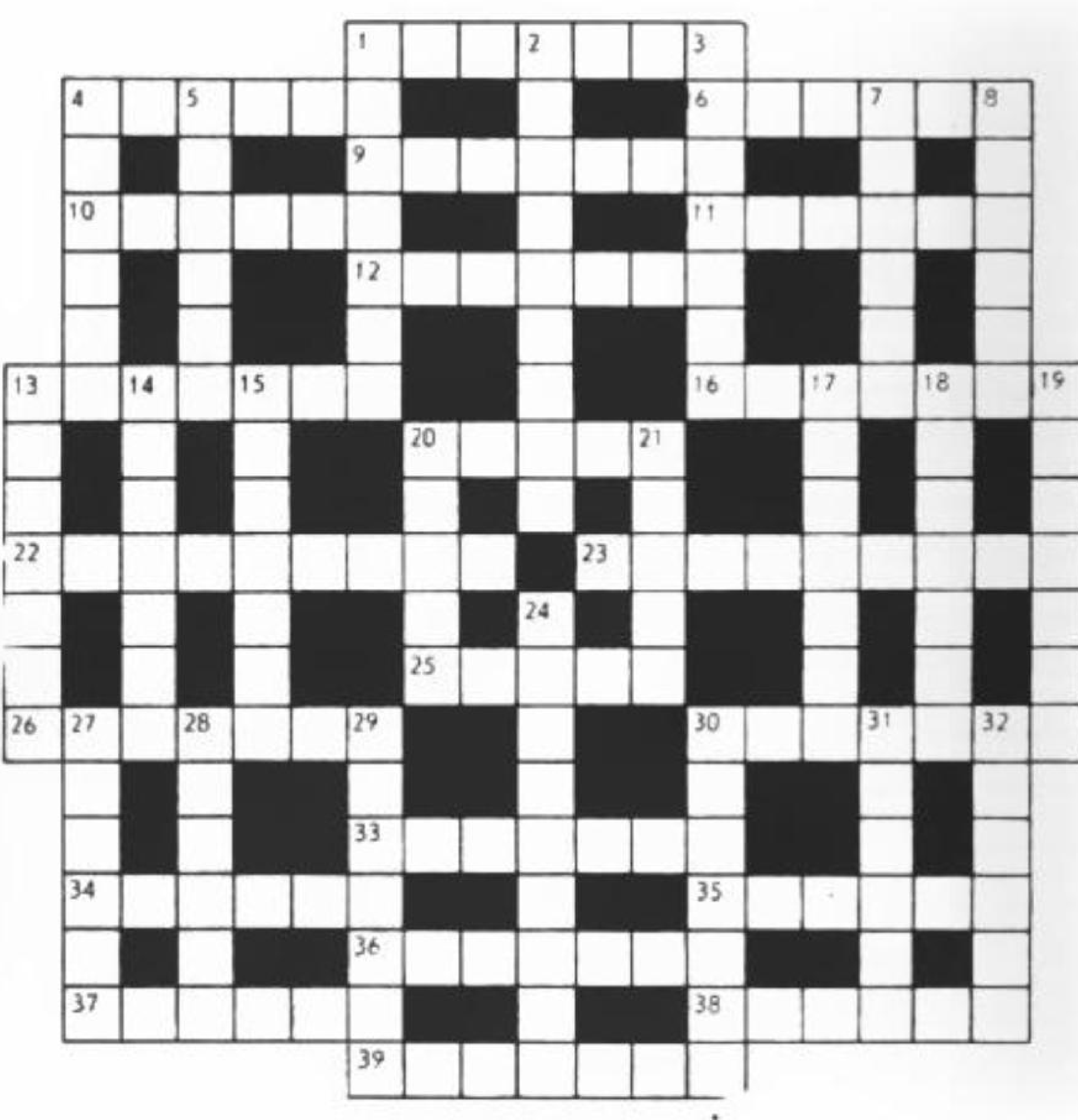
По горизонтали:

2. Паскаль. 7. Выпас. 9. Фукус. 10. Метеорограф. 12. Палех. 13. Милев. 14. Тангенс. 16. Афоризм. 18. Куратов. 19. Пилотка. 20. Просвет. 23. Стрелка. 26. Вебер. 28. Дисна. 29. Направление. 30. Сцена. 31. Курин. 32. Зарянка.

По вертикали:

1. Выставка. 3. Анкета. 4. Коврига. 5. Лезгин. 6. Бутлеров. 8. Смех. 9. «Фрам». 10. Метрополитен. 11. Фильтрование. 14. Тримитас. 15. Стрекоза. 17. Мира. 18. Кноп. 19. Полевица. 21. Технеций. 22. Секвойя. 24. Торока. 25. Квебек. 27. Рама. 28. Диск.

КРОССВОРД



По горизонтали:

1. Автор «Книги джунглей». 4. Смолистое вещество. 6. Пьеса Б. Лавренева. 9. Сырье для меховой промышленности. 10. Фигурная линейка. 11. Химический элемент. 12. Ожидание радостного, приятного. 13. Командир казачьего корпуса в Великой Отечественной войне. 16. Многолетняя трава. 20. Разновидность агата. 22. Афинский комедиограф. 23. Река в США. 25. Театральное объявление. 26. Автономная советская республика. 30. Птица шестого материка. 33. Летняя пристройка к зданию. 34. Рыба-ползун. 35. Объект художественной зарисовки. 36. Страна в Африке. 37. Иллюстратор поэмы «Витязь в тигровой шкуре». 38. Масса снега, низвергающаяся с гор. 39. Приманка.

По вертикали:

1. Оборонительное сооружение. 2. Морское животное типа хордовых. 3. Снаряд. 4. Металл. 5. Герой повести Н. В. Гоголя. 7. Род художественной литературы. 8. Название сельской площади. 13. Управление факультета. 14. Одна из возможных комбинаций в шахматной игре. 15. Асфальтовая дорожка. 17. Воинское звание. 18. Русский флотоводец. 19. Чуждое для организма вещество. 20. Тесто в состоянии брожения. 21. Фруктовое дерево. 24. Крайнее преувеличение. 27. Опера А. А. Спендиарова. 28. Денежная единица Афганистана. 29. Спортсмен. 30. Инструмент для автоматической игры на фортепьяно. 31. Башкирский поэт. 32. Ящерица.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06580. Подписано к печати 9/IX 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1306. Заказ № 2019.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Материал, защищенный авторским правом





Иллюстрация к «Железному потоку» А. С. Серафимовича.

Фронтиспис «Гимн Солнцу» к «Исповеди» Жан-Жака Руссо.



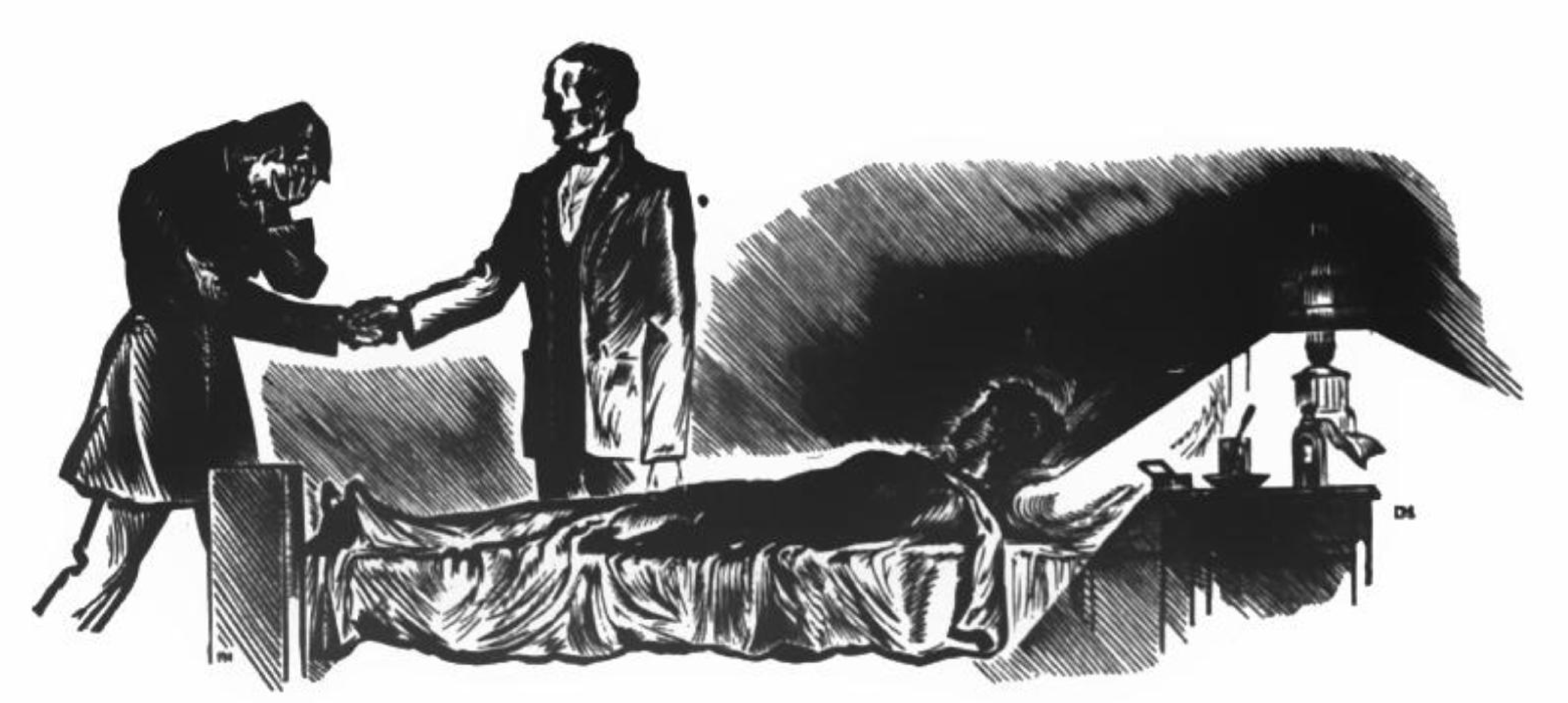
Иллюстрация к «Освобожденному Дон-Кихоту» А. В. Луначарского.



Иллюстрация к «Домби и сыну» Ч. Диккенса.



Иллюстрация к «Анне Карениной» Л. Н. Толстого.




Виньетка на обложке книги «Искусство в массы».

Материал, защищенный авторским правом

Цена номера 3 руб.



Материал, защищенный авторским правом